

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026 Том 30 № 1

DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-1

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Руководство производством журнала,
техническое и организационное
обеспечение, формирование редакционной
политики, взаимодействие и контакты
с партнерами и официальными структурами.
E-mail: yastreb-ov-0a@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович,
доктор юридических наук,
профессор, РУДН, г. Москва,
Российская Федерация.
Научная политика, организация
отбора статей, качество
публикуемых материалов,
формирование выпусков.
E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Никитина Валентина Сергеевна,
кандидат юридических наук, РУДН,
г. Москва, Российская Федерация.
Переписка с авторами,
документооборот журнала,
информационная инфраструктура
журнала, организация
рецензирования материалов.
E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

- Абашидзе Аслан Хусейнович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
- Андреева Полина Николаевна**, кандидат юридических наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
- Байдельдинов Даулет Лаикович**, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
- Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич**, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан
- Варламова Наталья Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
- Васильева Татьяна Андреевна**, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
- Габов Андрей Владимирович**, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
- Гамбарян Артур Сиреканович**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения
- Джансарова Рима Еренатовна**, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
- Еремян Виталий Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
- Клишас Андрей Александрович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
- Либенберг Сандра**, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика
- Нематов Акмал Рауфджонович**, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан
- Немытина Марина Викторовна**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
- Панагиотопулос Димитриос**, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция
- Почкаев Роман Юлианович**, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Пьетробон Алессандра**, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия
- Робинсон Николас**, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Тимошина Елена Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI)*, *Единый государственный перечень научных изданий (Белый список)*, *перечень ВАК*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *WorldCat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *Dimensions*, *ResearchBib*, *Lens*, *Research4Life*, *JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учеными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы *К.П. Перегудова, К.В. Зенкин*

Редактор-переводчик *В.В. Степанова*

Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 20.03.2026. Выход в свет 30.03.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,2. Тираж 500 экз. Заказ 12. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2026 VOLUME 30 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-1

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PRATICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Valentina S. Nikitina,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Polina N. Andreeva, Candidate of Legal Sciences, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideidinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhanarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobbon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *White List of RCSI, Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors K.P. Peregodova, K.V. Zenkin

Editor-translator V.V. Stepanova

Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Колосова Н.М., Лещенков Ф.А. Тайна медицинской информации и ответственность за ее нарушение: опыт США и Канады	7
Болдырев В.А. Технологическая нейтральность норм как юридический концепт	21
Капитанов К.И. Планирование региональной законопроектной деятельности и ее юридическое значение	35
Праскова С.В. Территориальность вместо территории: как исправить краеугольное противоречие пространственной теории.....	53

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Маджумасев М.М., Кузнецова О.А. Антикриминальный потенциал машинного обучения: предиктивная аналитика предупреждения цифрового вовлечения в террористическую деятельность	70
--	----

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Епифанов А.Е. Трансформация советского законодательства о браке и семье в послевоенный период (1945–1960)	90
Мун В.А. Ведение записей о рождении, браке и смерти в метрических книгах России в XVIII — начале XX вв.: церковная и юридическая практика	103
Колосов И.В. Современные американские теории о насильственных причинах происхождения государства и права	121

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Басиев М.С. Правовая природа и особенности публичной власти федеральной территории «Сириус»	137
--	-----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Саудаханов М.В., Чихладзе Л.Т. Развитие права частной собственности: сравнительный анализ	156
Ивенский А.И. Целесообразность модернизации современного Российского семейного права в части легальной дефиниции алиментов	175

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

Алферова Е.В. Рецензия на монографию: Атабеков А.Р., Ястребов О.А. Стратегическое позиционирование искусственного интеллекта в сфере государственного управления и практика правового регулирования. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 447 с.	192
Русаква Е.П., Фролова Е.Е. Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: обзор Международного научного юридического форума памяти профессора В.К. Пучинского, 17 октября 2025 г.	201

CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

Nina M. Kolosova, Felix A. Leschenkov. Medical privacy and liability for its violation: The experience of the U.S. and Canada	7
Vladimir A. Boldyrev. Technological Neutrality of Norms: Prospects for Implementing a Legal Concept	21
Kirill I. Kapitanov. Planning of Regional Legislative Activities and its Legal Significance ...	35
Svetlana V. Praskova. Territoriality instead of territory: Resolving the fundamental contradiction of spatial theory	53

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Murad M. Madzhumayev, Olga A. Kuznetsova. Anti-Crime Potential of Machine Learning: Predictive Analytics for Preventing Digital Terrorism Activities	70
---	----

HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

Alexander Y. Epifanov. Transformation of Soviet marriage and family legislation in the post-war period (1945–1960)	90
Victoria A. Mun. Metric books in imperial Russia: Church recording vs. legal proof (18 th — early 20 th centuries)	103
Igor V. Kolosov. Contemporary American Theories on the Violent Causes of the Origin of State and Law	121

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

Marat S. Basiev. Legal nature and public authority of the Sirius federal territory	137
---	-----

CIVIL LAW

Marat V. Saudakhanov, Levan T. Chikhladze. Development of Private Property Law: A Comparative Analysis	156
Andrey I. Ivenskiy. Need to Clarify the Legal Definition of Alimony	175

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Elena V. Alferova. Review of the monograph: Atabekov, A.R., Yastrebov, O.A. (2024) Strategic positioning of artificial intelligence in public administration and legal regulation practice. Moscow, UNITY-DANA Publ.	192
Ekaterina P. Rusakova, Evgenia E. Frolova. Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world: Review of the International Scientific Legal Forum in memory of professor V.K. Puchinsky, October 17, 2025	201

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-7-20>
EDN: QPNCSU

Научная статья / Research Article

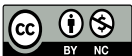
Тайна медицинской информации и ответственность за ее нарушение: опыт США и Канады

Н.М. Колосова , Ф.А. Лещенков

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
 kolosova-law@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – проведение сравнительно-правового исследования защиты тайны медицинской информации на примере правового регулирования Соединенных Штатов Америки и Канады. Актуальность обусловлена возрастающей ролью информации в современном мире с учетом стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и возникновением новых угроз, сопряженных с неправомерным доступом к информации персонального характера. Медицинская информация относится к категории чувствительной информации, которая подлежит особой защите в силу ее непосредственной и неразрывной связи с конкретным человеком. По этой причине в рассматриваемых странах существует специальное регулирование обеспечения сохранности тайны медицинской информации и вводятся меры ответственности за нарушения в рассматриваемой сфере. При проведении исследования применен метод системного анализа, предполагающий изучение системы обеспечения сохранности медицинской информации в каждой из рассмотренных стран; метод сравнительно-правового анализа, выражающийся в сопоставлении отдельных аспектов правового регулирования ответственности за нарушения в области охраны медицинской информации; метод аналогии, позволяющий проследить параллели и схожие черты регулирования в рассматриваемых странах; метод индукции, направленный на выявление общих закономерностей из частных силлогизмов; а также метод исторической ретроспективы, позволяющий проследить логику развития особенностей систем регулирования охраны тайны медицинской информации в историческом контексте. По итогам исследования сделан ряд выводов о наличии особенностей правового регулирования в рассматриваемой сфере в каждом из исследованных государств, а также оценены тенденции дальнейшего развития правового регулирования охраны тайны медицинской информации и связанных мер ответственности в США и Канаде.

© Колосова Н.М., Лещенков Ф.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: защищенная медицинская информация, сбор и использование данных, редактирование записей, снюпинг, врач, пациент

Вклад авторов: Колосова Н.М. – концепция исследования, общее научное руководство, редактура, написание введения и заключения; Леценков Ф.А. – поиск и анализ информации, написание основного текста, перевод источников на русский язык, анализ ответственности по праву США и опыта Канады. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта «Концептуализация системы гарантий защиты персонифицированной информации человека при проведении медицинской диагностики и исследований» № 24-28-00794

Поступила в редакцию: 04 июля 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Колосова Н.М., Леценков Ф.А. Тайна медицинской информации и ответственность за ее нарушение: опыт США и Канады // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 1. С. 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-7-20> EDN: QPNCSU

Medical privacy and liability for its violation: The experience of the U.S. and Canada

Nina M. Kolosova , Felix A. Leschenkov

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
 kolosova-law@mail.ru

Abstract. The aim of this research paper is to conduct a comparative legal study of medical privacy protection based on the regulatory practices of the United States and Canada. The research relevance stems from the growing role of information in the modern world, driven by the rapid development of information and communication technologies (ICT) and the emergence of new challenges related to unauthorized access to personal data. Medical information is treated as sensitive data requiring special protection due to its direct and intimate connection to specific individuals. This explains the specialized regulations in the US and Canada to safeguard medical privacy, backed by liability measures. The study employs the following methods: system analysis, which examines medical privacy protection systems holistically in each country; comparative legal analysis, which juxtaposes specific regulatory aspects of liability for medical privacy violations; analogy, which identifies similarities and parallels across jurisdictions; induction, which extracts common features from particular provisions; and retrospective analysis, which traces the historical evolution and refinements in medical privacy protection. The research yields several conclusions regarding both countries and assesses development trends in medical privacy protection in the US and Canada.

Key words: protected health information, data collection and use, record editing, snooping, physician, patient

The authors contributions are as follows: Kolosova N.M. – general research concept, overall coordination, editing, introduction, and conclusion. Leschenkov F.A. – information gathering and analysis, text drafting, translation into Russian, U.S. regulation, and Canadian regulation.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This research was supported by the Russian Science Foundation under project No. 24-28-00794: “Conceptualization of the System for Securing Personalized Human Information in Diagnostics and Medical Research”

Received: 04th July 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Kolosova, N.M., Leschenkov, F.A. (2026) Medical privacy and liability for its violation: The experience of the U.S. and Canada. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 7–20. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-7-20> EDN: QPNCSU

Введение

В большинстве современных развитых иностранных государств понятие медицинской тайны включает в себя право человека на конфиденциальность медицинской информации и на определение порядка ее использования. В таких государствах, как США и Канада, а также в некоторых других – Австралии, Бразилии и государствах Европейского Союза – медицинская тайна включает в себя право человека контролировать сбор, использование и, самое главное, – раскрытие данных, непосредственно связанных с постановкой диагноза пациенту, назначением лечения, историей болезни, наличием физического или психического заболевания, а также с получением услуг в области здравоохранения¹.

В обязанности государства (на примере перечисленных стран) входит обеспечение сохранности медицинской тайны или тайны медицинской информации, что находит отражение как в правовом регулировании в области здравоохранения и охраны персональных данных, так и в действиях органов и организаций, ответственных за обработку, сбор и хранение информации о пациенте.

Правовое регулирование медицинской тайны опирается на ряд принципов и нормативных постулатов², которые могут варьироваться в зависимости от государства, но при этом неизменно включают в себя следующие элементы:

- выраженное и информированное согласие пациента на сбор, использование и раскрытие медицинской информации;
- сохранение за пациентом права на доступ к его медицинской информации и на внесение корректив при необходимости;
- минимизация подлежащих сбору данных, что предполагает сбор только тех данных, которые требуются для целей постановки диагноза, лечения и реабилитации пациента;
- введение мер обеспечения сохранности информации;
- наличие контроля за обращением с медицинской информацией со стороны уполномоченных органов;
- наличие мер ответственности за нарушения в области обеспечения сохранности медицинской информации.

Последний элемент – юридическая ответственность – является одновременно превентивным и коррекционным механизмом обеспечения сохранности медицинской информации и связанной с ней защиты медицинской тайны в таких странах, как

¹ “Medical Secret: What is it?” 21 August 2024 – Directorate for Legal and Administrative Information (Prime Minister). URL: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F34302?lang=en> (дата обращения: 18.06.2025).

² “Rights and privacy principles”. Victorian Department of Health. 05 December 2024. URL: <https://www.health.vic.gov.au/rights-and-advocacy/rights-and-privacy-principles> (дата обращения: 18.06.2025).

США и Канада. С одной стороны, юридическая ответственность призвана стимулировать соблюдение установленных норм в области сохранности медицинской информации (соблюдение под угрозой наказания). С другой стороны, она имеет компенсационные цели, например, обязанность нарушителя возместить причиненный ущерб в рамках деликтного производства (наказание в целях восстановления). Меры юридической ответственности медицинских работников и третьих лиц за нарушения в области защиты медицинской тайны в зарубежных странах, таким образом, варьируются и могут включать в себя меры уголовной, административной, дисциплинарной и гражданской ответственности.

Юридическая ответственность в рассматриваемом контексте является одним из трех столпов обеспечения сохранности медицинской информации и защиты медицинской тайны. Двумя другими являются технические меры (шифрование данных, управление доступом и т.д.) и организационные меры (обучение персонала безопасной работе с данными, назначение офицера по работе с данными и т.д.).

Ответственность по праву США

В Соединенных Штатах Америки основным нормативным актом в области охраны тайны медицинской информации является Закон о мобильности и подотчетности медицинского страхования (Health Insurance Portability and Accountability Act – HIPAA³) 1996 г., принятый, помимо прочего, в целях обеспечения сохранности данных медицинского страхования и их защиты от кражи и компрометации. Данным актом вводится особая категория охраняемой информации – **защищенная медицинская информация** (protected health information), под которой понимается любая информация персонального характера, позволяющая идентифицировать конкретного пациента, например: данные об имени пациента, его адресе проживания, номере телефона, номере социального страхования, наличии заболевания, назначенном лечении, показателях артериального давления, результатах анализа крови, рентгеновских снимках и т.д.

При этом важно отметить, что подобные данные считаются защищенной медицинской информацией **только** при условии их связи с конкретным пациентом. Иначе говоря, данные в обезличенной форме, например, «давление 120/80» – еще не образуют категории защищенной медицинской информации; однако любое упоминание конкретного пациента в отношении таких данных уже придает им характер защищенной информации, например: «давление у Джона Смита составляет 120/80 на момент поступления в клинику Кливленда 10 июня 2025 года». Следует также отметить, что защищенная медицинская информация включает в себя не только медицинскую информацию в узком смысле – результаты анализов, итоги медицинского осмотра, данные диагностики заболевания, – но также и любую информацию персонального характера, непосредственно не связанную со здоровьем человека, – такую как адрес проживания или номер водительского удостоверения (Elhauge, 2010).

Двумя основными целями Закона признаются ограничение использования защищенной медицинской информации до минимального необходимого уровня и применение мер ответственности в отношении лиц, нарушивших требования о конфиденциальности⁴.

³ Официальный сайт Конгресса США. Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-bill/3103/text> (дата обращения: 19.06.2025).

⁴ Более подробно о целях Закона см. на официальном сайте Национальной Медицинской Библиотеки США. Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK500019/> (дата обращения: 19.06.2025).

Для целей обеспечения сохранности тайны медицинской информации Законом вводится несколько базовых правил:

– правило тайны информации (Klosek, 2010). Согласно данному правилу определяется порядок использования и раскрытия защищенной медицинской информации, закрепляется право пациента на доступ к информации, а также прописывается принцип минимального необходимого использования информации;

– правило безопасности информации. В соответствии с ним устанавливаются стандарты обращения с защищенной медицинской информацией в цифровой форме (Olla & Tan, 2022). Данные стандарты включают в себя разработку и внедрение административных и технических мер обеспечения безопасности информации, проведение анализа рисков в отношении вводимых информационных систем и обучение персонала работе с такими системами;

– правило уведомления о нарушении сохранности информации, согласно которому пациент и уполномоченные органы должны быть как можно скорее уведомлены о вероятности утечки защищенной медицинской информации;

– правило правоприменения и соблюдения закона, согласно которому устанавливаются меры ответственности за нарушения и связанные с ними процессуальные положения.

Законом США о мобильности и подотчетности медицинского страхования вводятся три основные категории субъектов, которые несут ответственность за сохранность защищенной медицинской информации и к которым могут быть применены санкции в случае совершения правонарушения в рассматриваемой области: *урегулированные юридические лица, компании-посредники и подрядчики компаний-посредников*.

Урегулированные юридические лица включают в себя компании, деятельность которых **непосредственно** опирается на положения Закона США о мобильности и подотчетности медицинского страхования, – отсюда и их название – урегулированные юридические лица, – или компании, деятельность которых охватывается Законом. К таким юридическим лицам относятся все медицинские учреждения: больницы на территории США, клиники (частные и государственные), аптеки, кабинеты зубного врача, кабинеты психолога, кабинеты массажа и мануальной терапии, а также страховые компании (включая компании системы Medicare и Medicaid).

Вторая категория – компании-посредники, непосредственно не связанные с оказанием медицинских услуг пациенту, однако постоянно взаимодействующие с защищенной медицинской информацией, и, таким образом, также обязующиеся обеспечивать ее сохранность. К таким организациям относятся сервисы облачного хранения информации (серверы), провайдеры программного обеспечения для больниц, организации по расшифровке результатов анализов, а также организации, занимающиеся выставлением счетов за оказанные медицинские услуги (Kabene, 2010). Компании-посредники стали нести ответственность за сохранность защищенной медицинской информации начиная с 2009 г., после принятия Закона США о применении медицинских информационных технологий в экономической деятельности и клинической практике (The Health Information Technology for Economic and Clinical Health (HITECH) Act)⁵.

⁵ Текст Закона. Режим доступа: https://www.healthit.gov/sites/default/files/hitech_act_excerpt_from_arra.pdf (дата обращения: 23.06.2025).

Третья категория – подрядчики компаний-посредников – несут ответственность за сохранность защищенной медицинской информации **только в случаях**, если они на основании договора осуществляют отдельные функции в пользу компаний-посредников и при этом получают доступ к защищенной медицинской информации. Они не несут ответственности по умолчанию – в отличие от первых двух категорий субъектов, – однако после заключения договора на них распространяются соответствующие требования и могут быть применены меры ответственности. Примером такой организации-подрядчика можно назвать сервис для хранения вспомогательных копий данных, к которому на основании договора обращается компания-посредник, имеющая ограниченные возможности по хранению больших объемов цифровых данных.

Несмотря на подобное многообразие субъектов, способных нести ответственность за нарушения в области защиты медицинской тайны в США, сами меры ответственности не слишком многообразны и распространяются в равной мере на все три категории ответственных субъектов при условии, что они охватываются действием Закона США о мобильности и подотчетности медицинского страхования.

Так, ответственные субъекты могут подвергаться административному наказанию в виде штрафа⁶, размер которого варьируется в зависимости от тяжести совершенного правонарушения и степени вины нарушителя (от неосмотрительности до умысла). Составы подобных правонарушений также варьируются и включают в себя такие деяния, как, например: использование устаревшего ПО с несовременными протоколами шифрования информации, что приводит к утечке данных; отказ обновить систему для целей безопасности и сохранности информации; небрежное хранение съемного диска с данными и т.д. Весьма примечательно, что для наступления ответственности не требуется **наличия фактической утечки данных** – достаточно наличия такого **риска**, который выявляется при проведении инспекций и проверок. Само допущение риска уже считается нарушением.

Размеры подлежащего применению штрафа определяются судом с учетом всех обстоятельств нарушения, но они не могут быть менее 100 долларов США за одно нарушение и более 2 млн долларов США.

Конкретный гражданин (пациент, его представитель или даже третье лицо) вправе инициировать исковое производство против компании-нарушителя и требовать возмещения ущерба в рамках гражданского производства. Закон о мобильности и подотчетности медицинского страхования при этом не содержит особых требований или предписаний в части исковых процедур, т.к. этот вопрос преимущественно регулируется на уровне отдельных штатов.

Открытым остается лишь один вопрос – об ответственности **врача** или отдельно взятого человека (например, сотрудника клиники или страховой компании) за правонарушения в области сохранности медицинской информации. Уголовное право США в параграфе 1320d-6 титула 42 Свода Законов США⁷ дает однозначный ответ на этот вопрос.

Лицо, которое неправомерно получает доступ к защищенной медицинской информации (информации, позволяющей идентифицировать конкретного человека)

⁶ Подробнее об ответственности. Режим доступа: <https://www.ecfr.gov/current/title-45/subtitle-A/subchapter-C/part-160/subpart-D/section-160.404> (дата обращения: 23.06.2025).

⁷ Параграф 1320d-6 части С раздела XI главы 7 титула 42 Свода Законов США. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/1320d-6> (дата обращения: 23.06.2025).

или раскрывает такую информацию другому лицу в нарушение закона, несет уголовную ответственность **при наличии умысла**. Наказание за подобные деяния может варьироваться – от штрафа в размере 50 тыс. дол. США до лишения свободы на срок до 10 лет. Самое тяжкое наказание предполагает лишение свободы на 10 лет со штрафом в размере 250 тыс. дол. США и может быть применено к нарушителю, который завладел защищенной медицинской информацией или распространил ее незаконно в корыстных целях или с намерением причинить тяжкий вред конкретному человеку согласно доктрине «злонамеренного умышленного вреда» (*malicious harm*) – такие деяния обычно совершаются по мотивам мести, ревности или зависти. Отсутствие умысла в действиях правонарушителя освобождает его от мер уголовной ответственности (Michalowski, 2017).

В завершение следует отметить, что в некоторых определенных законом случаях допускается раскрытие защищенной медицинской информации без согласия пациента. Это, в частности, возможно, если пациент поступил в реанимацию с огнестрельным или ножевым ранением или если в клинику поступает ребенок со следами побоев. Закон четко прописывает подобные ситуации с указанием пределов раскрытия информации – например, при поступлении пациента с «признаками криминала» больница или клиника обязана поставить в известность органы охраны правопорядка и сообщить им необходимую информацию медицинского или криминологического характера (как давно было получено ранение, с какой стороны был произведен выстрел и т.д.). Если речь идет об обнаружении у пациента заразного или опасного заболевания – например, сибирской язвы, малярии или лихорадки эбола, – клиника обязуется направить защищенную медицинскую информацию в уполномоченные службы санитарно-эпидемиологической защиты. В 2020–2023 гг. это правило действовало в отношении пациентов, у которых был выявлен COVID-19.

Если же в клинику поступает ребенок со следами побоев, немедленному уведомлению подлежат органы по опеке и защите прав несовершеннолетних.

Разумеется, все перечисленные случаи продиктованы интересами безопасности государства, общественного благополучия и требованиями о защите детей. Если складывается так, что клиника обязуется раскрыть защищенную медицинскую информацию по требованию закона, такое раскрытие, тем не менее, должно опираться на принцип «минимальной необходимой информации». Говоря иначе, клиника должна передать в уполномоченный орган только медицинскую информацию, имеющую отношение к конкретному происшествию, и не вправе раскрывать всю историю болезни пациента, если этот пациент у них наблюдается.

Опыт Канады

В Канаде существует двухуровневая система правового регулирования обеспечения сохранности тайны медицинской информации о пациенте, которая опирается на принципы канадского федерализма, в частности, на принцип разграничения полномочий между федеральным центром и регионами Канады (провинциями и территориями) (Caulfiel & Von Tigerstrom, 2002). При этом провинциям отведена большая самостоятельность в вопросах соответствующего правового регулирования, нежели федеральному центру, т.к. согласно ч. 7 статьи 92 Конституционного Акта Канады сфера здравоохранения отнесена к исключительному ведению провинций⁸.

⁸ Статья 92 Конституционного Акта Канады 1867 г. Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page-3.html#docCont> (дата обращения: 24.06.2025).

На федеральном уровне основным актом законодательного регулирования в рассматриваемой сфере является Закон «О защите персональной информации и об электронных документах»⁹ 2000 г., которым определены основные принципы обращения компаний частного сектора с персональными данными при осуществлении ими коммерческой деятельности. Указанные принципы включают в себя: поддержание точности и актуальности персональных данных, обеспечение доступа к данным их носителя, открытость процедур обращения с персональными данными, ограниченное использование персональных данных (продиктованное только определенными целями), информированное согласие носителя данных на работу с его данными, наличие ответственности за возможные правонарушения. Категорию персональных данных образует, согласно Закону, любая информация, которая позволяет идентифицировать конкретное лицо, включая личные данные (имя, фамилия, номер удостоверения личности), финансовые данные (номер банковского счета, номер страховки и т.д.) и **медицинскую информацию**.

При этом необходимо отметить, что положения Закона «О защите персональной информации и об электронных документах» применяются к организациям частного сектора **за пределами** регулирования провинций (т.к. сфера здравоохранения отнесена к сфере компетенции провинций, как было отмечено выше). Это возможно лишь в двух случаях:

1) в провинции по какой-то причине отсутствует регулирование обращения с медицинской информацией при оказании гражданину услуг в области здравоохранения;

2) речь идет об обращении с медицинской информацией вне сферы здравоохранения. В пример можно привести компании, которые занимаются проведением ДНК-тестирования с выездом на дом (в частности, Канадская компания Ancestry, проводящая ДНК тесты с целью определения происхождения конкретного человека). Так как такие компании не оказывают услуг в области здравоохранения, они не подпадают под действие провинциального регулирования. Однако при этом они осуществляют сбор персональной информации, а, следовательно, имеют обязанности и несут ответственность за обеспечение ее сохранности. Другой пример – фитнес-приложения для мобильных устройств. Некоторые из таких приложений позволяют осуществлять сбор медицинской информации, например, показатели давления, сердечного ритма и т.д. Собираемая информация не используется для оказания медицинских услуг, однако, так как она является чувствительной и позволяет идентифицировать владельца фитнес-устройства, на операторов таких приложений и устройств будут распространяться положения федерального закона «О защите персональной информации и об электронных документах», но не нормы провинциальных актов.

Таким образом, канадская модель регулирования медицинской тайны и ответственности медицинских работников и третьих лиц за нарушения в области защиты тайны медицинской информации отличается от американской в силу особенностей федеративного устройства. Если американское регулирование прежде всего опирается на федеральные нормы, а регулирование штатов является вспомогательным, то в Канаде наблюдается обратная ситуация: провинции имеют в силу конституционных норм «право первого хода», а федерация осуществляет регулирование по остаточному принципу или в сферах, не охваченных провинциальной компетенцией.

⁹ Закон «О защите персональной информации и об электронных документах» 2000 г. Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/p-8.6/FullText.html> (дата обращения: 24.06.2025).

Говоря об уровне провинций в контексте регулирования сохранности медицинской информации и связанных мер ответственности за правонарушение, целесообразно провести краткий анализ Закона провинции Онтарио «О защите личной медицинской информации» (Ontario's Personal Health Information Protection Act) 2004 г. с поправками от 2025 г.¹⁰

Закон Онтарио считается самым развитым среди аналогичных актов других провинций, наиболее детализированным и служащим типовой моделью при внесении соответствующих поправок в законодательство о медицинской информации в других провинциях¹¹.

В соответствии с ним ответственность за сохранность защищенной (охраняемой) медицинской информации несут так называемые «держатели» данных (protected health information custodians). К ним непосредственно относятся все медицинские работники (врачи, медсестры), больницы и клиники, аптеки, медицинские лаборатории, диагностические центры, службы экстренной помощи и пансионаты, – словом, все лица и все организации, в которых пациенту оказываются медицинские услуги и где происходит обращение с защищенной медицинской информацией. Помимо «держателей» ответственность за сохранность медицинской информации несут их посредники – компании, осуществляющие обработку информации по поручению главной ответственной организации; компании, выставляющие счет за оказание медицинских услуг и т.д. В отличие от опыта США, в Канаде они не выделяются в самостоятельную группу.

Как и в законодательстве США в Законе провинции Онтарио существует такая категория информации, как «защищенная медицинская информация». Она определена достаточно широко и включает в себя любые данные, которые позволяют идентифицировать человека, в частности: сведения о наличии физического или психического заболевания, историю болезни пациента, сведения о назначенном лечении или оказанных медицинских услугах, результаты анализов, данные медицинской страховки (включая название страховой компании), а также любую другую информацию, которая позволяет идентифицировать человека по медицинским данным.

Весьма интересным фактом является то, что охраняемая медицинская информация, согласно Закону Онтарио, включает в себя не только документы в письменной или электронной форме, но также и любые сведения **в устной форме**. В законодательстве США устная форма не упоминается.

Порядок обращения ответственного держателя с защищенной медицинской информацией опирается на ряд принципов, которые определены в Законе.

Ключевым принципом является информированное согласие пациента, в соответствии с которым не допускается сбор, обработка или передача информации в отсутствие согласия. Если пациент дает согласие на проведение обследования, то согласие на назначение лечения презюмируется и дополнительно не требуется.

Другим принципом является сведение защищенной медицинской информации к необходимому минимуму. Здесь опыт Канады в принципе аналогичен американскому и предполагает, что сбору, обработке и передаче подлежит самый необходимый минимум информации, который требуется для постановки диагноза пациенту или для назначения лечения.

¹⁰ Текст Закона. Режим доступа: <https://www.ontario.ca/laws/statute/04p03> (дата обращения: 24.06.2025).

¹¹ Подробнее об этом. Режим доступа: <https://www.ipc.on.ca/en/media-centre/blog/hipa-past-present-future> (дата обращения: 24.06.2025).

Принцип доступа пациента к его защищенной медицинской информации требует от организации предоставления каждому пациенту возможности самостоятельно изучить информацию и требовать внесения корректив при необходимости.

Принцип безопасности информации требует от ответственной организации ввести в оборот все необходимые меры технической, физической и административной защиты информации.

Принцип ответственного хранения информации предполагает, что вся защищенная медицинская информация, находящаяся у ответственного лица, должна храниться ровно до того момента, пока в ней не отпадет необходимость. Неактуальная, устаревшая информация должна быть уничтожена надлежащим образом.

Последний принцип – прозрачность – предполагает, что пациенты должны быть осведомлены относительно использования их защищенной медицинской информации и о порядке доступа к ней третьих лиц.

Согласно Закону Онтарио «О защите личной медицинской информации» любой неправомерный сбор, использование или раскрытие защищенной медицинской информации образует состав правонарушения вне зависимости от степени вины и от наличия или отсутствия фактического ущерба. Таким образом, привлечение нарушителя к ответственности допускается даже при отсутствии реальной утечки информации и даже в случае, если правонарушение было допущено по причине банального человеческого любопытства. В связи с этим интересен состав такого нарушения, как снупинг (snooping – сование носа в чужие дела). Снупинг происходит в случае, когда работник медицинского учреждения получает доступ к защищенной медицинской информации не в профессиональных целях, а из любопытства (Orentlicher, 2003). Например, администратор клиники может «случайно» заглянуть в историю болезни какой-нибудь канадской знаменитости, хотя этого не требовалось для целей оказания медицинских услуг. Даже если администратор никому не расскажет об увиденном, само по себе «сование носа» уже будет расцениваться как наказуемое деяние со всеми вытекающими последствиями. Снупинг является одним из многочисленных видов нарушения тайны медицинской информации, но далеко не единственным. Другим примером можно привести ошибку, которую допустил сотрудник диагностической лаборатории, направив результаты анализа на неправильный адрес. Сам по себе этот эпизод будет считаться правонарушением, даже если письмо по электронной почте никто так и не открыл.

Разумеется, при наличии ответственности даже за такие несущественные деяния без прямого умысла ответственность наступает в полной мере за злонамеренные действия – такие как умышленное хищение защищенной медицинской информации или хакерская атака на информационную систему клиники.

Обо всех эпизодах нарушения тайны защищенной медицинской информации, вне зависимости от наличия умысла или реального ущерба, организация, в которой произошло нарушение, обязано сообщить: лицу, чьи данные были скомпрометированы; Комиссару Онтарио по делам тайны информации; а также в профессиональную коллегия Провинции Онтарио (коллегия врачей, коллегия медсестер, коллегия фармацевтов) – в случае, если нарушение было сопряжено с неподобающим поведением медицинского или фармацевтического работника.

Меры ответственности за нарушение требований об обеспечении сохранности защищенной медицинской информации предполагают наложение административного штрафа на нарушителя, размер которого варьируется в зависимости от тяжести совершенного деяния и от субъекта, допустившего нарушение.

Так, в частности, физическое лицо, совершившее нарушение, привлекается к административной ответственности в виде штрафа в размере до 100 тысяч канадских долларов. В данном случае нарушителем может выступать как сотрудник медицинского учреждения (например, администратор, из любопытства заглянувший в данные пациента, не имея на то законных оснований, или врач, который направил данные по ошибочному адресу), так и стороннее лицо (например, хакер, укравший охраняемые данные из электронной системы клиники). Статья 72 Закона Онтарио поясняет, что ответственности подлежит именно конкретное **лицо** (не обязательно сотрудник). Если же правонарушение было совершено организацией, то максимальный размер штрафа увеличивается до 500 тысяч канадских долларов.

Помимо административной ответственности, к нарушителю могут быть применены меры гражданской ответственности в порядке деликтного производства. В данном случае опыт Канады в целом аналогичен американскому и не имеет существенных особенностей.

Также, если правонарушение было сопряжено с неподобающим поведением персонала (например, врача или медсестры), то к конкретному нарушителю могут применяться меры дисциплинарного воздействия посредством разбирательства в соответствующей профессиональной коллегии. Дисциплинарная ответственность также варьируется и включает в себя такие меры, как предупреждение, порицание, а в наиболее серьезных случаях – приостановление лицензии.

Наконец, меры уголовной ответственности – наиболее редкие в рассматриваемом контексте и применяются в случаях, предусмотренных в статье 72 Закона Онтарио:

- при умышленном сборе, использовании и раскрытии защищенной медицинской информации в отсутствие законных оснований;
- при препятствовании деятельности Комиссара Онтарио по делам тайны информации;
- при невыполнении предписаний приказа, подписанного Комиссаром Онтарио по делам тайны информации.

Закон Онтарио предусматривает меры уголовной ответственности за совершенные деяния вплоть до лишения свободы, однако не устанавливает ни минимальных, ни максимальных пороговых величин для тюремных сроков.

Заключение

Таким образом, в обоих рассмотренных государствах (Соединенные Штаты Америки и Канада) медицинская информация признается категорией чувствительной персональной информации, а ее тайна гарантируется и подлежит охране. Несмотря на наличие сходств и параллелей в регуляторных подходах указанных государств к обеспечению тайны медицинской информации, в двух рассмотренных юрисдикциях имеются и достаточно существенные различия.

С одной стороны, законодательство как США, так и Канады опирается на тождественные принципы: информированное согласие пациента, использование необходимого минимума информации, наличие контроля и ответственности для нарушителей, безопасное обращение с информацией и сохранение за пациентом права доступа к данным медицинского характера. Общим для двух стран является постулат о том, что особой защите подлежит медицинская информация, позволяющая идентифицировать конкретного человека по его медицинским данным; по этой причине

ответственные организации и отдельные их сотрудники обязуются принимать меры организационного и технического характера при работе с такими «необезличеными» данными, проявляя особую осмотрительность и осторожность. Защищенная медицинская информация является в двух странах своеобразным «источником повышенной опасности»; по этой причине ответственность за нарушение сохранности такой информации может наступить даже при отсутствии факта компрометации или хищения данных: достаточно выявления риска или малейшей уязвимости для наступления серьезных юридических последствий.

При наличии определенных схожих черт правовое регулирование тайны медицинской информации и ответственности за ее нарушение в США и Канаде все же достаточно сильно различается.

Американская модель регулирования является по своей сути централизованной: мы можем наблюдать наличие достаточно подробного и детализированного консолидированного акта, который составляет основу правового регулирования в рассматриваемой сфере. Законодательство Штатов является в данном случае вторичным по отношению к федеральному и охватывает те аспекты, которые не были урегулированы на федеральном уровне или имеют региональные особенности в силу исторических или культурных причин (по объективным причинам регулирование в Штате Аляска будет отличаться от регулирования в Штате Флорида). Канадское регулирование, напротив, является децентрализованным, что соответствует принципам канадского федерализма, отнесшим область здравоохранения к сфере исключительной компетенции провинций. По этой причине канадское регулирование опирается преимущественно на акты провинциального регулирования, а федеральное законодательство носит характер вспомогательного, действуя либо в отсутствие провинциального акта (на практике во всех провинциях имеется собственный закон в рассматриваемой сфере), либо за пределами оказания медицинских услуг гражданину.

Кроме того, канадское регулирование более строгое, чем американское. В Канаде существует такое понятие, как снупинг – заглядывание в медицинские записи из любопытства, без злого умысла и без корыстных побуждений. За снупинг к нарушителю в Канаде могут применяться меры уголовно-правового характера. В США уголовная ответственность может наступить в похожей ситуации, но только при наличии у нарушителя злого умысла – т.е. намерения покуситься с носителем данных или, например, шантажировать его. На практике доказать злой умысел в подобной ситуации будет весьма сложно – именно поэтому канадский законодатель расширил критерии применения уголовной ответственности, сохранив умысел как квалифицирующий признак, но исключив из него элемент «злого намерения».

Кроме того, законодательство Канады включает в категорию защищенной медицинской информации любые сведения в устной форме, например рекомендации, озвученные врачом пациенту. В праве США устная форма непосредственно не упоминается в законе, что в теории может осложнить правоприменение и наложение мер ответственности.

В целом, канадский законодатель использовал сильные стороны американского регулирования и учел некоторые недочеты в попытке довести собственное регулирование до совершенства. Разумеется, законодательство Канады также не лишено отдельных недостатков, однако оно продолжает оставаться динамичным и активно развивающимся.

References / Список литературы

- Alimov, E.V. & Leschenkov, F.A. (2019) Legal basis of conducting genomic research in Russia and some Common Law countries. *Journal of Russian Law*. (11), 43–57. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.3> EDN: LQLOWU.
Алимов Э.В., Леценков Ф.А. Правовые основы проведения геномных исследований в Российской Федерации и странах англосаксонской правовой семьи // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 43–57. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.3> EDN: LQLOWU.
- Caulfield, T.A. & Von Tigerstrom, B. (2002) *Health Care Reform and the Law in Canada: Meeting the Challenge*. Edmonton, University of Alberta Press. <https://doi.org/10.29173/alr1347>
- Elhauge, E. (2010) *The Fragmentation of U.S. Health Care: Causes and Solutions*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195390131.001.0001>
- Grigoriev, A.V. & Leschenkov, F.A. (2024) Genetic and genomic research in modern states: Legal restrictions and prohibitions of methods and practices. *Innovations and Investments*. (2), 239–245. (In Russian). EDN: DLZSBF.
Григорьев А.В., Леценков Ф.А. Генетические и геномные исследования в современных государствах: правовые ограничения и запреты научных методов и практик // Инновации и инвестиции. 2024. № 2. С. 239–245. EDN: DLZSBF.
- Hall, M.A., Bobinski, M.A. & Orentlicher, D. (2003) *Health Care Law and Ethics*. New York, Aspen Publishers.
- Kabene, S.M. (ed.) (2010) *Healthcare and the Effect of Technology: Developments, Challenges and Advancements*. Pennsylvania, IGI Global Scientific Publishing. <https://doi.org/10.4018/978-1-61520-733-6>
- Klosek, J. (2010) *Protecting Your Health Privacy: A Citizen's Guide to Safeguarding the Security of Your Medical Information*. London, Bloomsbury Publishing USA.
- Maehle, A.-H. (2016) *Contesting Medical Confidentiality: Origins of the Debate in the United States, Britain, and Germany*. Chicago, University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226404967.001.0001>
- Magee, M. (2005) *Health Politics – Power, Populism, and Health*. New York, Spencer Books Publ.
- Michalowski, S. (2017) *Medical Confidentiality and Crime*. London, Routledge Publ. <https://doi.org/10.4324/9781315249346>
- Olla, P. & Tan, J. (2022) *Digital Health Care: Perspectives, Applications, and Cases*. Jones & Bartlett Learning. <https://doi.org/10.4018/IJARPHM.313375>
- Vansweevelt, T. & Glover-Thomas, N. (eds.) (2023) *Privacy and Medical Confidentiality in Healthcare: A Comparative Analysis. Global Perspectives on Medical Law series*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781035309436>

Сведения об авторах:

Колосова Нина Михайловна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, д. 34

ORCID: 0000-0002-5401-0277; SPIN-код: 6167-2500

e-mail: kolosova-law@mail.ru

Леценков Феликс Артемович – научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, д. 34

ORCID: 0000-0003-2221-6710; SPIN-код: 5894-5923

e-mail: morimoo@yandex.ru

About the authors:

Nina M. Kolosova – Doctor of Legal Sciences, Chief Researcher at the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 117218, the Russian Federation, Moscow, 34 B. Cheremushkinskaya street.

ORCID: 0000-0002-5401-0277; SPIN-code: 6167-2500

e-mail: kolosova-law@mail.ru

Felix A. Leschenkov – Researcher at the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 117218, the Russian Federation, Moscow, 34 B. Cheremushkinskaya street.

ORCID: 0000-0003-2221-6710; SPIN-code: 5894-5923

e-mail: morimoo@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-21-34>
EDN: QRVBHU

Научная статья / Research Article

Технологическая нейтральность норм как юридический концепт

В.А. Болдырев

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация
 vabold@mail.ru

Аннотация. Технологическая нейтральность норм – одна из категорий, не имеющих содержательного наполнения, универсального для всех или значительной части сфер деятельности человека. В научных исследованиях, правотворчестве и правоприменении соответствующая категория используется для решения различных задач. Цель работы – оценить перспективы построения законодательства на основе идеи технологической нейтральности норм и возможность использования соответствующей категории в ходе правотворческой деятельности. Проанализированы основные сферы, применительно к которым в исследованиях и официальных документах ведется речь о технологической нейтральности: информационные технологии, телекоммуникация и криптография. Рассматривается проблема технологической нейтральности возможных нормативных решений, касающихся криптоактивов. Используются формально-логический, формально-догматический, сравнительный, системный методы. Сделан вывод, что идея технологической нейтральности норм имеет перспективу стать междисциплинарной научной концепцией, если исследователям удастся прийти к консенсусу относительно значения соответствующей категории. Использование категории «технологическая нейтральность» возможно и целесообразно в специальных законодательных актах и документах стратегического планирования в соответствующем контексте, формирующем представление о границах этой нейтральности. Система норм законодательства должна строиться исходя из необходимости ограничений в использовании технологий для защиты интересов человека с учетом его природы и культурных особенностей социума.

Ключевые слова: техническое регулирование, информационные технологии, электронная подпись, сертификация, криптовалюта, цифровой рубль, радиочастотный спектр, постквантовая криптография, конвергенция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

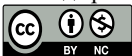
Поступила в редакцию: 17 июля 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Болдырев В.А. Технологическая нейтральность норм как юридический концепт // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 1. С. 21–34. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-21-34> EDN: QRVBHU

© Болдырев В.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Technological Neutrality of Norms: Prospects for Implementing a Legal Concept

Vladimir A. Boldyrev

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

 vabold@mail.ru

Abstract. Technological neutrality of legal norms is a category that lacks a single, substantive meaning applicable across most spheres of human activity. In scientific research, lawmaking and law enforcement, this category is invoked to address different problems. The purpose of the article is to assess the prospects for constructing legislation based on the idea of technological neutrality of norms and to evaluate the feasibility of using this category in lawmaking. The article analyses the main domains in which technological neutrality is discussed in scholarship and official documents, namely information technology, telecommunications and cryptography and considers the technological neutrality of potential regulatory solutions concerning crypto-assets. The research relies on formal-logical, formal-dogmatic, comparative and systemic methods. It argues that the idea of technological neutrality of norms can become an interdisciplinary scientific concept if researchers reach at least a working consensus on the meaning of this category. The article concludes that using the category of “technological neutrality” is possible and appropriate in specialized legislative acts and strategic planning documents, provided that the context clearly delineates the boundaries of such neutrality. At the same time, the system of norms should be structured around necessary restrictions on the use of technologies to protect human interests, taking into account the nature of particular technologies and the cultural characteristics of society.

Key words: technical regulation, information technology, electronic signature, certification, cryptocurrency, central bank digital currency, radio frequency spectrum, post-quantum cryptography, convergence

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 17th July 2024

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Boldyrev, V.A. (2026) Technological Neutrality of Norms: Prospects for Implementing a Legal Concept. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 21–34. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-21-34> EDN: QRVBHU

Введение

Технологическую нейтральность норм, установленных публичной властью, можно оценить как один из ключевых концептов, на основе которых в конце XX – начале XXI вв. считалось возможным гармоничное сосуществование обществ, разделенных государственными границами, за счет мягкого регулирования происходящих в них информационных процессов. Необходимость обсуждения проблемы технологической нейтральности нормотворчества и его результатов стала очевидна по мере сближения секторов телекоммуникаций, средств массовой информации и информационных технологий, выразившегося в способности различных сетевых платформ оказывать схожие виды услуг, а также в объединении таких потребительских устройств, как телефон, телевизор и персональный компьютер. Произошедшее сближение процессов и устройств привело к появлению мира, где людям доступны идеи и образы, которые были записаны, сфотографированы, зарисованы, произнесены или исполнены когда-либо (Asthana & Panda, 2002:4).

Конвергенция (сближение) цифровых устройств усугубляет проблему глобализации экономики, ибо она в своей самой простой форме и есть объединение всех экономик с использованием современных технологий (Enebeli, 2024:97).

Конвергенция информационных процессов и устройств попала в фокус внимания разработчиков предварительного правительственного отчета с предложениями, вынесенными Европейской комиссией 3 декабря 1997 г. на общественное обсуждение – Зеленой книги о сближении секторов телекоммуникаций, средств массовой информации и информационных технологий и последствиях для регулирования¹. «Технологически нейтральное» регулирование упоминалось там только один раз и было поставлено в кавычки².

Двумя годами позднее при обсуждении одного из законопроектов в Палате Лордов Великобритании лорд Нортеск (The Earl of Northesk) скажет о попытках законодателя быть технологически нейтральным: либо он не знает, как действуют современные технологии, либо делает вид, что технологий вообще не существует³.

Упоминание технологической нейтральности в научных публикациях и официальных документах, посвященных проблемам нормативного регулирования, зачастую связано с конкретными прикладными задачами или технологиями. Цель настоящей работы – оценить перспективы построения законодательства на основе идеи технологической нейтральности норм и возможность использования соответствующей категории в ходе правотворческой деятельности.

Нейтральность норм в отдельных технологических секторах

По результатам изучения закономерностей функционирования *информационных систем* российский коллектив исследователей, состоящий из представителей юридических и технических наук, предложил сформулировать принцип технологической нейтральности на законодательном уровне (Jarova et al., 2012:31).

Российские юристы А.Ю. Соколов и О.Л. Солдаткина полагают, что в правовых исследованиях термины лучше уточнять, поскольку «уточнение терминологии позволит привлечь эффективные инструменты исследования из технических дисциплин» (Sokolov & Soldatkina, 2022:708). Думаем, что описание проблем, относящихся к области передачи информации, имеет смысл в специальных терминах. Но в каком объеме нужна эта терминология в нормативных актах – вопрос не столь простой.

Исследователь-юрист Ильзе ван дер Хаар из Тилбургского университета (Нидерланды) отмечает, что как только одна технология приобретет определенную клиентскую базу, ее трудно заменить новой конкурирующей технологией, поскольку сетевые отрасли имеют характеристики рынков, где победитель получает все

¹ Green Paper on the convergence of the telecommunications, media and information technology sectors, and the implications for Regulation – Towards an information society approach (Зеленая книга о сближении секторов телекоммуникаций, средств массовой информации и информационных технологий и последствиях для регулирования – На пути к информационному обществу). Документ Европейской Комиссии от 3 декабря 1997 г. Режим доступа: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/green-paper-convergence-telecommunications-media-and-information-technology-sectors-and> (дата обращения: 17.07.2024).

² Пункт IV.2.1 «Нужны ли новые определения?» Зеленой книги о сближении секторов телекоммуникаций, средств массовой информации и информационных технологий и последствиях для регулирования.

³ Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2000-06-28/debates/2b0681ab-c0cd-4d16-a941-b8d8066c1ce7/PartIRelevantAuthoritiesForThePurposesOnlyOfS27> (дата обращения: 17.07.2024).

(van der Haar, 2007:12). Проблема технологической нейтральности в случае с регулированием информационных потоков не только стоит особенно остро, но и осмысливается специалистами с использованием различных категорий. Например, о *сетевой нейтральности* (англ. «net neutrality») ведется речь в работах, отражающих результаты исследований в области машиностроения (Ezeigweneme et al., 2024:84) и юриспруденции (Danilenkov, 2016:66).

В исследовании, посвященном проблематике телекоммуникации, Ю.А. Домбровским и В.А. Левчиком отмечается, что за рубежом технологическая *нейтральность использования радиочастотного спектра* означает для оператора возможность в пределах выделенной полосы радиочастот выбрать радиотехнологию или сменить ее на новую без специального разрешения национального регулятора (Dombrovsky & Levchik, 2012:66). В работе Ш.С. Нанушяна, посвященной проблеме конкурентоспособности российских компаний, отмечается, что операторы сотовой связи в таких условиях могут внедрять новые технологии в определенный частотный диапазон (Nanushyan, 2014:208).

Как отмечает О.В. Бирюкова, работающая над проблематикой международно-правового регулирования отношений, связанных с оказанием *аудиовизуальных услуг*, понимание технологической нейтральности зависит от контекста: в каждом конкретном случае приходится определять, идет ли речь о руководящем принципе, обязательном правиле или одном из вариантов оценки ситуации (Biryukova, 2023:112).

Вопрос о технологической нейтральности ставится в правовом исследовании Криса Рида из Лондонского университета в связи с использованием *электронных подписей* (Reed, 2007:271–275) и *цифровых денег* (Reed, 2007:276–278), то есть в связи с криптографической защитой данных. Содержание российских официальных документов о правовом режиме цифрового рубля⁴, думается, станет поводом для полемики в рассматриваемом контексте.

Криптовалюта и технологическая нейтральность законодателя

О неизбежности появления новых объектов гражданских прав сообщают российские ученые-цивилисты С.И. Сулова и У.Б. Филатова, говорящие об эмерджентности, присущей объектам гражданских прав (Suslova & Filatova, 2019:10). Как видится, система объектов гражданских прав действительно обладает таким признаком, поскольку ее свойства не сводятся к простой сумме свойств составляющих компонентов, а появление нового компонента может кардинально менять роль других в этой системе.

Промышленное освоение некоторых изобретений, например, паровых машин, привело к необходимости разработки особых юридических концепций, например, учения об источнике повышенной опасности, а последовавшее за изобретением двигателя внутреннего сгорания распространение автомобилей – к введению обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств⁵.

⁴ См.: пункты 38-41 ст. 3, ст. 7.1 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2011, № 27, ст. 3872) и Положение Банка России от 3 августа 2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» (Вестник Банка России. 2023. № 58).

⁵ Подробнее об этом: (Boldyrev & Shishkin, 2024:102).

Рассмотрение проблемы технологической нейтральности применительно к такому явлению современности, как криптовалюта, позволяет продемонстрировать всю сложность принятия решений для современного законодателя.

Такой признак государства, как право эмитировать собственную валюту, является фундаментальным для нового времени – отмечает правовед Р.Э. Товмасын (Tovmasyan, 2012:195). Угроза, исходящая от криптоактивов, для государства очевидна: существование альтернативы официальным государственным валютным системам и фиатным (не обеспеченным) деньгам отменяет эксклюзивность финансовой власти государства, а попутно снижает эффективность мер по противодействию отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма⁶.

Оценка отечественными юристами рисков, связанных с оборотом криптовалюты, заключается в емкой характеристике – это «угроза основам государственного регулирования экономики» (Sannikova & Kharitonova, 2019:91). Однако введение запрета или ограничений на обращение криптовалюты российскими властями для предпринимателей, испытывающих на себе последствия политически мотивированных решений иностранных властей, приведут к ещё большей дискриминации экономически активных участников гражданского оборота. Кроме того, регулирование способно негативно отразится на развитии технологии распределенных реестров (блокчейна) (Sannikova & Kharitonova, 2021:149). Указание в законе на условия допустимости или установление запрета обращения результата инновационной деятельности, получившего оценку со стороны социума как актива, влияет на развитие этой технологии и, как следствие, не может считаться технологически нейтральным. Фиксация в законе круга объектов гражданских прав является, вероятно, одним из мощнейших средств определения вектора технологического развития общества и просто не может быть технологически нейтральной.

Такую ситуацию, в которой российский законодатель продолжает делать вид, что криптовалюты не существует⁷, а правоприменительная практика расценивает ее как имущество⁸, мы склонны считать квалифицированным молчанием правотворца. Прямое включение криптовалюты в число объектов гражданских прав, весьма вероятно, окажется таким изменением гражданского закона, которое приведет к пересмотру взглядов на государство, его функции, и станет первым шагом к переосмыслению фундаментальных, системообразующих подходов, характерных для современного права. По-видимому, готовность к таким решениям отсутствует.

Как показывает опыт человечества, романтики-анархисты чаще всего уступают на исторической арене место тем, кто признает важность государственного регулирования и ценность сбалансированных иерархических структур, соответствующих

⁶ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 33 (часть I), ст. 3418.

⁷ Упоминание цифровой валюты в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (*Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. № 31 (часть I), ст. 5018) не стало фундаментом гражданско-правового режима криптоактивов и не привело к легальному уточнению их места в российской системе объектов гражданских прав.

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2021 г. № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02022021-n-44-kg20-17-k7-2-28862019/> (дата обращения: 17.07.2024).

природе человека. Как отмечает специалист в области правового регулирования бюджетных отношений А.С. Ерашов, рано или поздно в регулировании эмиссии и оборота криптовалюты будет участвовать как государство, так и проявляющие заинтересованность представители общества, не входящие в государственные структуры (Erashov, 2021:163).

Выпуск в обращение криптоактивов в преломлении к проблематике технологической нейтральности норм интересен ещё и с той позиции, что появление сверхмощных и сверхпродуктивных квантовых компьютеров создает риски преодоления криптографической защиты, которая строится на известных технологиях и ключах шифрования. Сотрудник факультета компьютерных наук Миддлсекского университета (Великобритания) А. Мухаммад сообщает, что вопрос о «постквантовой криптографии» (англ. «post-quantum cryptography») становится актуальным уже сейчас (Muhammad, 2021:2). Если использовать в законе категорию «криптовалюта» либо выделить отдельный класс соответствующих цифровых активов, будет стимулирован выпуск еще большего объема таких «активов». Этичность и оправданность окончательной легализации таких «ценностей» с позиции экономической безопасности под большим вопросом: биткойны не могут принести реальную пользу людям, поскольку не способны удовлетворить конкретные потребности человека.

Майнинг – «добыча» криптовалюты – чрезвычайно энергозатратен, и энергия в данном случае тратится, по сути, на нагрев атмосферы, с которым цивилизация ведет сражение, основываясь на нормах международно-правовой природы⁹. Нынешнее состояние криптоопераций, несомненно, способствует выбросам углекислого газа во всем мире – на это обращается внимание в исследованиях по проблематике устойчивого развития (Lal & You, 2024:1), а значит, решение о легализации криптовалют будет входить в конфликт с законодательно закрепленными идеями энергосбережения и энергоэффективности¹⁰.

Необходимая «технологическая предвзятость»

Регулирование обязательственных отношений с участием предпринимателей в России на основе идеи о технологической нейтральности норм может быть охарактеризовано как не до конца последовательное. В письме Федеральной антимонопольной службы¹¹ (далее – ФАС России) сообщается, что при оценке доминирующего положения хозяйствующего субъекта, действия которого рассматриваются на наличие признаков нарушений законодательства о защите конкуренции, необходимо руководствоваться принципом технологической нейтральности. Однако ФАС России обращает внимание: на территориях различных субъектов Российской Федерации технологии доступа могут существенно отличаться. Это не прямое признание, что уровень технологической нейтральности сегодняшних решений коммерческих

⁹ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (9 мая 1992 г., Нью-Йорк). Режим доступа: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/convru_cle4374ef.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

¹⁰ Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 48, ст. 5711.

¹¹ Письмо ФАС России от 22 июля 2013 г. № АГ/28438/13 «О направлении методических рекомендаций». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150397/ (дата обращения: 17.07.2024).

организаций и контролирующего их регулятора задан параметрами решений вчерашних. Релятивистский подход к технологической нейтральности становится частью инструментария, позволяющего администрировать технико-экономические процессы. Возможность непрямого администрирования, при котором участник экономических отношений, принимая то или иное решение, находится в очень тесных рамках и при этом формально не связан действием правовых норм или индивидуальных властных предписаний, следует из самой структуры новой реальности – из перехода от иерархических к распределенно-сетевым принципам организации систем (Kuznetsov, 2016:70).

Профессор Йоркского университета (Канада), юрист Кэрис Дж. Крейг справедливо отмечает, что нейтралитет сам по себе иллюзорен – это миф, который используют, чтобы скрыть реальность неравенства, личных интересов или политических программ, и принцип технологической нейтральности ничем не отличается (Craig, 2016:605).

Эконометрический анализ трансформации общества показывает, что цифровое неравенство – реальность современного мира, наблюдаемая даже в экономически развитых обществах при сравнении их между собою (Andrei et al., 2023:1). Дон Хи Шин, доцент Школы информационных наук и технологий Университета штата Пенсильвания (США), подчеркивает, что личные и общественные интересы в условиях цифрового неравенства выглядят совершенно иначе, нежели раньше: границы между ними, бывшие и ранее довольно иллюзорными, продолжают стирать именно технологии (Shin, 2006:49).

Современные технологии стирают границы между частным и публичным, но что ещё важнее – между человеком и машиной, индивидом и обществом. Как отмечает Андрей Цвиттер, профессор политической теории и управления, работающий в Университете Гронингена (Нидерланды), с юридической и нормативной точки зрения эта конвергенция технологий на «человеческой платформе» (англ. *human platform*) также ведет к конвергенции управления (Zwitter, 2024:5).

Используемые технологии и сопутствующие им искусственные (машинные) и естественные (человеческие) языки не только задают параметры отдельных правовых норм – они влияют на выбор или предопределяют правовую систему, нормы которой будут применяться к общественным отношениям судами при рассмотрении споров, отмечает специалист в области международного частного права В.Н. Лисица (Lisitsa, 2023b:146).

Упоминания о технологической нейтральности в российских официальных документах хотя и встречаются, но остается редкостью. Например, *принципом климатической политики*¹² является технологическая нейтральность принимаемых в этой области государственных мер. Критерию технологической нейтральности должен отвечать лицензионный договор, заключаемый в рамках эксперимента по предоставлению права использования программ для электронных вычислительных машин, алгоритмов, баз данных и документации к ним на условиях открытой лицензии¹³.

¹² Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 44, ст. 7865.

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 1804 «О проведении эксперимента по предоставлению права использования программ для электронных вычислительных машин, алгоритмов, баз данных и документации к ним, в том числе исключительное право на которые

Предвзятость – это качество человеческого мышления, неизбежно проявляющееся в использовании технологии (Rajab, 2009:5). Ориентация при разработке норм на те технологии, которые успели себя зарекомендовать, оказалась закономерностью XX века. Так, в силу ст. 1 Европейской Конвенции о внешнеторговом арбитраже¹⁴, арбитражное соглашение, по которому спор относится к компетенции третейского суда, может заключаться путем обмена телеграммами или сообщениями по телеграфу. Упоминание этих технологий обусловлено их широким использованием на момент разработки и принятия правового акта, то есть на 1961 г. Казуистическое изложение нормы не исключает возможности использования при заключении современных арбитражных соглашений и других информационных технологий, отмечает В.Н. Лисица (Lisitsa, 2023a:356). Как метко отмечает итальянский правовед Габриэле Гальяни, каждое постановление, хотя на первый взгляд оно и кажется технологически нейтральным, основано на скрытых предположениях или «технологическом мышлении», обусловленном технологическим прогрессом на момент разработки закона (Gagliani, 2020:732).

Как заключают нейрофизиологи, обычно оценка вариантов поведения как безопасных и продуктивных базируется на наблюдениях за чужим опытом и выражается в подражательном поведении (Dubynin, 2022:49). Однако в цифровом пространстве восприятие чужого опыта должно быть крайне осторожным (Provalinsky, 2023:52). Говорить о том, что закономерности эволюционного отбора могут быть столь же относимыми к области цифровой реальности, пока рано.

Появление концепции «высокотехнологичного права» (Bertovsky, 2021:742; Isakov, 2023:923), предполагающего осуществление правоприменительной деятельности на основе высоких технологий и регулирование отношений, где такие технологии используются, подтверждает формирование в сознании юристов устойчивой связи между проблематикой технического и социального характера.

Научная мысль, направленная на исследование правил, регулирующих поведение человека, в рамках которой признавалось строгое дихотомическое деление общеобязательных норм на правовые и технические, постепенно смягчалась. Происходило это за счет развития представлений о технико-социальных (социально-технических) (Golovkin & Zotova, 2010:88), технико-юридических (Lukyanova, 2007:16; Ivanova, 1983; Cherdantsev, 1964) или технико-правовых нормах (Matuzov, 1996:145).

Как отмечает Н.В. Ковалева, «роль технико-юридических норм (как разновидности социальных)» в современных условиях лишь увеличивается» (Kovaleva, 2016:10). Их акцессорно-конкретизирующая функция, производность от норм закона, необходимость для детализации прав и обязанностей субъектов отношений подчеркиваются названным автором (Kovaleva, 2016:12). О дополнительной, акцессорной роли этих норм говорит и Н.И. Матузов (Matuzov, 1996:145). Мы полагаем, что такая постановка вопроса сегодня не совсем точна – в ней переоценивается роль сознательно-волевого (основанного на прогностике) поведения человека. В работе

принадлежит Российской Федерации, на условиях открытой лицензии и созданию условий для использования открытого программного обеспечения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 42, ст. 7183.

¹⁴ Заключена в г. Женеве 21 апреля 1961 г. (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1993. № 10). Документ вступил в силу для правопреемника России – СССР – 7 января 1964 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 мая 1962 г. № 67-VI «О ратификации Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже» (Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 20, ст. 210).

по философии права И.А. Исаев отмечает, что машина «стала претендовать на обладание властью: она диктует и требует» и «для своей эффективной эксплуатации она требует следования правилам» (Isaev, 2019:122).

Технологии отнюдь не нейтральны к человеку (Emelin, 2013:66). Ярким свидетельством тому являются последствия цифровизации для когнитивной сферы. О необходимости осторожного отношения к цифровым технологиям и особенно к использованию искусственного интеллекта сказано довольно много (Arkhipov, Naumov & Smirnova, 2021:895; Bryzgalina, 2021:10; Shishkin, 2021; Boldyrev, Svarchevsky & Klepalova, 2024), а значит, стимулировать использование технологии, например, путем упоминания в законе самой возможности ее применения, следует чрезвычайно осторожно.

К.Д. Крейг отмечает: необходима не «технологическая слепота», а непрерывный процесс «корректировки равновесия» по мере развития технологий (Craig, 2016:603). Юриконсульт и научный сотрудник Йельской школы права (США) Б.А. Гринберг утверждает, что технологическая дискриминация иногда повышает социальное благосостояние (Greenberg, 2016:1498). Вопрос остается лишь в рациональной степени «технологической предвзятости», в адекватности по отношению к состоянию регулируемой системы.

Технологии принимаются из-за их предполагаемых преимуществ, а не потому, что они санкционированы законом (Reed, 2007:278) – уточняет Крис Рид, по-видимому, для тех, кто считает позитивное право явлением исключительным и первичным. Л.В. Санникова считает ошибкой излишнюю приверженность российского законодателя принципу технологической нейтральности (Sannikova, 2019:87).

«Технологическая предвзятость» мышления имела и имеет поколенческие «срезы», а в эпоху взрывного развития информационных технологий разница подходов поколений оказывается видна значительно лучше. О какой бы сфере мы не говорили сегодня – промышленном производстве или обороте объектов гражданских прав, – проблема технологической нейтральности может получать собственное (ad hoc) смысловое наполнение в ходе общественного или профессионального обсуждения. Постановка проблемы технологической нейтральности норм важна, поскольку прозорливый их разработчик не может быть полностью технологически нейтральным – нередко ему следует быть «технологически предвзятым».

Заключение

Идея технологической нейтральности норм способствует решению задач развития экономической конкуренции, обеспечения стабильной коммуникации в человеческом сообществе на основе совместимости устройств и информационных процессов.

Технологическая нейтральность норм к настоящему времени является правовой идеей, имеющей перспективу перерасти в полноценную междисциплинарную научную концепцию при условии выработки консенсуса относительно точного значения соответствующей категории с участием специалистов, работающих в различных исследовательских областях. Выработке консенсуса на начальном этапе будет способствовать использование в официальных документах соответствующей категории без приведения дефиниции.

Использование категории «технологическая нейтральность» целесообразно, прежде всего, в специальных законодательных актах и документах стратегического

планирования. Оно должно осуществляться в соответствующем контексте, формирующем представление о границах этой нейтральности. В то же время систему принимаемых в централизованном порядке норм следует строить, исходя из необходимости достаточного уровня их «технологической предвзятости», основанной на соображениях защиты интересов человека с учетом его биологической природы, особенностей культуры и действующих в социуме нравственных норм.

References / Список литературы

- Andrei, J.V., Chivu, L., Sima, V., Gheorghe, I.G., Nancu, D. & Duică, M. (2023) Investigating the digital convergence in European Union: an econometric analysis of pitfalls and pivots of digital economic transformation. *Economic Research*. 36 (2), 1–27. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2022.2142814> EDN: BXOYEL.
- Arkhipov, V. V., Naumov, V. B. & Smirnova, K. M. (2021) The limits of automatic decision-making based on artificial intelligence in cases that have legal significance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 12 (4), 882–906. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.405> EDN: BNEPZT.
Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 882–906. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.405> EDN: BNEPZT.
- Asthana, M.K. & Panda, D.M.R. (2002) Technology convergence: The human perspective. *Delhi Business Review*. 3 (1), 1–18.
- Bertovsky, L.V. (2021) High-tech law: concept, genesis and prospects. *RUDN Journal of Law*. 25 (4), 735–749. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749> EDN: JORROV.
Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 4. С. 735–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749> EDN: JORROV.
- Biryukova, O.V. (2023) Why Is Multilateralism Losing Ground in Audiovisual Services in the WTO? *International Organisations Research Journal*. 18 (1), 107–126. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-04> EDN: VJVYMN.
Бирюкова О.В. Почему многосторонний подход к регулированию аудиовизуальных услуг сдает позиции в ВТО // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 107–126. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-04> EDN: VJVYMN.
- Boldyrev, V.A. & Shishkin, S.N. (2024) Objects of civil rights: the problem of technological neutrality of the legislator. *Justice*. 6 (4), 94–107. (In Russian). <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2024.4.94-107> EDN: HGVXDO.
Болдырев В.А., Шишкин С.Н. Объекты гражданских прав: проблема технологической нейтральности законодателя // Правосудие. 2024. Т. 6. № 4. С. 94–107. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2024.4.94-107> EDN: HGVXDO.
- Boldyrev, V.A., Svarchevsky, K.G. & Klepalova, Yu. I. (2024) 3D real estate cadastre: Risks associated with digital innovation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 15 (1), 275–293. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.118> EDN: CQRRIW.
Болдырев В.А., Сварчевский К.Г., Клепалова Ю.И. Трехмерный кадастр недвижимости: риски, связанные с цифровыми инновациями // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15 № 1. С. 275–293. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.118> EDN: CQRRIW.
- Bryzgalina, E.V. (2021) Artificial Intelligence in Education. Analysis of Implementation Goals. *Human*. 32 (2), 9–29. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S023620070014856-8> EDN: KNCXEG.

- Брызгалова Е.В. Искусственный интеллект в образовании. Анализ целей внедрения // Человек. 2021. Т. 32. № 2. С. 9–29. <https://doi.org/10.31857/S023620070014856-8> EDN: KNCXEG.
- Cherdantsev, A.F. (1964) The concept of technical and legal norms and their role in the formation of legal relations. *Soviet State and Law*. (7), 134–138. (In Russian). EDN: JFKPPQ.
Черданцев А.Ф. Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании правоотношений // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 134–138. EDN: JFKPPQ.
- Craig, C.J. (2016) Technological Neutrality: Recalibrating Copyright in the Information Age. *Theoretical Inquiries in Law*. 17 (2), 601–632. <https://doi.org/10.1515/til-2016-0022>
- Danilenkov, A. (2016) Network neutrality as a principle of Russian Internet law, means and methods of ensuring network neutrality. *Economy and Law*. (8 (475)), 59–69. (In Russian). EDN: WIUKMR.
Даниленков А. Сетевая нейтральность как принцип российского интернет-права, средства и способы обеспечения сетевой нейтральности // Хозяйство и право. 2016. № 8 (475). С. 59–69. EDN: WIUKMR.
- Dombrovsky, Yu.A. & Levchik, V.A. (2012) Technological neutrality of the use of the radio frequency spectrum in Russia. *Economic strategies*. 14 (9 (107)), 66–69. (In Russian). EDN: SCDJQL.
Домбровский Ю. А., Левчик В. А. Технологическая нейтральность использования радиочастотного спектра в России // Экономические стратегии. 2012. Т. 14. № 9 (107). С. 66–69. EDN: SCDJQL.
- Dubynin, V.A. (2022) *The brain and its needs: From nutrition to acknowledgment*. Moscow, Alpina non-fiction Publ. (In Russian).
Дубынин В.А. Мозг и его потребности: От питания до признания. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 572 с.
- Emelin, V.A. (2013) Cyborgization and disability of technologically extended human. *National Psychological Journal*. (1 (9)), 62–70. (In Russian). EDN: SCAPKJ.
Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 62–70. EDN: SCAPKJ.
- Enebeli, J.P. (2024) Information and communication technology (ICT), globalization and inpeneding challenges. *Global Journal of Pure and Applied Sciences*. 30 (1), 95–100. <https://dx.doi.org/10.4314/gjpas.v30i1.9> EDN: IWTEJM.
- Erashov, A.S. (2021) Main directions of implementation of monetary policy in the cryptoeconomy. *Management accounting*. (8-1), 158–164. (In Russian). EDN: LGTEHB.
Ерашов А.С. Основные направления реализации монетарной политики в криптоэкономике // Управленческий учет. 2021. № 8–1. С. 158–164. EDN: LGTEHB.
- Ezeigweneme, Ch.A., Umoh, A.A., Iojjanya, V.I. & Adegbite, A.O. (2024) Review of telecommunication regulation and policy: Comparative analysis USA and Africa. *Computer Science & IT Research Journal*. 5 (1), 81–99. <https://doi.org/10.51594/csitrj.v5i1.703> EDN: VQCJSR.
- Gagliani, G. (2020) Cybersecurity, Technological Neutrality, and International Trade Law. *Journal of International Economic Law*. 23 (3), 723–745. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgaa006> EDN: AXLSZI.
- Golovkin, R.B. & Zotova, Zh.A. (2010) Law in the System of Regulating Behaviour: Correlation of Social and Technical Norms. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. (4 (17)), 82–89. (In Russian). EDN: NBLPSL.
Головкин Р.Б., Зотова Ж.А. Право в системе регулирования поведения: соотношение социальных и технических норм // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 4 (17). С. 82–89. EDN: NBLPSL.
- Greenberg, B.A. (2016) Rethinking Technology Neutrality. *Minnesota Law Review*. 100, 1495–1562.

- Isaev, I.A. (2019) «Ruling machine» or legalization of technology. *Lex Russica (Russian Law)*. (1 (146)), 119–143. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.119-143> EDN: VSWZJI.
Исаев И.А. «Машина власти» или легализация техники // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 1 (146). С. 119–143. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.119-143> EDN: VSWZJI.
- Isakov, I.N. (2023) New technologies in law as a highly effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 919–938. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938> EDN: GAWEEV.
Исаков И.Н. Новые технологии в праве как высокоэффективное средство реализации конституционного принципа равенства в условиях разноуровневого правового регулирования // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 919–938. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938> EDN: GAWEEV.
- Ivanova, V.N. (1983) Technical and legal norms in the system of legal influence on scientific and technological progress. *News of higher educational institutions. Jurisprudence*. (2), 10–17. (In Russian). EDN: TZVQAX.
Иванова В.Н. Техничко-юридические нормы в системе правового воздействия на научно-технический прогресс // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1983. № 2. С. 10–17. EDN: TZVQAX.
- Jarova, A.K., Gutnikova, A.S., Maltseva, S.V. & Elin, V.M. (2012) Legislative support for the principle of technological neutrality in information systems. *Business Informatics*. (4 (22)), 25–32. (In Russian). EDN: PZNZND.
Жарова А. К., Гутникова А. С., Мальцева С. В., Елин В. М. Законодательная поддержка принципа технологической нейтральности в информационных системах // *Бизнес-информатика*. 2012. № 4 (22). С. 25–32. EDN: PZNZND.
- Kovaleva, N.V. (2016) Nature and functions of technical-legal norms. *State and Law*. (11), 5–12. (In Russian). EDN: XAFMMR.
Ковалева Н.В. Природа и функции технико-юридических норм // *Государство и право*. 2016. № 11. С. 5–12. EDN: XAFMMR.
- Kuznetsov, E.B. (2016) Russia and the world of technological dictatorship. *Russia in global politics*. 14 (2), 70–83. (In Russian). EDN: WEFJGN.
Кузнецов Е.Б. Россия и мир технологического диктата // *Россия в глобальной политике*. 2016. Т. 14. № 2. С. 70–83. EDN: WEFJGN.
- Lal, A. & You, F. (2024) Climate sustainability through a dynamic duo: Green hydrogen and crypto driving energy transition and decarbonization. *PNAS*. 121 (14), 1–12. <https://doi.org/10.1073/pnas.2313911121>
- Lisitsa, V.N. (2023a) Arbitration Agreement in the Digital Environment: Issues of Written Form and Expression of Consent of the Parties. *Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution*. 5 (10), 353–374.
- Lisitsa, V.N. (2023b) Intellectual Property Statute in Private International Law. *State and Law*. (7), 139–146. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520026811-3> EDN: MKKWJR.
Лисица В.Н. Интеллектуальный статут в международном частном праве // *Государство и право*. 2023. № 7. С. 139–146. <https://doi.org/10.31857/S102694520026811-3> EDN: MKKWJR.
- Lukyjanova, V.Yu. (2007) On the issue of the legal nature of technical regulations. *Journal of Russian Law*. (5 (125)), 11–24. (In Russian). EDN: OOABGJ.
Лукьянова В.Ю. К вопросу о юридической природе технического регламента // *Журнал российского права*. 2007. № 5 (125). С. 11–24. EDN: OOABGJ.
- Matuzov, N.I. (1996) Law in the system of social norms. *News of higher educational institutions. Jurisprudence*. (2 (213)), 144–157. (In Russian). EDN: TOAFZV.

- Матузов Н.И. Право в системе социальных норм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 2 (213). С. 144–157. EDN: TOAFZV.
- Muhammad, A. (2021) *Quantum Resilient Cryptocurrency*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/377412282_Quantum_Resilient_Cryptocurrency [Accessed 12th July 2024].
- Nanushyan, Sh.S. (2014) Technological neutrality as an innovative method in increasing the competitiveness of Russian companies in the telecommunications industry. *A new word in science and practice: hypotheses and testing of research results*. (14), 205–210. (In Russian). EDN: TAIUUR.
- Нанушян Ш.С. Технологическая нейтральность как инновационный метод в повышении конкурентоспособности российских компаний в телекоммуникационной отрасли // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 14. С. 205–210. EDN: TAIUUR.
- Provalinsky, D.I. (2023) Legal status of the person in the digital space. *Justice*. 5 (1), 38–53. (In Russian). <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.1.38-53> EDN: LDQWUW.
- Провалинский Д.И. Правовой статус личности в цифровом пространстве // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5. № 1. С. 38–53. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.1.38-53> EDN: LDQWUW.
- Rajab, A. (2009) Technological Neutrality. *Lex Electronica*. 14 (2), 1–15.
- Reed, C. (2007) Taking Sides on Technology Neutrality. *SCRIPT-ed*. 4 (3), 263–284.
- Sannikova, L.V. (2019) Digital experiments of the Russian legislator. *Property relations in the Russian Federation*. (12 (219)), 80–89. (In Russian). EDN: WJBWJI.
- Санникова Л. В. Цифровые эксперименты российского законодателя // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12 (219). С. 80–89. EDN: WJBWJI.
- Sannikova, L.V. & Kharitonova, J.S. (2019) Transforming law in the digital age: propection. *State and Law*. (9), 87–96. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013207690006733-8> EDN: YLBZUC.
- Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее // Государство и право. 2019. № 9. С. 87–96. <https://doi.org/10.31857/S013207690006733-8> EDN: YLBZUC.
- Sannikova, L.V. & Kharitonova, J.S. (2021) The role of the comparative method in research of legal regulation of cryptoassets. *State and law*. (5), 144–153. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520014900-1> EDN: JRKXDC.
- Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Роль компаративного метода при исследовании правового регулирования криптоактивов // Государство и право. 2021. № 5. С. 144–153. <https://doi.org/10.31857/S102694520014900-1> EDN: JRKXDC.
- Shin, D.H. (2006) Convergence of telecommunications, media and information technology, and implications for regulation. *Info*. 8 (1), 42–56. <https://doi.org/10.1108/14636690610643276>
- Shishkin, S.N. (2021) On some basic principles of digital law. *Business, Management and Law*. (2 (50)), 9–12. (In Russian). EDN: OGMFSH.
- Шишкин С. Н. О некоторых основных началах цифрового права // Бизнес, Менеджмент и Право. 2021. № 2 (50). С. 9–12. EDN: OGMFSH.
- Sokolov, A.Yu. & Soldatkina, O.L. (2022) Priorities of federal and regional legal policy in the field of digitalization. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 705–724. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724> EDN: LZGYBT.
- Соколов А.Ю., Солдаткина О.Л. Приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законотворческой деятельности // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 705–724. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724> EDN: LZGYBT.
- Suslova, S.I. & Filatova, U.B. (2019) Objects of civil rights in the conditions of formation of information space of Russia. *Prologue: Law Journal*. (2 (22)), 8–15. (In Russian). <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2019.2.2> EDN: RHVHIZ.

Сулова С.И., Филатова У.Б. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России // Пролог: журнал о праве. 2019. № 2 (22). С. 8–15. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2019.2.2> EDN: RHVHIZ.

Tovmasyan, R.E. (2012) Issue of cash: Financial and legal aspect. *Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional studies: Philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies.* (2), 193–198. (In Russian). EDN: PFRXQX.

Товмасын Р.Э. Эмиссия наличных денег: финансово-правовой аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 193–198. EDN: PFRXQX.

van der Haar, I.M. (2007) Technological Neutrality; What Does it Entail? *TILEC Discussion Paper.* (2007-009), 1–28. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.985260>

Zwitter, A. (2024) Cybernetic governance: Implications of technology convergence on governance convergence. *Ethics and Information Technology.* 26 (2), 1–13. <https://doi.org/10.1007/s10676-024-09763-9> EDN: GQTJUO.

Сведения об авторе:

Болдырев Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия; Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5

ORCID: 0000-0002-1454-6886; SPIN-код: 6155-1648; ResearcherID: H-1270-2016;

Scopus ID: 58024703600

e-mail: vabold@mail.ru

About the author:

Vladimir A. Boldyrev – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of the Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice; 5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1454-6886; SPIN-code: 6155-1648; ResearcherID: H-1270-2016;

Scopus ID: 58024703600

e-mail: vabold@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-35-52>

EDN: QTZNRH

Научная статья / Research Article

Планирование региональной законопроектной деятельности и ее юридическое значение

К.И. Капитанов

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 kirill.kap@list.ru

Аннотация. В условиях возрастающей роли закона в государственном управлении и регулировании общественных отношений особый научный интерес представляет исследование юридических технологий, способствующих рациональной организации законотворческого процесса и повышению качества принимаемых законодательных актов. К числу таких юридических технологий относится планирование законопроектной деятельности, которое позволяет определить оптимальную последовательность создания законов, повысить скоординированность действий субъектов законотворчества, усилить контроль за качеством выполнения ими поставленных правовых задач. Планирование активно используется в субъектах Российской Федерации, многими из которых приняты нормативные правовые акты, регулирующие процессы формирования и реализации планов законопроектной деятельности. В результате в регионах России сформировались собственные, порой уникальные подходы к организации и правовому регулированию плановых отношений. Цель исследования – изучить и упорядочить многообразие технологий планирования законопроектной деятельности, применяемых в субъектах Российской Федерации. Для ее достижения проведена классификация сложившихся в регионах России подходов к организации планового процесса, которые распределены по видам и подвидам с использованием критериев, имеющих юридическое значение. Достижение поставленной цели осуществляется посредством использования системного, структурно-функционального, формально-юридического, сравнительно-правового методов, а также метода правового моделирования. Сформулированные выводы опираются на результаты проведенного анализа актов федерального и регионального законодательства, регулирующих вопросы планирования законопроектной деятельности, и практики их применения, документов стратегического характера, а также научных исследований отечественных и зарубежных авторов. На основе проведенной классификации выделены технологии планирования, применение которых позволит повысить эффективность законотворческого процесса и качество принимаемых законов. Выдвинуты и обоснованы предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования плановых отношений. Полученные результаты могут быть положены в основу дальнейших доктринальных разработок в области теории права и теории правотворчества и использованы в практической законотворческой деятельности.

© Капитанов К.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: законотворчество, законодательство субъектов Российской Федерации, плановая деятельность, технологии планирования, планы подготовки проектов законов

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 06 ноября 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Капитанов К.И. Планирование региональной законопроектной деятельности и ее юридическое значение // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 1. С. 35–52. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-35-52> EDN: QTZNRH

Planning of Regional Legislative Activities and its Legal Significance

Kirill I. Kapitanov

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

 kirill.kap@list.ru

Abstract. Given the growing role of law in public administration and social regulation, studying legal technologies that rationalize the legislative process and enhance the quality of enacted laws holds significant scientific value. One such technology is planning of law-drafting activities, which optimizes the sequence of law creation, improves coordination among lawmakers, and strengthens oversight of legal objectives. Planning is actively used in the subjects of the Russian Federation, many of which have adopted regulatory legal acts governing the development and implementation of law-drafting plans. As a result, the regions of Russia have developed their own, sometimes unique, approaches to the organization and legal regulation of planning relations. The purpose of the work is to study and organize the diversity of law-drafting planning technologies used in the subjects of the Russian Federation. To achieve this, a classification of the approaches to organizing the planning process established in Russia's regions has been conducted, categorizing them by type and subtype using criteria of legal significance. This purpose is achieved through the use of systematic, structural-functional, formal-legal, comparative legal, and legal modeling methods. The formulated conclusions are based on the results of an analysis of acts of federal and regional legislation regulating the planning of law-drafting activities and the practice of their application, strategic documents, as well as scientific research by domestic and foreign authors. Based on the classification, planning technologies were identified whose application will improve the efficiency of the legislative process and the quality of adopted laws. Proposals for improving the legal framework for planning relations were put forward and substantiated. The results obtained can form the basis for further doctrinal developments in the field of legal theory and lawmaking theory and be used in practical lawmaking.

Key words: lawmaking, legislation of the subjects of the Russian Federation, planning activities, planning technologies, plans for the preparation of draft laws

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 06th November 2024

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Kapitanov, K.I. (2026) Planning of Regional Legislative Activities and its Legal Significance. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 35–52. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-35-52> EDN: QTZNRH

Введение

Исследование разновидностей планирования законопроектной работы в регионах России и проведение их классификации необходимо начать с определения терминологии. Под планированием законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации предлагается понимать метод подготовки и принятия проектов законов, состоящий в заблаговременном определении порядка, последовательности, сроков подготовки и внесения законопроектов в законодательный орган субъекта Российской Федерации, ответственных исполнителей, а также порядка, очередности и сроков рассмотрения проектов законов региональным парламентом (Kapitanov, 2023). Значимость планирования, применяемого в законопроектной работе, состоит в том, что оно позволяет не допустить стихийности и поспешности при подготовке и рассмотрении проектов законов, создает условия для поступательного и планомерного развития законодательства в соответствии с заданными целевыми установками. Планирование предупреждает, с одной стороны, пробельность законодательного регулирования общественных отношений, нуждающихся в такой регламентации, а с другой стороны, избыточность правовых норм и их противоречивость.

Классификация, как известно, является одним из методов познания, используемым для распределения исследуемых объектов некоторой предметной области по группам, исходя из их сходства в определенных признаках и свойствах и отличия от других объектов (Ponkin & Redkina, 2023:252–253). Ее основной методологический посыл заключается в том, что каждая составная часть изучаемого объекта должна быть отнесена к той или иной группе объектов и соответствовать признаку, выбранному в качестве основания выделения данной группы. Значимость классификации обусловлена тем, что она позволяет представить в удобном для обзора виде все объекты исследуемой предметной области, содержа при этом как можно больше существенной информации о них (Subbotin, 2001:9–10). Тем самым классификация способствует определению места объекта в системе других объектов, составной частью которой он является, познанию сущности и внутренней структуры этих объектов, уяснению их взаимосвязи, содействует обнаружению и устранению пробелов в познании. Не менее важно, что классифицирование содействует «формированию системы научной терминологии» и «выявлению в поле научного исследования новых фактов и объектов», то есть выполняет нормативно-терминологическую, эвристическую, научно-ориентирующую, инструментально-исследовательскую и диагностическую функции (Isakov, 2024:22).

Учитывая изложенное, проведение классификации видов планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации способствует решению ряда доктринальных и практических задач. Во-первых, глубже проникнуть в сущность планирования, используемого при подготовке и принятии проектов законов. Во-вторых, выявить технологии планирования, которые не применяются либо недостаточно активно применяются в законопроектной деятельности. В-третьих, обнаружить проблемы, возникающие при составлении и реализации планов законопроектных работ различных типов, и предложить меры по их преодолению.

Следует согласиться с В.М. Сырых, по мнению которого одну из наиболее сложных задач при проведении классификации представляет обоснование ее научной и практической значимости (Syrykh, 2012:280). Действительно, планирование законопроектных работ может быть классифицировано по многим критериям, например, по количеству страниц и символов, содержащихся в планах, форме (табличной либо текстовой) представления в них данных и т.п. Однако классификации, проведенные по указанным и другим подобным основаниям, являются малоинформативными, так как не позволяют выявить в планировании законопроектной работы наиболее важные, существенные признаки и непригодны для применения в практической законотворческой деятельности. В связи с этим при классифицировании следует использовать критерии, имеющие юридическое значение и характеризующие виды плановой деятельности, которые используются либо которые целесообразно использовать при осуществлении законопроектной работы.

Виды планирования законопроектной деятельности по продолжительности планового периода, приоритетности решаемых задач и определенности срока действия планов

Критерием классификации, наиболее часто применяемым в практической законопроектной работе и имеющим, как следствие, важное юридическое значение, является *продолжительность планового периода*. В соответствии с ним планирование законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации может быть 1) текущим и 2) перспективным.

Текущее планирование связано с осуществляемой в данный момент законопроектной работой. При его применении внимание уделяется промежуточному результату законопроектной деятельности, находящему свое внешнее выражение в краткосрочных плановых документах. Краткосрочные планы определяют проекты законов, которые предполагается разработать и принять в сжатые временные рамки, не превышающие одного года. Составление таких планов позволяет гибко реагировать на изменения, происходящие в общественной жизни, а также выбирать наиболее оптимальные, исходя из складывающейся ситуации, способы достижения целей, зафиксированных в перспективных и стратегических планах, конкретизировать их положения. К особенностям текущего планирования можно отнести то, что составление краткосрочных планов законопроектной работы осуществляется, как правило, субъектами, которые и будут их реализовывать (Abramova, 2011:70).

Сущность перспективного планирования заключается в том, что оно ориентировано на удовлетворение не только текущих, но и потенциальных потребностей общественного и государственного развития. Данный вид плановой деятельности предполагает формирование планов законопроектной работы на длительную перспективу, то есть определяющих перечни законопроектов, которые следует подготовить и принять в достаточно продолжительный временной период. Тем самым перспективное планирование позволяет заранее выявить возникающие вызовы и проблемы, определить характер стоящих законотворческих задач, наметить пути их решения, сосредоточить имеющиеся силы и ресурсы (кадровые, материальные и др.) на достижении поставленных целей. Составление перспективных плановых документов также делает возможным увязывание финансового обеспечения планируемых законодательных инициатив с параметрами и временными характеристиками

бюджетов субъектов Российской Федерации, которые формируются на очередной финансовый год и плановый период, включающий в себя следующие два года (Baranov, 2008:10).

Положения перспективных планов выступают ориентирами для текущей плановой деятельности, находят отражение в краткосрочных планах законоподготовительной и законодательной работы и конкретизируются в процессе составления последних.

В зависимости от срока, в который предусматривается достижение намеченного правового результата, возможно говорить о таких подвидах перспективного планирования, как среднесрочное и долгосрочное планирование законопроектной работы. В процессе среднесрочного планирования составляются планы, которые предполагается реализовать в срок от двух и до четырех лет. Долгосрочное планирование региональной законопроектной деятельности подразумевает разработку планов, подлежащих исполнению в течение пяти и более лет.

Особенностью долгосрочного планирования, на которую справедливо обращалось внимание в советской юридической доктрине, является в значительной степени прогностический характер планов, разрабатываемых на долгосрочную перспективу. Этим обусловлена специфика содержания и порядка формирования подобных плановых документов. Долгосрочными планами, например, может определяться перечень основополагающих для отдельных областей или сфер деятельности проектов законов, подлежащих подготовке и принятию в течение планового периода, без указания точных наименований, сроков и очередности подготовки, рассмотрения и введения в действие таких законодательных инициатив. Другой способ составления долгосрочных планов законопроектной деятельности предполагает установление не сроков разработки законопроектов, а сроков подготовки правовых концепций решения определенного круга социально-экономических и иных задач общественно-государственного развития. По мере одобрения соответствующих концепций создание необходимых для их реализации проектов законов может включаться в средние и краткосрочные планы законопроектных работ, уже устанавливающие конкретные наименования законодательных актов, точные плановые сроки и ответственных исполнителей (Polenina, 1981:233–235).

Несмотря на очевидную значимость перспективного планирования, называемого некоторыми учеными «сферой высоких технологий», наиболее важной и сложной составляющей процесса создания законов (Plyakhimovich, 2007:162), которая играет ведущую роль в системе планирования законопроектных работ (Abramova, 2012:43), следует констатировать его недостаточно активное применение в субъектах Российской Федерации. В качестве примера приведем Центральный федеральный округ, объединяющий 18 субъектов Российской Федерации, из которых лишь три региона – Брянская, Тверская и Тульская области – зафиксировали в своих законах возможность утверждения планов законопроектной работы со сроком реализации более года¹. Однако даже в этих регионах России перспективные планы разрабатываются на 2–4 года (Брянская область²) либо определяют основные направления законодательной деятельности на срок до 5 лет (Тверская³

¹ Анализ регионального законодательства проведен по данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.09.2025).

² Статья 11 Закона Брянской области от 03.11.1997 № 28-3 «О законах Брянской области и иных нормативных правовых актах Брянской области» // Брянские известия. 1997. № 217.

³ Статья 9 Закона Тверской области от 16.03.2004 № 13-30 «О нормативных правовых актах Тверской области» // Тверские ведомости. 2004. № 12.

и Тульская⁴ области), то есть носят среднесрочный, а не долгосрочный характер. Следствием подобного подхода к организации планирования является, по обоснованному замечанию Ю.А. Тихомирова, отсутствие четкого понимания поведения будущих участников правоотношений и последствий реализации принимаемых законодательных инициатив. В результате «законы нередко служат запоздалым оформлением принятых решений, а не мощным средством опережающего воздействия на общественные процессы» (Tikhomirov, 2015:49).

Иногда к разновидностям перспективного планирования относят стратегическое планирование (Maksurov, 2011:24). Однако существует и иная точка зрения, согласно которой стратегия направлена «на достижение главных целей определенного промежутка времени». Характеризуя с указанных позиций сущность стратегии законодательства, В.М. Баранов отмечает, что она «призвана с содержательной точки зрения отражать генеральные перспективы нормосозидания» (Baranov, 2015:32,35). Иными словами, особенность стратегического планирования и его отличие от плановой деятельности тактического характера заключается в том, что оно определяет основополагающие, наиболее важные цели (приоритеты) какой-либо деятельности, задает ключевые направления развития того или иного объекта (Zaloilo, 2018:45). Применительно к законопроектной деятельности стратегическими являются такие планы, которые устанавливают основные параметры развития и систематизации законодательства, и ориентированы на обеспечение достижения правовыми средствами целей, зафиксированных в документах стратегического характера (стратегиях социально-экономического развития, концепциях и т.п.).

Достижение стратегических целей может предполагать необходимость как предварительного осуществления целого комплекса действий, требующего значительных временных затрат, так и оперативного принятия первоочередных, приоритетных в текущий момент решений. В первом случае стратегические планы по срокам реализации являются средне- или долгосрочными, во втором случае – краткосрочными. На это обстоятельство справедливо обращают внимание В.К. Сенчагов и Е.А. Иванов, по мнению которых стратегические решения могут быть зафиксированы и в документах, срок реализации которых составляет, к примеру, один год (Senchagov & Ivanov, 2015:41). Таким образом, стратегическое и тактическое планирование, различающиеся по *степени приоритетности решаемых задач*, не следует отождествлять с перспективным и текущим планированием, так как данные виды плановой деятельности выделены исходя из разных классификационных оснований.

С сожалением следует констатировать неприменение в субъектах Российской Федерации (впрочем, как и на федеральном уровне публичной власти) возможностей и инструментов стратегического планирования в законопроектной деятельности, в результате чего основные цели и приоритеты развития регионального законодательства нередко остаются туманны. Данная ситуация стала следствием пробела в Федеральном законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁵ (далее – Федеральный закон о стратегическом планировании), действующая редакция которого не регулирует вопросы правового обеспечения ре-

⁴ Статья 2 Закона Тульской области от 14.12.1994 № 4-ЗТО «О законах области» // Тульские известия. 1999. № 219-220.

⁵ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26. Ст. 3378.

ализации документов стратегического планирования и не предусматривает возможности разработки таких программно-целевых актов, как стратегии законопроектной деятельности.

Вместе с тем четкая фиксации долгосрочных целей, на достижение которых должны быть направлены принимаемые законодательные решения, выступает одним из необходимых условий успешной модернизации законодательства и повышения доверия общества к власти (Nozdrachev et al., 2024:123–124). В этой связи представляется необходимым – в условиях пробельности федерального регулирования – принятие регионами России нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы стратегического планирования законопроектной деятельности. Нормативным обоснованием возможности издания таких актов являются положения статьи 2 Федерального закона о стратегическом планировании, устанавливающей, что правовое регулирование стратегического планирования осуществляется в том числе законами и другими нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Следует также согласиться с высказываемым в научной литературе мнением о необходимости устранения пробела в базовом Федеральном законе о стратегическом планировании: предмет его регулирования должен охватывать не только социально-экономическое, но и взаимосвязанное с ним правовое развитие страны, а существующий перечень документов стратегического планирования подлежит дополнению стратегиями законопроектной деятельности, разрабатываемыми как на федеральном, так и на региональном уровнях публичной власти (Baranov, 2015:34; Zaloilo, 2018:47).

В зависимости от *определенности срока действия планов* планирование законопроектной деятельности в регионах России может быть подразделено на 1) срочное и 2) бессрочное.

Срочное планирование рассчитано на подготовку планов с определенным конкретно сроком действия. Примером подобных плановых документов являются утверждаемые субъектами регионального законотворческого процесса планы законопроектных работ на календарный год, полугодие либо иной четко заданный период.

Бессрочное планирование предусматривает составление плановых документов, период реализации которых однозначно не установлен. Особенность таких планов состоит в возможности уточнения их содержания, корректировки предполагаемых сроков разработки и принятия включенных в них проектов законов непосредственно в процессе исполнения соответствующих плановых документов. Дополнение бессрочных планов новыми законопроектами осуществляется на основании вновь поступивших законодательных инициатив с предполагаемым сроком их подготовки и принятия в последующие годы. При подобном подходе планирование законопроектной работы приобретает характер непрерывного процесса, обеспечивающего, с одной стороны, целостность плановой деятельности в течение продолжительного временного периода, а с другой стороны, вариативность планов, позволяющую корректировать их содержание и сроки реализации с учетом изменяющихся факторов общественной жизни.

Разработка планов региональной законопроектной работы с неопределенным конкретно периодом действия может оказать содействие в решении ряда актуальных проблем, возникающих в процессе осуществления законоподготовительной и законодательной деятельности. В частности, утверждение таких планов способно сыграть важную роль в синхронизации сроков планирования законопроектной деятельности и планирования социально-экономического развития государства. Тем

самым могут быть заложены основы для преодоления или, по крайней мере, сокращения отставания законодательного регулирования от изменений, происходящих в соответствующих общественных отношениях (Abramova, 2012:48–49).

Несмотря на рациональность рассматриваемой формы планирования, разработка бессрочных планов законопроектной работы не получила распространения в региональной законотворческой практике. Как следствие, в субъектах Российской Федерации возникают сложности с реализацией принципа непрерывности планирования, связанные с невозможностью обеспечения надлежащей согласованности и преемственности многочисленных планово-программных документов, формируемых различными участниками законотворческого процесса и имеющих несовпадающие сроки исполнения (Kapitanov, 2024:311). Представляется, что позитивную роль в решении указанных проблем может сыграть использование при планировании законопроектной деятельности сложившейся практики составления и применения не имеющих однозначно установленного срока реализации плановых документов стратегического характера⁶.

Виды планирования законопроектной деятельности по разработчикам планов и реализующим их лицам

Важное практическое значение имеет классификация видов планирования законопроектной деятельности в зависимости от *субъектов, разрабатывающих планы региональной законопроектной работы*. В соответствии с указанным критерием представляется возможным выделить 1) государственное, 2) общественное и 3) государственно-общественное планирование.

Государственное планирование предполагает, что формирование планов законопроектной работы в субъектах России осуществляют государственные органы и подведомственные им организации. Его спецификой является системный и профессиональный характер, так как планы разрабатывают наиболее активные участники регионального законотворческого процесса, обладающие надлежащим уровнем ресурсной обеспеченности, необходимыми практическими умениями, навыками и компетенцией. Отличительная черта рассматриваемого вида планирования состоит в том, что государственные планы утверждаются и вводятся в действие правовыми актами субъектов Российской Федерации. Издание акта утверждения придает плану законопроектной работы юридическую силу, равную юридической силе утверждающего акта, официальный и обязательный характер, позволяет упорядочить деятельность разработчиков плана, усилить контроль за качеством и своевременностью его подготовки, установить юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение такого плана.

Общественное планирование означает, что планы региональной законопроектной деятельности разрабатываются гражданами, представителями общественных объединений, научных организаций и другими лицами, не входящими в государственный аппарат (Abramova, Sukalo & Yurtaeva, 1998a; Abramova, Sukalo & Yurtaeva, 1998b). Специфика рассматриваемого вида планирования состоит в том, что планы законопроектной деятельности, формируемые перечисленными субъектами, не являются обязательными и не порождают юридических прав и обязанностей для иных участников законотворческого процесса, поскольку утверждаются

⁶ См., например: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1373.

в неправовой форме. Кроме того, указанные лица не могут самостоятельно реализовать сформированные ими планы законопроектных работ, так как это требует принятия соответствующих решений государственными органами (субъектом права законодательной инициативы, региональным парламентом, главой субъекта Федерации).

В то же время участие общественности в отношениях по формированию и реализации планов законопроектных работ позволяет решить ряд важных задач: ориентировать должностных лиц на разработку актуальных, с точки зрения общественного интереса, плановых документов; повысить их качество и проработанность; обеспечить необходимую гласность законотворческого процесса; усилить доверие граждан к действиям и решениям субъектов планирования. Учитывая это, наиболее перспективным видится применение и нормативное закрепление в правовых актах регионов России государственно-общественного планирования, при котором основные разработчики планов законопроектных работ – органы публичной власти – привлекают к участию в плановой деятельности ученых, граждан, иных представителей общественности. При этом формы участия общественности могут быть различны: проведение независимой экспертизы проектов планов и подлежащих включению в них законопроектов; участие в общественных обсуждениях проектов плановых документов; направление разработчикам планов замечаний и предложений; осуществление общественного контроля за ходом реализации планов и т.д.

Отдельно отметим важность привлечения к процессу подготовки планов законопроектной деятельности научных организаций, так как научное сопровождение процесса создания законодательных инициатив, подлежащих включению в плановые документы, выступает необходимым требованием в обеспечении профессионализма законотворчества (Khabrieva, 2007:29). В данном вопросе уместным следует признать использование опыта ряда иностранных государств, в которых участие в планировании законопроектной деятельности правительств и парламентов принимают специализированные государственные научные учреждения (например, Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, Центр парламентаризма и законотворчества при Законодательном собрании Жогорку Кенеша Кыргызской Республики) или независимые органы, состоящие в том числе из видных представителей юридического сообщества (к примеру, правовые комиссии Англии и Уэльса, Шотландии) (Starovoytov, 2004:10).

Планирование законопроектной деятельности в регионах России может быть классифицировано в зависимости от того, *осуществляется ли утверждение плана 1) единолично либо 2) совместно с иным лицом (иными лицами).*

Подавляющее большинство планов законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации относятся к первой группе, так как единолично утверждены тем или иным органом публичной власти либо должностным лицом.

Вместе с тем в некоторых регионах России получила распространение практика разработки совместных планов законопроектной работы нескольких субъектов законотворческого процесса. В качестве примера приведем город федерального значения Санкт-Петербург, где законодательно закреплено формирование совместного плана законопроектной работы Законодательного Собрания и Губернатора региона⁷. Возможность разработки общих планов законопроектной деятельности главы

⁷ Статья 58-2 Устава Санкт-Петербурга от 14.01.1998 // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 1998. № 2.

и парламента субъекта Российской Федерации предусмотрена также законодательством Республики Тыва⁸.

Преимущество совместного планирования заключается в том, что оно позволяет повысить согласованность законоподготовительной и законодательной деятельности, осуществляемой различными участниками законотворческого процесса (Kashtan, 2016). Основываясь на едином плане, законопроектные работы, проводимые отдельными субъектами, получают направленность на достижение общих целей, а законодательные решения принимаются в скоординированные сроки, что снижает риск возникновения ошибок, коллизий и дублирующих законодательных инициатив. В этой связи расширение практики составления совместных планов высшего должностного лица и законодательного органа субъекта Федерации следует признать одним из перспективных направлений совершенствования системы планирования законопроектных работ в регионах России. Использование данной технологии планирования особенно актуально при проведении в субъекте Российской Федерации масштабных законопроектных работ, например, по приведению законодательного массива, сформировавшегося за продолжительный временной период, в соответствие с новой редакцией конституции или устава региона.

Отдельного внимания заслуживает совместное планирование законопроектной деятельности нескольких субъектов Федерации. В настоящее время возможность разработки межсубъектных плановых документов прямо закреплена в законодательстве Тюменской области, которым допускается утверждение совместного плана законопроектных работ органов государственной власти указанного региона, а также Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа⁹. До объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа данные субъекты России также принимали меры по согласованию своей законопроектной деятельности посредством издания общих планов, предусматривающих участие органов власти автономного округа в разработке и принятии проектов законов области¹⁰.

Как видно, совместное межрегиональное планирование законопроектной деятельности получило распространение в сложноустроенных субъектах Федерации, включающих в себя другие регионы России. Данный факт объясняется спецификой подобной модели государственно-территориального устройства, которая предполагает необходимость согласования действий и четкого разграничения полномочий между органами публичной власти областей и входящих в их состав автономных округов. Достижение указанной цели, в свою очередь, требует надлежащей координации законоподготовительной и законодательной деятельности данных субъектов Российской Федерации, ключевую роль в обеспечении которой способны сыграть совместные планы законопроектной работы.

Утверждение совместных планов законопроектной работы может быть признано целесообразным и для субъектов Федерации, не являющихся

⁸ Статья 10 Конституционного закона Республики Тыва от 04.01.2003 № 97 ВХ-1 «О статусе Главы Республики Тыва» // Тувинская правда. 2003.

⁹ Статья 14 Закона Тюменской области от 07.03.2003 № 121 «О порядке подготовки, принятия и действия правовых актов Тюменской области» // Вестник Тюменской областной Думы. Февраль. 2003. № 4.

¹⁰ Постановление Законодательного Собрания Иркутской области от 30.05.2007 № 32/1/1-СЗ «О плане законопроектных работ, принимаемом в соответствии с Соглашением о порядке принятия законов Иркутской области и иных нормативных правовых актов Иркутской области с участием органов государственной власти Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2007. № 32.

сложносоставными. Согласование по срокам и содержанию законоподготовительной и законодательной деятельности, осуществляемой, к примеру, граничащими и (или) входящими в один федеральный округ регионами, способно сыграть важную роль в создании скоординированного правового регулирования вопросов, имеющих межрегиональное значение. Так, согласованное развитие транспортного и градостроительного законодательства имеет принципиальное значение для развития субъектов России, образующих крупные макрорегионы с высокой плотностью населения, тесными социально-экономическими связями и общими инфраструктурными проектами (например, для городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга и граничащих с ними Московской и Ленинградской областей). Примечательным в этой связи является образование Объединенной комиссии Московской городской и Московской областной дум по координации законотворческой деятельности, к функциям которой и может быть отнесена разработка проекта совместного плана законопроектных работ субъектов Российской Федерации, образующих столичный макрорегион.

Использование субъектами Российской Федерации возможностей совместного планирования законопроектной деятельности также способно повысить результативность их участия в решении вопросов общегосударственного масштаба. Консолидация усилий нескольких регионов России по подготовке проектов федеральных законов, зафиксированных в их общем плане, положительно скажется на качестве, проработанности и, как следствие, вероятности принятия таких законопроектов. Кроме того, включение проекта закона в совместный план, утвержденный несколькими субъектами Федерации, выступит дополнительным подтверждением значимости и актуальности проектируемых нововведений для целого ряда или большинства регионов страны. В этой связи совместное планирование законопроектной работы может рассматриваться как один из механизмов преодоления такого кризисного явления в праве, как слабое влияние субъектов России на федеральный законотворческий процесс (Vlasenko, 2013:48).

Полагаем, что ключевую роль в формировании совместных планов законопроектной деятельности должны сыграть межрегиональные объединения органов публичной власти субъектов Российской Федерации (Совет законодателей Центрального федерального округа, Парламентская Ассоциация Северо-Запада России, Ассоциация законодательных органов субъектов Дальнего Востока и Забайкалья и др.), уже осуществляющие отдельные функции по согласованию законоподготовительной и законодательной деятельности регионов – членов данных объединений.

Следует согласиться с А.А. Клишасом, по мнению которого «в нынешних реалиях усложнения общественных отношений в макро- и микромасштабах данностью стала тенденция на все увеличивающуюся частоту различного рода общественных потрясений», в связи с чем на первый план выходит задача укрепления государственного суверенитета, требующая от органов публичной власти «сплочения для принятия эффективных решений по управлению страной» (Klishas, 2023:23). Учитывая это, перспективным также видится усиление координации законотворческой деятельности Федерального Собрания и региональных парламентов посредством формирования их совместных планов для обеспечения большей согласованности законодательного регулирования по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов; своевременного приведения региональных законов в соответствие с часто происходящими изменениями актов федерального законодательства; выработки законодательных решений, которые основаны на сбалансированности интересов Российской Федерации и ее субъектов. На целесообразность разработки подобных

планово-программных документов многократно обращалось внимание в отечественной юридической доктрине (Andrichenko & Chertkov, 2009:5, 9–10; Isakov, 2002:11).

Исходя из того, на упорядочивание чьей законопроектной деятельности направлен план, можно выделить 1) планирование собственной законопроектной работы и 2) планирование законопроектной работы, осуществляемой иными лицами.

В процессе планирования собственной законопроектной деятельности определяются очередность, сроки подготовки или рассмотрения законопроектов лицом, непосредственно формирующим план. В указанном случае план выполняет функцию оптимизации и «самоограничения» законопроектной активности своего разработчика, который самостоятельно устанавливает порядок создания проектов законов, тем самым вводя для себя определенные рамки. Впрочем, рассматриваемый вид плановой деятельности обладает высокой степенью гибкости и вариативности, так как субъект плановой деятельности имеет возможность внести изменения и дополнения в утвержденные им планы либо отменить их.

Планирование законопроектной работы, осуществляемой иными лицами, предполагает, что последовательность, сроки подготовки или рассмотрения проектов законов определяются не участником законотворческого процесса самостоятельно, а устанавливаются другим субъектом. В рассматриваемом случае план выступает «внешним» ограничением законопроектной активности участника законотворческого процесса и составляется при условии, что утвердивший его субъект наделен властными, организационно-распорядительными полномочиями в отношении лица, которому соответствующий плановый документ предстоит реализовать. При этом адресат плана не вправе самостоятельно изменить либо отменить его, а самовольное отступление от плана может являться основанием для применения к исполнителю мер ответственности (к примеру, дисциплинарной). К подобного рода плановым документам могут быть отнесены планы законопроектной работы органов исполнительной власти субъектов Федерации, утверждаемые главами или правительствами регионов России.

Потребность в утверждении планов законопроектных работ, содержащих поручения нижестоящим органам власти и организациям, может быть связана с необходимостью обновления законодательства в рамках целой отрасли и при проведении более масштабных законопроектных работ, требующих консолидации и координации усилий многих лиц. Кроме того, дача задания по подготовке законопроекта одновременно нескольким субъектам позволяет преодолеть ведомственный или групповой подход к решению стоящих перед регионом проблем (Polenina, 1981:219, 246).

В региональной практике встречаются плановые документы, которые сочетают в себе признаки планов собственной законопроектной работы и планов законопроектной деятельности, осуществляемой иными лицами. Так, в некоторых субъектах Российской Федерации высшими должностными лицами утверждены планы, определяющие порядок, последовательность и сроки подготовки проектов законов как непосредственно главами этих регионов, так и подотчетными им органами власти и организациями¹¹. Подобный подход к планированию представляется возможным признать рациональным, так как его применение позволяет повысить

¹¹ См., например: Распоряжение Губернатора Томской области от 02.12.2024 № 332-р «О плане законотворческой деятельности Губернатора Томской области, Администрации Томской области и иных исполнительных органов Томской области на 2025 год» // Официальный сайт Администрации Томской области. Режим доступа: <https://томск.рф/zakonotvorcheskaja-dejatelnost> (дата обращения: 22.09.2025).

скоординированность по срокам и содержанию законопроектной деятельности инициатора плана и подчиненных ему лиц, усилить контроль за надлежащим исполнением планов последними.

Виды планирования законопроектной деятельности по содержанию и способу формирования планов

Планирование законопроектной деятельности может быть подразделено на виды в зависимости от *содержания планов*. В соответствии с данным критерием выделяются 1) тематическое и 2) комплексное планирование.

Тематическое планирование предполагает установление последовательности, сроков разработки и принятия проектов законов, предмет которых имеет общую либо схожую целевую направленность, например, регулиующую определенную сферу общественных отношений или относящуюся к одной отрасли законодательства. К тематическим могут быть отнесены, в частности, планы законопроектной деятельности по приведению региональных законов в соответствие с законодательством об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации, планы, направленные на реализацию документов стратегического планирования, и т.п.

Комплексное планирование, в свою очередь, предполагает утверждение плановых документов, содержащих проекты законов, которые не ограничены определенной областью регулирования или отраслью законодательства. Такие планы характеризуются универсальностью целей, на достижение которых они направлены, и ориентированы на совершенствование всей системы регионального законодательства. Разработка комплексных планов особенно актуальна при проведении в субъекте Российской Федерации масштабных законопроектных работ, предусматривающих единовременное обновление регионального законодательства по множеству не связанных единой тематикой вопросов. Комплексный характер имеют, к примеру, планы законопроектной деятельности по приведению регионального законодательства в соответствие с поправками к Конституции Российской Федерации, по системному обновлению законодательства субъекта Федерации в связи с произошедшими изменениями федеральных законов¹² и т.п.

По способу формирования плановых документов представляется возможным выделить 1) консолидированное и 2) содержательно-приоритетное виды планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации.

Консолидированное планирование заключается в обобщении и последующем включении в план всех проектов законов, предложения о разработке или принятии которых направлены составителю плана уполномоченными лицами (к примеру, субъектами права законодательной инициативы)¹³. При подобном подходе к осуществлению плановой деятельности глубокий анализ содержания и экспертиза предлагаемых законодательных инициатив до их попадания в план, как правило, не

¹² См., например: Распоряжение Администрации Смоленской области от 29.08.2002 № 725-р «Об утверждении плана подготовки проектов областных законов, принятие которых необходимо в целях реализации отдельных Федеральных законов, плана подготовки законопроектов в целях приведения областных законов в соответствие с федеральным законодательством» // КонсультантПлюс. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.09.2025).

¹³ См., например: статья 7 Закона Новгородской области от 06.01.1995 № 9-ОЗ «О нормативных правовых актах законодательного и исполнительных органов государственной власти Новгородской области» // Новгородские ведомости. 2002. № 38.

осуществляются. Вместо этого проводится изучение проектов законов, подлежащих включению в план, на предмет соответствия формальным требованиям. В частности, устанавливаются наличие у субъекта, вносящего плановое предложение, соответствующего права; соблюдение срока представления данной инициативы; полнота представленного комплекта сопроводительных документов и т.п. Чаще всего такие планы формируются посредством блокового расположения в них планируемых к подготовке и принятию проектов законов, объединенных схожим предметом регулирования или общностью разработчика, без выделения комплексных разделов, отражающих законотворческие приоритеты. Результатом механического включения в план всех поступающих плановых предложений зачастую является его чрезмерная загроможденность и сложность полной реализации в установленные сроки, а также повышение загруженности субъекта законотворчества.

В этой связи более действенным представляется содержательно-приоритетное планирование, которое предусматривает формирование плановых документов с учетом необходимости обеспечения их содержательной согласованности и исходя из степени приоритетности предлагаемых к включению в планы проектов законов. Уже на этапе создания планов внимание следует уделять не только соблюдению формальных требований к плановым предложениям, но также оценке степени общественного и государственного интереса к реализации предлагаемых законопроектами нововведений, их актуальности и значимости для регулирования общественных отношений, соответствия целям развития Российской Федерации и ее субъектов, зафиксированным в документах стратегического планирования (Nasution, 2023; Muslimah, Achmad & Zulkifli, 2018). Тем самым обеспечивается «компактность» планов и снижается нагрузка на субъекты законотворческого процесса, так как при составлении плановых документов производится «отсеивание» неактуальных и недостаточно проработанных законодательных инициатив.

Важное значение при составлении подобных планов законопроектной работы имеет применение научно обоснованного подхода к определению очередности подготовки и принятия включаемых в планы проектов законодательных актов. При решении данного вопроса следует исходить из предметной и тематической связи законопроектов, а также учитывать разнообразие их видов. Так, подготовка базового системообразующего законодательного акта в определенной сфере общественной жизни должна предварять принятие специальных и отраслевых законов. В случае необходимости регулирования взаимосвязанных проблем целесообразно применение так называемого пакетного принципа, предусматривающего разработку нескольких законопроектов, взаимосвязанных по предмету правового регулирования, в их системном единстве (Abramova, 2012:44; Pigolkin, Rakhmanina & Zhalyaletdinova, 1997:44). Создавая законодательные акты по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов, региональному законодателю следует ориентироваться на содержание и сроки вступления в силу соответствующих правовых актов федерального уровня. Таким образом, рассматриваемый вид плановой деятельности в наибольшей степени способствует предотвращению применения разных подходов к регулированию связанных вопросов и принятия законов, содержащих несогласованные или конкурирующие нормы.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует отметить доктринальную и практическую значимость классификации видов планирования законопроектной деятельности

в субъектах России. Она позволяет глубже проникнуть в сущность планирования, применяемого при подготовке и принятии проектов законов, выявить многообразие его содержания; способствует обнаружению видов планирования, не используемых либо недостаточно активно используемых в законопроектной деятельности; делает возможным выявление проблем, возникающих при составлении и реализации планов законопроектных работ различных типов; содействует выработке предложений по совершенствованию правового регулирования плановых отношений.

Повышение качества регионального законодательства требует преодоления поспешности при подготовке и рассмотрении проектов законов, планомерного проведения законопроектных работ в соответствии с заданными целевыми установками. Решение указанных задач взаимосвязано с переходом от текущего планирования законопроектной деятельности к перспективному и, прежде всего, долгосрочному планированию, определяющему пути удовлетворения потенциальных потребностей общественно-государственного развития; применением в законопроектной работе технологии стратегического планирования и утверждением стратегий законопроектной деятельности; формированием бессрочных планов, направленных на согласование по срокам и содержанию стратегических актов и текущих планово-программных документов.

Ориентации должностных лиц на разработку актуальных законодательных актов, повышению их качества и гласности законотворческого процесса будет способствовать применение государственно-общественного планирования, при котором органы публичной власти обеспечивают участие в плановой деятельности научных организаций, а также ученых, граждан и иных представителей общественности.

Усилению согласованности законопроектных работ, осуществляемых различными участниками законотворческого процесса, содействует формирование совместных планов законопроектной деятельности законодательных и исполнительных органов власти субъекта Российской Федерации. Важную роль в создании скоординированного правового регулирования вопросов, имеющих межрегиональное значение, а также повышении результативности участия субъектов Федерации в решении вопросов общегосударственного масштаба может сыграть утверждение общих для нескольких регионов России плановых документов. Перспективным видится формирование совместных планов законопроектных работ Федерального Собрания и региональных парламентов, способствующих принятию законодательных решений, которые основаны на сбалансированности интересов Российской Федерации и ее субъектов.

Целесообразным следует признать применение в законопроектной работе технологии содержательно-приоритетного планирования, которое предусматривает формирование плановых документов с учетом необходимости обеспечения их содержательной согласованности и исходя из степени приоритетности предлагаемых к включению в планы проектов законов. Тем самым обеспечивается «компактность» планов и снижается нагрузка на субъектов законотворческого процесса.

References / Список литературы

- Abramova, A.I., Sukalo, A.E. & Yurtaeva, E.A. (1998a) Moscow's legal program: a conceptual approach to development. *Journal of Russian Law*. (3 (16)), 38–43. EDN: RAAXGN. (In Russian).
Абрамова А.И., Сукало А.Е., Юртаева Е.А. Правовая программа Москвы: концептуальный подход к разработке // Журнал российского права. 1998. № 3 (16). С. 38–43. EDN: RAAXGN.

- Abramova, A.I., Sukalo, A.E. & Yurtaeva, E.A. (1998b) Moscow's legal program: a conceptual approach to development. *Journal of Russian Law*. (4–5 (17–18)), 85–90. (In Russian). EDN: RAAXGD.
Абрамова А.И., Сукало А.Е., Юртаева Е.А. Правовая программа Москвы: концептуальный подход к разработке // Журнал российского права. 1998. № 4–5 (17–18). С. 85–90. EDN: RAAXGD.
- Abramova, A.I. (2011) Planning techniques rulemaking process. In: Vlasenko, N.A. (ed.) *Legal drafting methodology*. Moscow, Yustitsinform Publ., pp. 68–78. (In Russian).
Абрамова А.И. Техника планирования нормотворческой деятельности // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. М. : Юстицинформ, 2011. С. 68–78.
- Abramova, A.I. (2012) Actual problems of planning legislative activities. *Journal of Russian Law*. (3 (183)), 41–50. (In Russian). EDN: OPVOFZ.
Абрамова А.И. Актуальные проблемы планирования законодательной деятельности // Журнал российского права. 2012. № 3 (183). С. 41–50. EDN: OPVOFZ.
- Andrichenko, L.V. & Chertkov, A.N. (2009) Interaction of the State Duma and legislative bodies of the subjects of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. (2 (146)), 3–10. (In Russian). EDN: KZVKIP.
Андриченко Л.В., Чертков А.Н. Взаимодействие Государственной Думы и законодательных органов субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 2 (146). С. 3–10. EDN: KZVKIP.
- Baranov, V.M. (2008) The idea of the bill: essence, practical value, technical and legal design. *Journal of Russian Law*. (2 (134)), 9–17. (In Russian). EDN: NTYDQJ.
Баранов В.М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2 (134). С. 9–17. EDN: NTYDQJ.
- Baranov, V.M. (2015) Strategy of lawmaking in modern Russia: concept, technical and legal design, implementation efficiency. *Legal technique*. (9), 29–45. (In Russian). EDN: TWWEYD.
Баранов В.М. Стратегия законотворчества современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 29–45. EDN: TWWEYD.
- Isakov, V.B. (2002) *Preparation of laws*. Moscow, Infra-M Publ. (In Russian).
Исаков В.Б. Подготовка законов: монография. М. : Инфра-М, 2002. 57 с.
- Isakov, V.B. (2024) Classifications and classifiers in science and analytics. *Legal technology*. (18), 17–31. (In Russian). EDN: АОНБРВ.
Исаков В.Б. Классификации и классификаторы в науке и аналитике // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 17–31. EDN: АОНБРВ.
- Kapitanov, K.I. (2023) Theoretical aspects of planning of law drafting activities in the subjects of the Russian Federation. *Economy. Law. Society*. (4 (36)), 85–91. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-85-91> EDN: OZASNU.
Капитанов К.И. Теоретические аспекты планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. 2023. № 4 (36). С. 85–91. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-85-91> EDN: OZASNU.
- Kapitanov, K.I. (2024) On the issue of the concept and system of principles of planning law-drafting activities in the subjects of the Russian Federation. *Legal policy and legal life*. (4), 304–314. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2024-4-304-314> EDN: RYKOLV.
Капитанов К.И. К вопросу о понятии и системе принципов планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 304–314. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2024-4-304-314> EDN: RYKOLV.
- Kashtan, M. (2016) A Blueprint for Collaborative Lawmaking. *Interdisciplinary Journal of Partnership Studies*. 3 (1). <https://doi.org/10.24926/ijps.v3i1.118>
- Khabrieva, T.Ya. (2007) Globalization and the legislative process. *Lawmaking and technical and legal problems of forming the system of Russian legislation in the context of globalization*:

- collection of articles*. Nizhny Novgorod, Institute of State and Law of the RAS Publ., pp. 26–33. (In Russian). EDN: RNXUCJ.
- Хабриева Т.Я. Глобализация и законодательный процесс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сб. статей. Нижний Новгород : Институт государства и права РАН, 2007. С. 26–33. EDN: RNXUCJ.
- Klishas, A.A. (2023) Development of the Russian Federation as a social state in the context of the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 27 (12), 22–37. (In Russian). <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.136> EDN: ZMABPW.
- Клишас А.А. Развитие Российской Федерации как социального государства в контексте 30-летия Конституции Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 12. С. 22–37. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.136> EDN: ZMABPW.
- Maksurov, A.A. (2011) Coordination legal strategy: definition of problems. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. (2 (12)), 23–25. (In Russian). EDN: MMXHXС.
- Максуров А.А. Координационная юридическая стратегия: проблемы определения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2 (12). С. 23–25. EDN: MMXHXС.
- Muslimah, A.R., Achmad, R. & Zulkifli, A. (2018) Legal Politics of the National Legislation Program in the Establishment of the Law. *Journal of Law, Policy and Globalization*. (78), 48–53. Available at: <https://www.iiste.org/Journals/index.php/JLPG/article/view/44769/46189> [Accessed 16th October 2024].
- Nasution, M.S. (2023) Synergy of the Development Planning Regulatory Framework with the National Legislation Program. *The Journal of Indonesia Sustainable Development Planning*. 4 (1), 69–85. <https://doi.org/10.46456/jisdep.v4i1.369>
- Nozdrachev, A.F., Emelianov, A.S. & Zyryanov, S.M. et al. (2024) Administrative legislation. In: Khabrieva, T.Ya. & Tikhomirov, Yu.A. (eds.) *Scientific concepts of development of Russian legislation*. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ.; Moscow, Norma Publ., pp. 105–125. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2127734> EDN: VJUIJQ.
- Ноздрачев А.Ф., Емельянов А.С., Зырянов С.М. и др. Административное законодательство // Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2024. 656 с. <https://doi.org/10.12737/2127734> EDN: VJUIJQ.
- Pigolkin, A.S., Rakhmanina, T.N. & Zhalyaletdinova, Z.S. (1997) Regional lawmaking programs receive scientific justification. *Journal of Russian Law*. (3), 39–49. (In Russian).
- Пиголкин А.С., Рахманина Т.Н., Жалылетдинова З.С. Региональные программы законодательства получают научное обоснование // Журнал российского права. 1997. № 3. С. 39–49.
- Plyakhimovich, I.I. (2007) Long-term planning of rulemaking in Belarus. *Law: stability and dynamics: materials of the International school-workshop of young legal scholars, Moscow, June 1-3, 2006*. Moscow, CONTRACT Publ., pp. 161–166. (In Russian). EDN: PGBJLH.
- Пляхимович И.И. Перспективное планирование нормотворчества в Беларуси // Закон: стабильность и динамика : материалы Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 1–3 июня 2006 г. / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. : КОНТРАКТ, 2007. 470 с. EDN: PGBJLH.
- Polenina, S.V. (1981) Planning of lawmaking. In: Khalfina, R.O. (ed.) *Scientific foundations of Soviet lawmaking*. Moscow, Science Publ., pp. 216–253. (In Russian).
- Поленина С.В. Планирование правотворчества // Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. М. : Наука, 1981. 317 с.
- Ponkin, I.V. & Redkina, A.I. (2017) Classification as a method of scientific research, in particular in legal science. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*. (37), 249–259. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-37-249-259> EDN: ZMIRUR.

Понкин И.В., Редькина А.И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 249–259. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-37-249-259> EDN: ZMIRUR.

Starovoytov, A. (2004) Ensuring the systematicity of law-drafting activities: factors, trends, problems. *Comparative Constitutional Review*. (4 (49)), 8–19. (In Russian). EDN: HSMZTD. Старовойтов А. Обеспечение планомерности законопроектной деятельности: факторы, тенденции, проблемы // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4 (49). С. 8–19. EDN: HSMZTD.

Senchagov, V.K. & Ivanov, E.A. (2015) Law on strategic planning and tasks for its implementation. *Bulletin of the Financial University*. (3), 38–50. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2015-0-3-38-50> EDN: UCLDTT.

Сенчагов В.К., Иванов Е.А. Закон о стратегическом планировании и задачи по его реализации // Вестник Финансового университета. 2015. № 3. С. 38–50. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2015-0-3-38-50> EDN: UCLDTT.

Subbotin, A.L. (2001) *Classification*. Moscow, IF RAN Publ. (In Russian).

Субботин А.Л. Классификация. М.: ИФ РАН, 2001. 94 с.

Syrykh, V.M. (2012) *Preparation of dissertations on legal sciences: the applicant's desk book*. Moscow, RAP Publ. (In Russian). EDN: RAYFNZ.

Сырых В.М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. М.: РАП, 2012. 500 с. EDN: RAYFNZ.

Tikhomirov, Yu.A. (2015) Methodology of risk analysis and assessment in legislative activity. *Legal technique*. (9), 46–52. (In Russian). EDN: TWWEYN.

Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 46–52. EDN: TWWEYN.

Vlasenko, N.A. (2013) The crisis of law: problems and approaches to solution. *Journal of Russian Law*. (8), 43–54. (In Russian). EDN: QZTJLL.

Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43–54. EDN: QZTJLL.

Zaloilo, M.V. (2018) Strategic planning in ensuring the effectiveness of lawmaking. *Journal of Russian Law*. (4), 43–53. (In Russian). https://doi.org/10.12737/art_2018_4_5 EDN: YUVUHU.

Залоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 43–53. https://doi.org/10.12737/art_2018_4_5 EDN: YUVUHU.

Сведения об авторе:

Капитанов Кирилл Игоревич – аспирант кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0009-0003-2480-2681; SPIN-код: 3464-8522

e-mail: kirill.kap@list.ru

About the author:

Kirill I. Kapitanov – postgraduate student of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0009-0003-2480-2681; SPIN-code: 3464-8522

e-mail: kirill.kap@list.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-53-69>
EDN: QTZYIE

Научная статья / Research Article

Территориальность вместо территории: как исправить краеугольное противоречие пространственной теории

С.В. Праскова

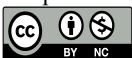
Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
 savap@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественной юриспруденции доминирует понимание территории государства как части земной поверхности, находящейся под его властью. Оно не только широко используется науками, но и получило закрепление в энциклопедических источниках. Такое понимание территории государства соответствует тезисам пространственной теории, получившей распространение в XX в. Вместе с тем эта теория содержит внутреннее противоречие, которое не разрешено до сих пор: государство понимается как социальное явление, а территория как часть поверхности Земли – явление объективной реальности. При этом в отечественном государствоведении территория классически включается в понятие государства в качестве его элемента или признака. В результате отсутствует понимание взаимосвязи государства и его территории, что в том числе отражается на ее нормативном регулировании. В этой связи цель работы – предложить понимание территории государства, соответствующее его социальной природе. При проведении исследования использовались формально-юридический, социологический, исторический методы. По результатам автор полагает, что для преодоления указанного противоречия территорию следует понимать как условно ограниченную непрерывную часть земной поверхности, являющуюся местом нахождения социальных явлений и процессов. В этом смысле территория не может рассматриваться ни как элемент, ни как признак государства-сообщества. Однако государство имеет территориальность – взаимосвязь с физическим пространством. При этом в отечественной юриспруденции отсутствует ее понимание. Предложено опираться на результаты исследований территориальности сообщества в социологии и политологии. В заключение автор предлагает понимать территориальность в двух смыслах: в широком – как постоянное пребывание государства-сообщества (народа, населения) на определенной ограниченной части поверхности Земли; в узком – как обособление государством части физического пространства и установлению контроля над ним (присвоение). Во втором смысле территориальность является признаком государства, что и позволяет снять противоречие пространственной теории.

Ключевые слова: физическая территория, пространственная теория, объектная теория, теория международной собственности, элемент государства, признак государства

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Праскова С.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 08 мая 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Праскова С.В. Территориальность вместо территории: как исправить краеугольное противоречие пространственной теории // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 1. С. 53–69. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-53-69> EDN: QTZYIE

Territoriality instead of territory: Resolving the fundamental contradiction of spatial theory

Svetlana V. Praskova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

 savap@mail.ru

Abstract. The topic’s relevance stems from the dominant view in Russian jurisprudence that a state’s territory constitutes a portion of the Earth’s surface under its authority. This perspective pervades legal scholarship, encyclopedic sources, and the spatial theory prevalent in the 20th century. Yet, spatial theory contains an unresolved contradiction: it defines the state as a social community while treating territory as an element of objective physical reality. Russian political science, meanwhile, traditionally includes territory as an element or attribute of the state. This discrepancy fosters inadequate comprehension of the state-territory relationship, with implication for its legal regulation. The article’s purpose is to propose a conception of state territory aligned with the state’s social essence. Employing formal-legal, sociological, and historical methods, the author argues that territory should be reconceived as an artificially delimited, continuous segment of the Earth’s surface hosting social phenomena and processes. In this framework, territory is neither an element nor an attribute of the state-community. Instead, the state exhibits *territoriality* – its interconnection with physical space – a concept absent from Russian jurisprudence but illuminated by sociological and political science studies of community territoriality. The author delineates territoriality in two senses: broadly, as the state-community’s (people/population’s) permanent habitation on a delimited portion of the Earth’s surface; narrowly, as the state’s demarcation and control (appropriation) of physical space. In the narrow sense, territoriality serves as a defining attribute of the state, resolving spatial theory’s contradiction.

Key words: physical territory, spatial theory, object theory, theory of international property, element of the state, attribute of the state

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 08th May 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Praskova, S.V. (2026) Territoriality instead of territory: Resolving the fundamental contradiction of spatial theory. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 53–69. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-53-69> EDN: QTZYIE

Введение

Территория государства является одной из основных категорий юридической науки. Вместе с тем, состояние ее осмысленности в российской юриспруденции можно охарактеризовать, перефразировав высказывание Т.Х. Керимова об

обществе: понятие территории обычно представляется настолько привычным, что оно принимается как некая интуитивно очевидная данность¹.

На первый взгляд в таком некритичном принятии нет никакой проблемы. Однако это не так. Понимание территории неразрывно связано с пониманием государства, а эта категория настолько фундаментальна для юриспруденции, что по своему значению уступает только праву. Отсутствие научного осмысления сущности территории является лишь частным проявлением отсутствия четкого понимания государства.

Для отечественных социальных наук государствоведение вообще является «ахиллесовой пятой». Последний всплеск интереса к пониманию государства как социального явления в российской юриспруденции наблюдался на рубеже XIX и XX вв. В советский период времени монополия на изучение государственно-правовых явлений принадлежала теории государства и права. Именно эта наука, основанная на постулатах марксизма-ленинизма, пыталась охватить все стороны проявления государства, включая закономерности исторического развития. На современном же этапе отечественная политология, отвоевав свой предмет, изучает государство как одну из институциональных структур политической системы, развитие государства является предметом истории, а в юриспруденции исследуются самые разные стороны проявления государственных институтов, но концептуальное осмысление государства как явления отсутствует². За «деревьями» государственных органов, функций, форм и прочего мы не видим «леса» самого государства. Неудивительно, что территории государства уделяется еще меньшее внимание.

В большинстве случаев под территорией государства понимают часть земного шара, находящуюся под суверенитетом определенного государства³ (Kravets, 2016:91). Это определение является следствием доминирования пространственной теории понимания территории, которая зародилась в конце XIX в. К ярчайшим представителям пространственной теории относят К. Фрикера, Г. Еллинека, Л. Дюги, а среди российских ученых – В.А. Незабитовского, Л.А. Шалланда, Н.М. Коркунова. Пространственная теория выступила альтернативой объектной теории, понимавшей территорию как объект права собственности государства (государя). Их противостояние было обусловлено становлением юридической науки как самостоятельной отрасли знания, а также борьбой частного и публичных начал. Если объектная теория обосновывала начала частноправового владения территорией государства (*dominium*), то пространственная теория, различая землю и территорию (пространство), признавала только публично-правовое обладание ею (*imperium*)⁴.

В XX в. пространственная теория получила всеобщее признание. Представление о территории как пространстве властвования государства, его территориальном пределе стало общепринятым в западноевропейской науке и с некоторыми оговорками советского периода⁵ – в отечественной юриспруденции. В настоящий момент

¹ Керимов Т.Х. Социальная философия : учебник. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 304 с.

² Редким исключением в этом плане является цикл статей, начатый И.В. Лексиним (Leksin, 2024).

³ Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. М. : Большая Российская энциклопедия, 2016. Т. 32: Телевизионная башня – Улан-Батор. 765 с.

⁴ Подробно о подходах к пониманию территории (Praskova, 2024b).

⁵ Дело в том, что советская наука отрицала любую преемственность в понимании государственно-правовых явлений. Несмотря на то, что сами подходы к пониманию территории были выделены именно в советский период, происходило это под эгидой критики буржуазных теорий (Klimentko, 1974). Однако фактически в советский период доминировала именно пространственная теория, поскольку территория

сколько-нибудь достойной альтернативы пониманию территории как пространства просто не существует. Вместе с тем пространственная теория породила концептуальное противоречие⁶, которое не устранено до сих пор. Понимание государства как социального явления, а территории как поверхности Земли не позволяет рассматривать их как части целого или как целое и часть. Более того, отсутствие понимания природы и места территории в государственном устройстве не позволяет осуществить ее надлежащее правовое регулирование. И в этой связи представляется необходимым вернуться к обсуждению понимания территории государства, пусть и столетием позже, чем это следовало сделать.

Противоречие между пониманием территории и государства в рамках пространственной теории

XIX в. – это пора кардинального пересмотра предмета науки и разделения естественных и социальных наук. Представители пространственной теории основывались на неокантианском делении между науками о природе и науками о духе. Так, для одного из ярчайших представителей данного направления Георга Еллинека государство – это предмет изучения социальных наук, подход которых отличается от естественно-правовых наук. Все социальные науки пользуются «субъективным» подходом, который характеризуется психологическим истолкованием внешнего объективного материала⁷. Потому все представители пространственной теории подчеркивают не вещный, а социальный характер территории государства. Государство – это прежде всего народ. Еллинек, описывая понимание государства, в большей степени доказывает социальную природу территории, чем рассматривает ее сущность. «Государство имеет, впрочем, и территорию – пишет он. Но присматриваясь к вопросу ближе, мы видим, что и территория есть связанный с человеком элемент государства. Оседлость есть свойство, состояние живущих в государстве людей, и все юридические влияния территории ... могут осуществляться только через посредство психики человека. Совершенно отрешенной от человеческих субъектов существует не территория, а только части земной поверхности» (Elinek, 2004:96–97).

Отсюда возникает вопрос о соотношении государства и территории. Ведь, если государство – это сугубо социальное явление, то какое место в нем может занимать пространство (земная поверхность)?

Георг Еллинек прямо писал о двойственности понимания территории: «Государственная территория имеет двойное значение. Во-первых, она является моментом в понятии государства как субъекта⁸. ... На этом свойстве территории ... основан

государства понималась как «пространственный предел властвования народов СССР, руководимых рабочим классом» (Osharov, 1948) или «некоторое земное, а также вземное (космическое) пространство, ограниченное от других земных пространств определенными поверхностями (границами) и имеющее тот или иной юридический статус и соответствующий ему правовой режим» (Ushakov, 1996:37).

⁶ Рассматриваемое здесь концептуальное противоречие не является единственным, которое ставится в упрек пространственной теории. Существует вопрос о возможности существования государства без территории, о возможности господства государства над незаселенными территориями. Однако в рамках одной статьи все они рассмотрены быть не могут.

⁷ В отличие от объективного подхода естественных наук, которые изучают явления в том виде, как они происходят в реальности, вне отношения к психике человека.

⁸ Леон Дюги называет этот аспект понимания территории «конститутивным элементом государства» как юридического лица (Duugi, 1908:127–137).

принцип «непроницаемости» государства. На одной и той же территории может развить свою власть только одно государство. ... Территория служит, во-вторых, пространственным основанием для осуществления власти государства над всеми пребывающими в государстве людьми – подданными и иностранцами» (Ellinek, 2004:207–209). Говоря о первом понимании, он имеет в виду часть земной поверхности, что является необходимым условием существования государства (оседлости людей), о втором – территориальную юрисдикцию государственной власти.

Однако такая двойственность плохо сочетается с пониманием государства как союза людей. Может ли земная поверхность быть элементом сообщества? Как справедливо отмечает Л.С. Мамут, «формула «элементы государства» инспирирует осмысление такового и приписываемых ему элементов как целого и частей (предметов), составляющих это целое. Отношения же целого и его частей – в общем плане суть отношения иерархии» (Mamut, 2000:89).

Разрешить это противоречие пытались разными способами.

Одним из них стало отрицание возможности понимания территории как элемента государства и в целом самой концепции понимания государства как единства трех элементов (территория, народ, власть). Но иного, альтернативного понимания территории государства сторонники этого подхода не предложили.

Например, Я.М. Магазинер подробно рассматривает составляющие территории как физического пространства существования социума. «Обычно – отмечает он – территорию определяют как часть земной поверхности, находящуюся в исключительной власти данного государственного союза». Он расширяет это понимание, включая в территорию не только земную, но и водную поверхность, а также недра, воздушное пространство и отчасти прибрежные воды. В итоге территорию государства он понимает как «часть земного шара, состоящую из земной, водной и воздушных сфер»⁹. Однако затем, размышляя о юридической природе территории, Я.М. Магазинер говорит, что согласно господствующему учению «территория есть такой же неустранимый элемент государства, как тело есть неотъемлемый элемент личности человека. Но как нельзя иметь право собственности на свое тело, как немислимо, чтобы тело было и элементом человека, и отдельным от него предметом собственности, так же немислимо, чтобы территория могла быть одновременно и внутренним элементом государства, и внешним для него предметом его собственности. ... Государство есть не что иное, как властноорганизованный народ, т.е. для понятия государства единственным, необходимым и достаточным элементом следует признать народ»¹⁰. И далее он делает вывод, что «территория не является юридически обязательным элементом государства. Территория есть только граница власти государства, пространственное определение пределов его власти ... Нельзя себе представить, что место, где действует существо, является составным элементом этого существа, как не является клетка «элементом» того зверя, который в ней заключен, как не входит в личность собственника тот участок, которым он владеет, и как нельзя вообще сказать, что жилище есть часть личности человека, хотя бы оно было безусловно необходимо для существования этой личности и хотя бы оно было безусловно тесно с личностью связано»¹¹. При этом столь категоричный вывод

⁹ Магазинер Я.М. *Общее учение о государстве* : курс лекций, читанных в Петроградском Университете в 1918–1922 гг. 2-е изд., перераб. Петроград : Кооперация, 1922. С. 105.

¹⁰ Там же. С. 107.

¹¹ Там же. С. 108.

совершенно не отменяет для него необходимость исследования территории государства.

Однако чаще последователи пространственной теории сохраняли тезис о территории как элементе государства, не раскрывая ее содержания, а основное внимание уделяли ее взаимосвязи с государством.

Например, Е.Н. Трубецкой называет территорию элементом государства (Trubetskoi, 1917:226), но раскрывает не ее понимание, а свойства государственной власти. Он сравнивает государственную власть с другими проявлениями принудительной власти: разбойничьей шайкой, революционным клубом. «Действительное основное отличие государства состоит ... в том, что оно пользуется властью самостоятельной и исключительной в пределах определенной территории» (Trubetskoi, 1917:225). Любая другая власть, по его мнению – это власть над людьми, но не над территорией. «Никакое государство, как бы сильно оно ни было, не может воспрепятствовать образованию в его пределах враждебных ему анархических партий или разбойничьих обществ; но оно остается государством лишь до тех пор, пока оно в состоянии отстаивать свою самостоятельную власть над территорией против внутренних и внешних врагов» (Trubetskoi, 1917:225–226). В этой трактовке важно, что характеристикой государственной власти признается не территория, а территориальность, т.е. распространение на всю территорию и людей, находящихся на ней. Одновременно он фактически исключает возможность рассмотрения территории как таковой.

Оба приведенных подхода не разрешают вопроса о соотношении государства и территории, а лишь позволяют уйти от нее. Именно это и произошло затем в советском государствоведении – оно фактически отказалось от исследования территории и ее взаимосвязи с государством.

Советская наука в силу идеологических факторов отреклась от понимания государства как единства трех элементов. Такой подход получил клеймо «буржуазного». Фундаментальной основой нового видения стала ленинская формула «государство – это машина для поддержания господства одного класса над другим» (Lenin, 1962:73). В результате государство понималось исключительно как политическая организация власти экономически господствующего класса¹². Потому в центре внимания государствоведов оказались население и политическая власть. Территории же отводилась роль «материальной основы». Фактически вся проблематика советского государственного права была ограничена вопросами административно-территориального деления, исследования по которым имеют, за малым исключением, справочно-информационный и исторический характер (Vitruk, 2012:36).

Не изменилась ситуация и в настоящий момент. Несмотря на то, что в научную (Zhukov, 2023; Ivanov, 2002) и учебную литературу¹³ вернулось понимание государства как единства трех элементов (территория, народ, власть), в современной юридической литературе отсутствуют не только попытки разрешить кардинальное противоречие между пониманием государства и территории, но и само обсуждение этой проблемы.

¹² Основы советского государства и права : учебник / ред. А.И. Лепешкин. М. : Просвещение, 1970. 375 с.

¹³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Дело, 2022. С. 52; Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М. : Юрайт-М, 2002. С. 84.

Редким исключением в этом плане является статья И.В. Лексина, который утверждает, что «территория по отношению к государству не является ни элементом, ни признаком. Обе названные трактовки могут быть приняты лишь как образные выражения, не вполне уместные в современной академической литературе. ... Для доктринальных и педагогических целей полезно подчеркивать фигуральный характер приведенных высказываний и ошибочность восприятия их в качестве научно обоснованных» (Leksin, 2023:466).

Таким образом, несмотря на повсеместно господствующее представление о территории государства в соответствии с тезисами пространственной теории, ни на один шаг в преодолении ее внутреннего противоречия современное отечественное государствоведение не продвинулось. Такая ситуация заставляет усомниться в самой возможности разрешения рассматриваемой проблемы. И все-таки, на наш взгляд, это необходимо. Как справедливо отмечает И.В. Лексин, государство и территория – это «категории, определяемые друг через друга и не отделимые друг от друга без потери смысла» (Leksin, 2023:466).

Путь к разрешению противоречия

Пространственная теория отказалась от отождествления территории с землей, заменив ее абстрактным словом «пространство». Однако понимание территории у ее последователей по своей сути не изменилось. Как видно из вышеприведенного описания труда Я.М. Магазинера, территория по-прежнему понималась как часть земной поверхности, пусть и расширенная за счет включения в нее не только земной, но и воздушной, водной поверхностей, а также недр. Так, классическое определение территории государства Г. Еллинека звучит следующим образом: «область, занимаемая государственным союзом, означает в юридическом смысле то пространство земли и воды, на котором государственная власть может развивать свою специфическую деятельность – функцию властвования» (Ellinek, 2004:207).

Соответственно территория понимается как часть поверхности Земли, т.е. явление объективной реальности – физического пространства. Для обозначения такого понимания территории применительно не только к государству, но и любых иных социальных явлений предлагаем использовать термин «физическая территория» – это условно ограниченная непрерывная часть земной поверхности, являющаяся местом нахождения (местоположением реализации) социальных явлений и процессов (Praskova, 2024a:187–193).

Проблема мыслителей рубежа XIX и XX вв. заключалась как раз в том, что они отвергли частноправовое понимание территории государства как земли, но не отвергли понимание территории как части физического пространства.¹⁴ Если обратиться к позиции основателя пространственной теории К. Фрикера, то мы увидим, что такая попытка была. Он писал: «Когда мы говорим о государственной территории, то понимаем под этим само государство в пространственном ограничении... Государство – это не что иное, как на основе права организованный в пределах определенного пространства народ» (Nifanov, 2020:50). Но этот путь не был пройден до конца.

¹⁴ Безусловно, не стоит их в этом упрекать. На тот момент еще не было достаточно сформированного понимания физического пространства, освоенного человеком.

Справедливости ради следует признать, что в XX в. предпринимались попытки убрать физическую территорию из понятия государства путем признания ее не элементом, а условием (предпосылкой) существования государства. Так, Я.М. Магазинер, отказав в признании территории элементом государства, называет ее «обычной основой» и «фактически необходимой предпосылкой»¹⁵. В советской юридической литературе было широко распространено утверждение о территории государства как объективном условии его существования – материальной основе (Shevtsov, 1972:80). В постсоветский период Л.С. Мамут писал о территории государства – «она вовсе не часть самого государства, а лишь пространственное условие (наряду с временным) его бытия» (Mamut, 2000:89). Этот подход совершенно справедливо подверг критике И.В. Лексин: «... в плане предпосланности пространством государство ничем не отличается ни от общества, ни от индивида, ни от иных социальных сущностей. Территория в широком (естественном, природном) понимании (а точнее, физическое пространство) по отношению к любым социальным явлениям, включая государство, имеет характер не предпосылки, обуславливающей их формирование, а данности, неизбежной среды существования» (Leksin, 2023:465).

На наш взгляд, проблема пространственной теории заключается в «половинчатом подходе». Не нужно пытаться иначе определить место физической территории в понимании государства-сообщества. Нужно полностью отказаться от нее.

Социальная общность (в том числе государство) и физическая территория, без сомнений, являются разнородными (гетерогенными) явлениями. Это значит, что их соотношение не может трактоваться ни как тождество, ни как различие, ни как соотношение целого с частью, и ни при каких условиях одно не может быть признаком (свойством) другого.

Это не означает, что государство не связано с физической территорией. Напротив, любое сообщество (и общество в целом) связано с объективной реальностью и в частности – с земной поверхностью. Гетерогенность этих явлений не исключает, а скорее наоборот – подразумевает возможность их взаимодействия. А потому действительная задача пространственной теории состоит не в том, чтобы включить физическую территорию в понятие государства, а в выявлении характера взаимосвязи государства-сообщества с физическим пространством.

Корректным термином для обозначения взаимосвязи государства с физической территорией представляется «территориальность».

Понимание территориальности государства в отечественной юриспруденции

Территориальность как характеристика каких-либо явлений или процессов широко используется в отечественной юриспруденции: территориальная оседлость народа, территориальное деление, территориальная организация местного самоуправления, территориальные органы государственной власти и т.п. Однако это использование не носит осознанного и системного характера, а скорее объясняется интуитивным использованием этого термина.

Само по себе признание территориальности в качестве признака государства присутствовало и у представителей пространственной теории в начале XX в. (особенно в рамках дискуссии о возможности признания кочевых племен

¹⁵ Магазинер Я.М. Общее учение о государстве : курс лекций, читанных в Петроградском Университете в 1918–1922 гг. 2-е изд., перераб. Петроград : Кооперация, 1922. С. 108.

государством), и имеет место в современной научной литературе (Leksin, 2023:464). Но оно не раскрывается, а во многом отождествляется с территорией государства.

Наиболее развитое понимание территориальности государства в отечественной юриспруденции присутствует только в контексте его противопоставления родовой (догосударственной) организации общества. Его основой является хрестоматийный для советского периода тезис, сформулированный Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс противопоставлял родовую (основанную на кровных узах) организацию первобытного общества и территориальную организацию государства (безотносительно к роду и племени) (Engels, 1989). В этом он следовал тезисам первых теоретиков государства в антропологии Г. Мэйна и Л. Моргана, которые противопоставляли основанные на родстве догосударственные социумы («общество статуса», *societas*) территориально организованным обществам государственным («общество контракта», *civitas*) (Bondarenko, 2015:14–15).

В этом контексте признаком государства является территориальное начало объединения граждан или подданных: «В процессе возникновения государства кровнородственные связи людей отодвигались на задний план или вовсе заменялись территориальными связями (по месту жительства). Следствием этого явилось то, что жители в политическом отношении превращались в простую принадлежность территории»¹⁶.

Несмотря на то, что уже в середине XX в. британские структуралисты и американские босианцы наглядно показали, что такое противопоставление чрезмерно жестко, подтвердив важность территориальных связей в негосударственных социумах (Bondarenko, 2015:14–15), в отечественной юриспруденции это противопоставление используется до сих пор. Так, попытку соединить территорию и территориальную организацию населения в понимании государства предпринял Р.Л. Иванов (Ivanov, 2016). Он называет это характеристиками государства и подчеркивает их самостоятельность, несмотря на терминологическую близость. При этом территориальную организацию населения он объединяет с территориальным делением. «Территориальный принцип государственного устройства – пишет он – состоит в том, что деление страны на территориальные единицы осуществляется без учета родственных связей между проживающими здесь людьми» (Ivanov, 2016:9). Однако такое понимание территориальности как признака государства вряд ли выдерживает критику как с позиций современной антропологии, так и юриспруденции.

Сосредоточенное проживание населения на определенной части физического пространства характерно для любых высокоорганизованных сообществ. Но для первобытных форм характерно одновременно доминирование родового начала сообщества, тогда как в государстве оно ослабевает или утрачивается. Соответственно, для государства не столько свойственна территориальность населения, сколько отсутствие кровнородственной связи в основе социальной общности (наличие «надродственной» основы). Как справедливо отмечает Д.М. Бондаренко, «проблема родственного и территориального начал в организации социума – всегда вопрос соотношения между ними, а не присутствия или отсутствия одного из них, хотя общая тенденция социальной истории и в самом деле состоит в постепенном все большем замещении родственных институтов территориальными» (Bondarenko, 2015:15).

¹⁶ Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 83.

С учетом дискредитации понимания территориальности, как отсутствия кровнородственных связей в сообществе, остается лишь констатировать, что в современной юридической науке отсутствует понимание территориальности, которое способно описать взаимосвязь сообщества с физической территорией. В этой связи обратимся к инструментарию других социальных наук.

Территориальность как черта сообщества

Социальная реальность всегда имеет привязку к физическому пространству, поскольку ее основные акторы – люди – находятся одновременно в обеих реальностях. Учет фактора места нахождения в физическом пространстве осуществляется посредством определения конкретной точки на поверхности Земли или условно-ограниченной части земной поверхности, т.е. посредством указания физической территории.

Такая «привязка» социальных процессов и явлений к физическому пространству может быть разной. В ситуации, когда требуется одномоментное определение места нахождения социального актора, между социальной и физической реальностью не образуется какой-либо устойчивой взаимосвязи. Не возникает связь и в случаях, когда речь идет о кратковременном или непостоянном протекании социальных процессов в конкретной части физического пространства. Но если актор постоянно (преимущественно) осуществляет свои действия в определенной части земной поверхности можно говорить об устойчивой связи между социальным явлением (процессом) и физической реальностью – территориальности социального явления или процесса.

Территориальность представляет собой важную черту социальных отношений и учитывается практически всеми социальными науками. В социологии традиционно общество мыслилось как «вписанное» в некие территориальные рамки — природные, государственные и др., — имеющее собственные границы (Musiyezdov, 2013:22). Во многих науках особенности распределения социальных процессов и явлений в физическом пространстве выступают основой отдельного научного направления: региональная (пространственная) экономика, система расселения населения в демографии и др.

Для социума «привязка» акторов-индивидов к физическому пространству, в первую очередь, отражается в виде локализации сообществ – социальных общностей, которые, в свою очередь, способны выступать самостоятельными акторами.

Категория социальной общности далеко неоднозначно понимается в социальных науках. Возьмем за основу подход, выработанный в западной социологии второй половины XX в. Так, американский социолог Т. Парсонс определял общность как «объединение действующих лиц, обладающих определенным территориальным пространством как основой для осуществления большей части их повседневной деятельности» (Parsons, 1972:78). Другой американский социолог Л. Шiore характеризует социальную общность как «совокупность людей, которые имеют общее постоянное место жительства, зависят друг от друга в повседневной жизни и осуществляют иные виды деятельности для удовлетворения своих экономических и социальных потребностей» (Dobren'kov, 1994:165). Таким образом, общность места нахождения рассматривается как неотъемлемая характеристика сообщества.

Консервативной социологии вообще свойственно связывать общество с территорией¹⁷. Так, Э. Шилз в качестве одного из признаков, характеризующих

¹⁷ Одновременно в современной социологии есть множество концепций, не привязывающих общество к территории (Bauman, 1999).

социальное объединение как общество, называет «территорию, которую объединение считает своей собственной» (Shilz, 1972).

Собственно, наличие или отсутствие постоянной связи с определенной частью физического пространства является основой для дихотомичного деления всех социальных общностей. Применительно к сообществам, характеризующимся постоянной взаимосвязью с физической территорией, корректно использовать термин «территориальное сообщество» или «территориальная общность». Тогда как сообщества, не имеющие такой связи, следует относить к категории «иных – нетерриториальных».

Для территориального сообщества характерно постоянное нахождение на определенной физической территории, что в том числе является одним из объединяющих начал общности. В этой связи для него характерна общность интересов, связанных с обособлением (обеспечением безопасности) и благоустройством занимаемой территории (если брать бытовой уровень: передвижение на работу и обратно, посещение магазинов, культурных мероприятий и т.д.). Необходимость отстаивать эти интересы является фундаментом для самосознания территориальной общности (Musiyezdov, 2013:29).

Однако одного этого критерия мало. Любое сообщество строится на множественности точек соприкосновения индивидов, его составляющих. Сообществом, построенным исключительно на общности места проживания, являются жители. В этом случае объединяющим началом является именно физическая территория. И, как показывает практика, когда нет иных объединяющих начал (общности истории, ценностей, норм поведения, дружественных отношений, иных межличностных коммуникаций), такая общность не осознает себя и не проявляется как субъект. Это всего лишь совокупность индивидов, проживающих на одной территории (множество, а не единство). Отсюда проблемы с управлением многоквартирными домами, осуществлением местного самоуправления и пр.

Общие интересы могут быть причиной создания сообщества, но не все индивиды, имеющие общие интересы, образуют сообщество; и большинство сообществ включают индивидов с противоположными интересами (Kelsen, 2013:229–230).

Для того, чтобы некая общность индивидов могла выступать как сообщество, требуется множество самых разнородных объединяющих начал и чем их больше, тем оно устойчивей, полней самосознание и ярче самоидентификация.

С другой стороны, общность, имеющая самоидентификацию и множество объединяющих начал, но не имеющая локального нахождения в физическом пространстве, не может выступать субъектом общественных отношений. Ярким примером этому служит этнос. Если мы попытаемся охватить всех его представителей, они, за редким исключением, не будут иметь постоянного нахождения на определенной физической территории. Представители этноса могут быть рассредоточены по всей земной поверхности. Однако отдельные этнические группы могут иметь локальную концентрацию в пределах физической территории. И в отношении такой локализованной части этноса можно говорить о территориальном сообществе, основанном на этнической принадлежности. Зачастую именно такое сообщество и вступает в социальные отношения от имени всего этноса. Объединяющим началом для этого сообщества будут также биологические, языковые, культурные, религиозные и иные особенности, а территориальное единство – необходимым условием. То же можно сказать о религиозной общности, культурной и многих других.

При этом территориальность не заменяет и не подменяет собой другие объединяющие начала. Для самоидентифицирующихся общностей, основанных на религиозных, культурных, этнических и иных факторах, она выступает скорее дополнительным фактором – «катализатором», способным перевести ее в качественно иное состояние – высокоорганизованной (возможно, и суверенной) общности. Наиболее яркий пример такого развития – возникновение государства Израиля на основе этно-религиозной общности, долгое время не имевшей территориальной локализации. И, напротив, для общности, возникающей исключительно на основе локализации в физическом пространстве, территориальность лишь предпосылка формирования иных объединяющих начал.

Соотношение территориальности как основания общности с другими началами (национальными, культурными, религиозными и пр.) очень сложно и может быть оценено лишь применительно к конкретной социальной общности. Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы подчеркнуть, что постоянное (преимущественное) нахождение сообщества на определенной части физического пространства является самостоятельным началом для его обособления и самоидентификации, что и позволяет говорить о его территориальности.

Одновременно территориальность, как постоянное (преимущественное) нахождение в определенной части физического пространства, присуща не только сообществу как актору социальных отношений. Эта характеристика любого социального явления и процесса, который не может развиваться вне взаимосвязи с физическим пространством. И в этом смысле территориальность может быть уже критерием дифференциации социальных процессов. Именно это свойство, на наш взгляд, является основой создания территориальных единиц. По своей сути территориальное устройство есть организация, упорядочение (в каком-то смысле – ограничение) социальных процессов в физическом пространстве. Потому любой социальной науке свойственно конструирование пространственных единиц по тем или иным критериям (кластеры, ореолы, макрорегионы, округа и т.п.). Они используются для описания и изучения пространственных особенностей социальных явлений и процессов и, за редким исключением, не выходят за рамки теоретического осмысления. Но для юриспруденции территориальное устройство государства имеет особое (порой – центральное) значение, поскольку эти территориальные единицы становятся основой не только для осуществления публичной власти, но и для любых иных общественных отношений. В этом смысле единицы территориального устройства государства являются универсальным понятийно-категориальным аппаратом социальных наук.

Официальное деление территории государства на территориальные единицы может быть основано на разных критериях, но их следует делить на две группы. Первые – административные – особенности ландшафта, исторические традиции, экономические, климатические, экологические и иные особенности. Эти критерии носят условный характер, поскольку являются способом организации социальных процессов. Территориальные единицы, сформированные по такому принципу, легко менять, поскольку перенос границы означает лишь изменение подхода к территориальной организации общества. Но совершенно иная ситуация имеет место, когда критерием обособления территориальной единицы является постоянное проживание на определенной части физической территории высокоорганизованного сообщества. Речь идет о национальных территориальных единицах, местных общинах и т.п.

Любое изменение границы в этом случае требует, как минимум, согласования с населением. Во втором случае мы имеем дело с той же территориальностью, которая свойственна государству-сообществу, но реализуется она в несколько качественно ином состоянии.

Когда территориальное сообщество имеет высокий уровень самоорганизации и способно выступать как субъект-актор, оно не просто находится в определенной части физического пространства, но и стремится его освоить, в определенном смысле – присвоить, установить свое господство – доминирование на этой части физического пространства. Такую связь также называют территориальностью.

В этом смысле термин «территориальность» в социальных науках используется достаточно широко. Он появился в естественных науках и прежде всего связывался с инстинктивным поведением животных, стремящихся к захвату территории и ее последующей защите от представителей своего вида.

Это понимание существует до сих пор и отчасти переносится на человека. Социобиологи, основываясь, прежде всего, на этнографических материалах, утверждают, что «чувство территориальности» (ощущение определенной территории как своей и нежелание допускать на нее чужаков) – черта, присущая людям изначально, будучи унаследованной от дочеловеческих предков (Bondarenko, 2015:15). Р.Н. Верхошанская отмечает, что исторически первой формой «освоенного» человеком пространства было специально оборудованное жилище, предназначенное для выживания и психологически порождающее ощущение замкнутого пространства (Verkhoshanskaya, 2004:16).

С середины XX в. это понимание стало проникать в социальные науки и надеялось разным обоснованием: с биологической, психологической или социальной точек зрения. В настоящий момент оно используется, прежде всего, в политологии и понимается как свойство государства, заключающееся в стремлении контролировать ту или иную территорию. Контроль над территорией неразрывно связан с установлением ее границ, влекущим за собой дихотимизацию, дифференциацию пространства, предполагающую разделение на «наше и здесь» и «чужое и там». Эти процессы способствуют развитию территориальной идентичности, укреплению представлений индивидов о принадлежности их к той или иной территории и группе, проживающей на ней (Melkonov, Mladenovich & Nefedov, 2023:32–35). В этом смысле территориальность – не просто характеристика места нахождения сообществ и один из критериев формирования его как единства – это качественная характеристика такой взаимосвязи.

Территориальной общности, являющейся субъектом общественных отношений, свойственно стремление к обособлению занимаемой ею территории и установлению контроля над ней.

Однако для бытия общественных отношений важно не только то, к чему стремится или не стремится социальная общность, но и то, насколько ей удалось это реализовать. Чем выше степень сплоченности и организованности социальной общности, ее концентрация в пределах физической территории, многочисленности критерии общности, тем больше у нее шансов реализовать хотя бы в какой-то степени контроль над занимаемой ею территорией.

Действительное обособление части физического пространства, установление контроля над ним возможно только принудительными, а, значит, юридическими средствами. Поэтому реализовать такой контроль может далеко не любая (даже

высокоорганизованная) социальная общность, а лишь опирающаяся на монополию на принуждение. Иначе говоря, реализовать территориальность как полный контроль над физической территорией способно только государство либо институты, опирающиеся на его силу. С этих позиций территориальность имеет чисто юридический характер и требует изучения с использованием формально-догматического метода, что уже выходит за рамки пространственной теории и предмета настоящей статьи.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что для преодоления краеугольного противоречия пространственной теории необходимо в понимании государства заменить территорию на территориальность.

Территориальность государства может пониматься двояко:

1) *в широком смысле* – как постоянное пребывание государства-сообщества (народа, населения) на определенной ограниченной части поверхности Земли – физической территории государства. В этом смысле территориальность может быть использована для отграничения государства от нетерриториальных сообществ – этнос, семья и т.п., а также в качестве основания выделения территориальных единиц;

2) *в узком смысле* – как обособление государством части физического пространства и установление контроля над ним. В этом смысле территориальность государства представляет собой особую юридическую связь между субъектом – государством-сообществом и объектом – физической территорией.

В определенном смысле это возврат к объектной теории понимания территории. При таком рассмотрении физическая территория не становится частью социального процесса или социальной общности, а является объектом взаимосвязи. Но такова особенность социального бытия государства и игнорировать ее недопустимо.

Вместе с тем выявленное понимание территориальности государства не в полной мере соответствует нуждам современной юриспруденции. Необходимо объяснить юридическую природу и выявить элементы, составляющие эту взаимосвязь. В рамках объектной теории она понималась как отношения частной собственности, в рамках теории международной собственности – как отношения публичной собственности, но оба этих объяснения не годятся для современного государства. В настоящий момент требуется уже не устранение внутренних противоречий в пространственной теории территории, а ее полный пересмотр с использованием методологии юридического исследования. Иначе говоря, необходимо юридическое понимание территории государства.

References / Список литературы

- Bauman, Z. (1999) Postmodern sociological theory. In: Makeev, S.A. (ed.) *Human and Society*. Kiev, Institute of Sociology of the NAS of Ukraine Publ. (In Russian).
Бауман З. Социологическая теория постмодерна // Человек и общество : хрестоматия / под ред. С.А. Макеева. Киев : Ин-т социологии НАН Украины, 1999. 303 с.
- Bondarenko, D.M. (2015) State: The Nature of the Phenomenon. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. (238), 13–25. (In Russian). EDN: VLEMQF.
Бондаренко Д.М. Государство: сущность феномена // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 238. С. 13–25. EDN: VLEMQF.

- Dobren'kov, V.I. (ed.) (1994) *American Sociological Thought*. Moscow, Moscow State University Publ. (In Russian).
Американская социологическая мысль : тексты / ред. В.И. Добренъков. М. : Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
- Dyugi, L. (1908) *Constitutional law. The general theory of the state*. Moscow, Printing House of the Partnership I.D. Sytin. (In Russian).
Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 957 с.
- Ehngels, F. (1989) *The Origin of the Family, Private Property, and the State: In Connection with the Research of Lewis G. Morgan*. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian).
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства : В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М. : Политиздат, 1989. 222 с.
- Ellinek, G. (2004) *The General Doctrine of the State*. Saint Petersburg, Legal Center Publ. (In Russian). EDN: RYRVYL.
Эллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юрид. центр, 2004. 752 с. EDN: RYRVYL.
- Ivanov, V.V. (2002) New Approaches to the Theory of Territorial Structure and the Federal. System of Russia. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*. (3 (242)), 63–85. (In Russian). EDN: TLGADZ.
Иванов В.В. Новые подходы к теории территориального устройства и федеративная система России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 3 (242). С. 63–85. EDN: TLGADZ.
- Ivanov, R.L. (2016) Territory and Territorial Principle of Organization as Signs of the State. *Herald of Omsk University. Series Law*. (1 (46)), 6–11. (In Russian). EDN: VNTQTB.
Иванов Р.Л. Территория и территориальный принцип организации как признаки государства // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 1 (46). С. 6–11. EDN: VNTQTB.
- Kelsen, H. (2013) Law, State and Justice in the Pure Theory of Law. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*. (2 (307)), 226–240 (In Russian). EDN: QBKCIR.
Кельзен Г. Право, государство и справедливость в чистом учении о праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 226–240. EDN: QBKCIR.
- Klimenko, B.M. (1974) *State territory: Issues of theory and practice of international law*. Moscow, International Relations Publ. (In Russian).
Клименко Б.М. Государственная территория : вопросы теории и практики междунар. права. М. : Междунар. отношения, 1974. 168 с.
- Leksin, I.V. (2023) Territory as a Public Law Category: Concept and Logical Relationship with the State. *Academic Law Journal*. 24 (4 (94)), 457–470. (In Russian). <https://www.doi.org/10.17150/1819-0928.2023> EDN: SMLGSV.
Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4 (94). С. 457–470. <https://www.doi.org/10.17150/1819-0928.2023> EDN: SMLGSV.
- Leksin, I.V. (2024) The State and (or) evolution: Problems of legal reasoning about the concepts, origin and development of states (part one). *Bulletin of the Moscow University. Episode 21: Governance (State and Society)*. 21 (4), 206–227. (In Russian). <https://www.doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-206-227> EDN: SMMYRW.
Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть первая) // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 4. С. 206–227. <https://www.doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-206-227> EDN: SMMYRW.
- Lenin, V.I. (1962) *The Complete Works*. (5th ed.) Vol. 33. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russian).

- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33: Государство и революция. М. : Госполитиздат, 1962. 433 с.
- Mamut, L.S. (2000) The State as a publicly organized people. *Russian Law Journal*. (3), 88–100. (In Russian).
Мамут Л.С. Государство как публичновластным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 88–100.
- Melkonov, G.S., Mladenovich, M. & Nefedov, S.A. (2023) The Concept of “Territoriality” in the Study of Ensuring State Security Problems. *KANT: Social Sciences & Humanities*. (2 (14)), 32–37. (In Russian). <https://www.doi.org/10.24923/2305-8757.2023-14.6> EDN: NUZZUO.
Мелконов Г.С., Младенович М., Неведов С.А. Концепт «территориальность» в исследовании проблем обеспечения государственной безопасности // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 2 (14). С. 32–37. <https://www.doi.org/10.24923/2305-8757.2023-14.6> EDN: NUZZUO.
- Musiyezdov, A.A. (2013) The Territoriality of Modern Society. *Sociological Journals*. (4), 21–34. (In Russian). EDN: RTKFKX.
Мусиездов А.А. Территориальность современного общества // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 21–34. EDN: RTKFKX.
- Nifanov, A.N. (2020) *The Territory of the Russian Federation: Constitutional and legal theory*. Doctor of Legal Sciences dissertation. Belgorod, Belgorod State National Research University. (In Russian).
Нифанов А.Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. Белгород : Белгородский гос. нац. исслед. ун-т, 2020. 454 с.
- Osherov, S. Ya. (1948) *A Union Republic in a socialist Federation*. Moscow, Legal Publishing House.
Ошеров С.Я. Союзная республика в социалистической федерации. М. : Юрид. изд-во, 1948. 216 с.
- Parsons, T. (1972) *American Sociology: Perspectives. Problems. Methods*. Moscow, Progress Publ. (In Russian).
Парсонс Т. Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М. : Прогресс, 1972. 356 с.
- Praskova, S.V. (2024a) On the Issue of Understanding the Territory as a Physical Space in the Social Sciences. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. (4 (57)), 187–193. (In Russian). EDN: HNBQFL.
Праскова С.В. К вопросу о понимании в социальных науках территории как физического пространства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 187–193. EDN: HNBQFL.
- Praskova, S.V. (2024b) To the question of the validity of theories of territory. *Constitutional and Municipal Law*. (2), 51–60. (In Russian). <https://www.doi.org/10.18572/1812-3767-2024-2-51-60> EDN: ZIHFKА.
Праскова С.В. К вопросу о состоятельности теорий территории // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 2. С. 51–60. <https://www.doi.org/10.18572/1812-3767-2024-2-51-60> EDN: ZIHFKА.
- Shevtsov, V.S. (1972) *The Sovereignty of the Soviet State*. Moscow, Legal Literature Publ. (In Russian).
Шевцов В.С. Суверенитет Советского государства. Москва : Юрид. лит., 1972. 264 с.
- Shilz, Eh. (1972) Society and societies: The macrosociological approach. In: Osipov G.V. (ed.) *American Sociology: Perspectives, Problems, Methods*. Moscow, Progress Publ., pp. 341–359. (In Russian).
Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / под общ. ред. Г.В. Осипова. М. : Прогресс, 1972. 392 с.

- Trubetskoi, E.N. (1917) *Lectures on the Encyclopedia of Law*. Moscow, Mamontov, A.I. Printing Company. (In Russian).
Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М. : т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. 228 с.
- Ushakov, N.A. (1996) *International Law: Basic Terms and Concepts*. Moscow, IGPAN Publ. (In Russian).
Ушаков Н.А. Международное право: основные термины и понятия : учеб. пособие. М. : Изд-во ИГПАН, 1996. 46 с.
- Verkhoshanskaya, R.N. (2004) *Social Time-Space: A Philosophical and Methodological Analysis*. Candidate of Philosophical Sciences dissertation. Kazan, Kazan State University. (In Russian).
Верхошанская Р.Н. Социальное время-пространство : Философско-методологический анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. 155 с.
- Vitruk, N.V. (2012) *The Best Works*. Vol. 1. Moscow, Russian Academy of Justice Publ. (In Russian).
Витрук Н.В. Избранное. М. : Российская академия правосудия, 2012. Т. 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963-1990. 644 с.
- Zhukov, V.N. (2023) The Concept of the State: A Return to the Classics. *State and Law*. (5), 9–23. (In Russian). <https://www.doi.org/10.31857/S102694520025651-7> EDN: XPMEAL
Жуков В.Н. Понятие государства: возвращение к классике // Государство и право. 2023. № 5. С. 9–23. <https://www.doi.org/10.31857/S102694520025651-7> EDN: XPMEAL.

Сведения об авторе:

Праскова Светлана Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник института правовых исследований, Байкальский государственный университет; 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11

ORCID: 0000-0003-4518-3659; SPIN-код: 5498-3194; Researcher ID: AAC-8601-2020
e-mail: savap@mail.ru

About the author:

Svetlana V. Praskova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Legal Studies, Baikal State University; 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003

ORCID: 0000-0003-4518-3659; SPIN-code: 5498-3194; Researcher ID: AAC-8601-2020
e-mail: savap@mail.ru

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-70-89>
EDN: QYRWDJ

Научная статья / Research Article

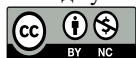
Антикриминальный потенциал машинного обучения: предиктивная аналитика предупреждения цифрового вовлечения в террористическую деятельность

М.М. Маджумаев , О.А. Кузнецова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
 murad.mad@outlook.com

Аннотация. Развивающиеся цифровые технологии, а также характерные для нового поколения Интернета, Web3, псевдонимность и децентрализованные системы именования, наряду с анонимностью, общедоступностью и трансграничным характером информационных потоков, эксплуатируются террористическими группировками для вербовки новых членов и исполнителей отдельных общественно опасных деяний. Традиционные реактивные меры по противодействию терроризму оказываются недостаточными в условиях быстрого распространения незаконного контента, которые оставляют заметные цифровые следы. В этой связи важно изучить возможности передовых вычислительных методологий, в частности антикриминального потенциала искусственного интеллекта в предотвращении преступлений террористической направленности. Исследование направлено на изучение и продвижение потенциала машинного обучения и предиктивной аналитики как надежного механизма выявления и предотвращения участия в террористической деятельности путем определения индикаторов и цифровых следов, которые способствуют стратегическому переходу к проактивным парадигмам безопасности. В работе представлена мультимодальная аналитическая структура, сочетающая в себе обработку естественного языка, компьютерное зрение, аудиоанализ и анализ социальных сетей, с подробным описанием процесса машинного обучения от предварительной обработки данных до внедрения модели. В качестве практического применения рассматривается система «RED-Alert», а также предлагается новый модуль «Пороговое адаптивное вмешательство» (ПОРА), который использует графовые нейронные сети и анализ временных рядов для оценки цифровых рисков. Системы машинного обучения демонстрируют значительную эффективность в выявлении угроз и создании базы цифровых доказательств. Это требует переоценки ответственности провайдеров интернет-услуг, особенно в части коллективного цифрового бездействия. Предлагается дифференцированный подход к установлению

© Маджумаев М.М., Кузнецова О.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ответственности, который учитывает техническое влияние провайдеров интернет-услуг. При этом описываемые индикаторы риска, определенные с помощью искусственного интеллекта, остаются вспомогательными инструментами в установлении вины субъекта. Машинное обучение и предиктивная аналитика способны преобразовать деятельность по предупреждению терроризма.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронная сеть (нейросеть), цифровые следы, Пороговое адаптивное вмешательство (ПОРА), ответственность провайдеров интернет-услуг, система «RED-Alert», предупреждение преступлений

Вклад авторов: *Маджумаев М.М.* – разработка концепции исследования, подбор и анализ материалов, написание введения, текста статьи и заключения; *Кузнецова О.А.* – обзор исследований по теме научной статьи, написание введения и работа с научными выводами статьи. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01478, <https://rscf.ru/project/25-28-01478/>

Поступила в редакцию: 22 июля 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Маджумаев М.М., Кузнецова О.А. Антикриминальный потенциал машинного обучения: предиктивная аналитика предупреждения цифрового вовлечения в террористическую деятельность // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 1. С. 70–89. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-70-89> EDN: QYRWDJ

Anti-Crime Potential of Machine Learning: Predictive Analytics for Preventing Digital Terrorism Activities

Murad M. Madzhumayev , Olga A. Kuznetsova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 murad.mad@outlook.com

Abstract. Advances in digital technology – particularly Web3’s pseudonymity and decentralized naming systems, combined with information flows’ anonymity, accessibility, and cross-border nature – enable terrorist organizations to recruit members and perpetrate discrete socially dangerous acts. Conventional reactive counterterrorism measures prove inadequate against rapid illicit content dissemination that leaves detectable digital traces. This study explores artificial intelligence’s (AI) counter-criminal potential on machine learning and predictive analytics for proactively identifying and preventing terrorist activity through behavioral indicators and digital footprints that facilitate a strategic shift to proactive security paradigms. The research develops a multimodal analytical framework integrating natural language processing, computer vision, audio analysis, and social network analysis, detailing the complete machine learning pipeline from data preprocessing to model deployment. It examines the “RED-Alert” system as practical implementation and proposes a novel “Threshold Adaptive Intervention” (PORA) module utilizing graph neural networks and time-series analysis for digital risk assessment. Machine learning excels at threat detection and digital evidence generating, necessitating reevaluation of internet service providers’ (ISP) liability – particularly collective digital inaction. A differentiated liability framework accounts for providers’ technical influence while treating AI-derived risk indicators as ancillary tools for establishing individual culpability. Machine learning and predictive analytics enable a strategic shift to proactive counterterrorism.

Key words: artificial intelligence, neural network, digital traces, Threshold Adaptive Intervention (PORA), ISP liability, RED-Alert system, crime prevention

Authors' contribution: *Madzhumayev M.M.* – research concept development, material selection and analysis, drafting introduction, main body, and conclusion; *Kuznetsova O.A.* – literature review, introduction drafting, scientific conclusions editing. Both authors reviewed and approved the final version of the manuscript.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation (RSF) under grant No. 25-28-01478 <https://rscf.ru/project/25-28-01478/>

Received: 22th July 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Madzhumayev, M.M., Kuznetsova, O.A. (2026) Anti-Crime Potential of Machine Learning: Predictive Analytics for Preventing Digital Terrorism Activities. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 70–89. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-70-89> EDN: QYRWDJ

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий, сети Интернет и особенно его нового поколения Web3, построенного на основе технологии блокчейн, предполагающей децентрализацию, существенно расширило арсенал высокотехнологичных средств для совершения преступлений террористической направленности. Киберсреда обладает определенными характеристиками, придающими ей «привлекательность» для лиц, вовлеченных в террористическую деятельность. Прежде всего, анонимность, общедоступность и трансграничность обеспечивают «эффективное» распространение насильственной идеологии, вербовку сторонников и координацию действий (со)участников.

Деструктивная информация мгновенно распространяется в социальных сетях, специализированных сайтах и форумах, практически минуя мануальный контроль модераторов. Полный контроль такого информационного трафика вручную требует принятия специальных мер и привлечения дополнительных финансовых средств. К тому же существующие механизмы контроля становятся все сложнее, а правоохранительным органам все труднее контролировать и обеспечивать ограничение доступа к онлайн-контенту из-за присущей Web3 псевдонимности и децентрализованных систем именования.

В настоящем исследовании категории машинного обучения и предиктивной аналитики рассматриваются в контексте их потенциала для предупреждения террористической деятельности, определение которой установлено пунктом 2 статьи 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹. Предлагаемые меры и алгоритмы направлены на выявление и предупреждение конкретных форм осуществления террористической деятельности в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет. К данным формам, составляющим предмет настоящего анализа, относятся: организация, планирование, подготовка, финансирование и осуществление террористического акта, а также действия, связанные с организационной поддержкой и формированием преступных структур, такие как организация незаконного вооруженного формирования, преступного

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 11 ст. 1146.

сообщества (преступной организации) или организованной группы для реализации террористического акта, равно как и участие в такой структуре. Особое внимание уделяется выявлению информационных и коммуникативных составляющих террористической деятельности, включая подстрекательство к террористическому акту, вербовку, вооружение, обучение и использование террористов, информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта, а также пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления таковой.

Основываясь на устоявшихся правовых определениях, под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности применительно к статье 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)² понимаются изложенные в любой форме (устно, письменно, с использованием технических средств) обращения к третьим лицам в целях побуждения их к осуществлению деятельности террористического характера, а именно к совершению преступлений, установленных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ³. Под публичным оправданием терроризма следует понимать публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, заслуживающими поддержки и подражания (примечание 1 к ст. 205.2. УК РФ). Соответственно, под пропагандой терроризма понимается систематическое распространение материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убеждение в ее привлекательности или формирование представления о допустимости участия в террористической деятельности (примечание 2 к ст. 205.2 УК РФ).

Современная цифровая экосистема, которой присущи огромные масштабы, скорость и внутренняя сложность, порождает необходимость внедрения и применения передовых аналитических технологий для распознавания латентных закономерностей, сигнализирующих о противоправной деятельности. Предиктивная аналитика, как один из таких приемов, ориентированный на оценку данных и в том числе способный взаимодействовать с искусственным интеллектом, представляет собой методологическую основу, которая оперирует статистическими алгоритмами, моделями машинного обучения и методами добычи данных (data mining) (Strielkowski et al., 2023). Она позволяет анализировать текущие и исторические данные для прогнозирования будущих событий или определения вероятностных исходов (Strielkowski et al., 2023). В отличие от описательной или диагностической аналитики, которые направлены на изучение того, что произошло и почему это произошло, предиктивная аналитика является прежде всего прогностической, нацеленной на предвидение будущих событий или моделей поведения на основе предполагаемых взаимосвязей в данных.

Выявляя ранние индикаторы, аномальные цифровые следы и развивающиеся сетевые структуры, связанные с планированием или осуществлением террористической деятельности до того, как она полностью осуществится, предиктивная аналитика становится тем самым уникальным и необходимым инструментом для

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 3 ноября 2016 г. № 41) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/own/8266/> (дата обращения: 02.01.2025).

упреждающего обнаружения угроз, их пресечения и стратегического распределения ресурсов. Это особенно важно для преодоления проблем, связанных с эфемерным и часто замаскированным характером цифровых коммуникаций, поддерживаемых террористическими элементами (формированиями), посредством внедрения методологии, основанной на данных, для навигации и интерпретации сложных информационных массивов большого масштаба.

Формы цифрового вовлечения лиц в террористическую деятельность

Вовлечение в террористическую деятельность в сети Интернет может принимать самые разные формы, перечень которых не является исчерпывающим и включает следующие:

- создание и размещение на тематических хостингах аудио-, фото- и видеоматериалов, со сценами насилия, призывами к террористической деятельности или оправданием террористических актов;

- ведение блогов и подкастов пропагандистского содержания, которые «популяризируют» идеологию насилия и склоняют к совершению преступлений террористической направленности;

- разработка приложений и игр, имплицитно или эксплицитно пропагандирующих терроризм, предназначенных для вовлечения молодежи;

- регулярное создание и распространение мемов, графических иллюстраций и других средств визуального контента с целью «нормализации» радикальных и насильственных идей среди целевой аудитории;

- эксплуатация соцсетей и мессенджеров для массового или целевого распространения пропагандистских материалов или прямой связи с потенциальными сторонниками;

- составление и распространение инструкций по изготовлению оружия, включая 3D-модели (в будущем и 5D-модели), САД-файлы для печати на 3D- и 5D-принтерах (в будущем) или взрывчатых веществ;

- проведение интерактивных виртуальных собраний, тренингов для вербовки и обучения участников (в том числе в метавселенной);

- организация краудфандинга, в том числе через анонимные платежные платформы, а также вовлечение криптоактивов для финансирования террористической деятельности;

- манипулирование алгоритмами поисковых систем и социальных платформ для распространения идеологически «заряженного» контента, включая хэштег-кампании и скоординированные действия ботов; и другие.

Террористическая деятельность в цифровом пространстве (любое вовлечение в нее) с использованием информационных и коммуникационных технологий представляет собой осуществляемую целенаправленную деятельность, адресованную на распространение идеологии насилия и использование практик воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами государственной власти субъектов, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. В основном эта деятельность осуществляется на стадии приготовления (создания условий) к преступлению, оставляя цифровые следы, обнаружение которых может служить важным индикатором для выявления и пресечения готовящихся преступлений террористической направленности.

Антикриминальный потенциал искусственного интеллекта: предиктивная аналитика на основе машинного обучения

Гетерогенный характер цифрового взаимодействия между пользователями требует мультимодального аналитического подхода. Распространение материалов и (или) информации, наполненных различными оттенками идеологического содержания и часто сопровождающихся «закодированными» формулировками, эвфемизмами и культурно-специфическими языковыми нюансами, обуславливает необходимость использования современных инструментов обработки естественного языка (NLP). Для выявления потенциально опасных сообщений (сигналов) и направлений их распространения необходимо использовать алгоритмы семантического анализа, определения настроений, тематического моделирования и извлечения контекстной информации.

Учитывая все более широкое распространение аудио- и визуальных средств передачи сообщений террористическими элементами, технологии машинного обучения, компьютерного зрения и аудиоанализа могут быть использованы для распознавания объектов, идентификации лиц, анализа сцен и обнаружения характерных акустических сигналов (Rodríguez, 2025), указывающих на насилие или радикализацию (призывы (ключевые слова), выстрелы, взрывы и т.д.).

Технологии искусственного интеллекта, в частности предиктивная аналитика на основе машинного обучения, позволяют автоматизировать процесс анализа данных, выявлять закономерности и признаки (Taheri & Salimi Beni, 2025; Strielkowski et al., 2023) потенциальной террористической угрозы, а также прогнозировать вероятные сценарии преступной деятельности, основываясь на обработке больших массивов данных, содержащих текстовые, визуальные, аудио и другие цифровые элементы. Как следствие, все это позволит сформировать материалы, которые помогут изобличить виновных и собрать необходимые доказательства.

Искусственный интеллект представляет собой совокупность систематизированных структур, включающих вычислительные модели, алгоритмы, имитирующие человеческие способности, предназначенные для автономного решения задач без необходимости практического участия самого человека (Avanesyan, 2024; Filipova, 2024). Системы искусственного интеллекта по сути представляют собой процесс, который функционирует посредством процедурного сбора, классификации, синтеза и анализа данных и выдает результаты, аналогичные или превосходящие человеческие способности.

В существующих определениях искусственного интеллекта эти способности во многих случаях принято считать когнитивными функциями человека. Например, в п.п. «а» п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года⁴, в п. «2» ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ⁵,

⁴ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201910110003> (дата обращения: 09.01.2025).

⁵ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 апреля 2020 г. № 17 ст. 2701.

в п. п. 3.18 ГОСТ Р 59277-2020⁶, п. 3.15 ГОСТ Р 70950-2023⁷ и др. Однако на сегодняшний день уже можно утверждать, что помимо когнитивных функций человека, искусственный интеллект способен имитировать широкий спектр человеческих способностей, включая сенсорные, эмоциональные, моторные и физические (в сочетании с робототехникой), а также метакогнитивные способности.

Когнитивные способности человека, т.е. совокупность мозговых процессов, участвующих в познании окружающего мира, по классификации профессора М.В. Фаликмана, могут включать в себя такие способности, как восприятие, внимание, память, мышление, речь и воображение (Aisner & Naumov, 2021; Falikman, 2014). Системам искусственного интеллекта присущи (либо по крайней мере они способны имитировать), как минимум, такие способности, как обучаемость, память, мышление (логика), решение задач, планирование, прогнозирование, внимание и с некоторой долей условности креативность (Farina et al., 2024).

Согласно структуре сенсорной системы, предложенной профессором И.П. Павловым, она состоит из зрительной, слуховой и кожно-кинестетической сенсорных систем (Lomtatidze & Alekseeva, 2022). Это набор нервных путей и центров, отвечающих за прием, кодирование, передачу и обработку информации (декодирование) (Lomtatidze & Alekseeva, 2022). Системы искусственного интеллекта могут воспроизводить (имитировать) сенсорные способности, присущие человеку, такие как зрение, слух (Zhou, Men & Tsai, 2023) и осязание.

В частности, компьютерное зрение, направление в искусственном интеллекте (ИИ), которое позволяет компьютерам и системам интерпретировать и анализировать визуальные данные и извлекать значимую информацию из цифровых изображений, видео и других визуальных данных (Ponkin et al., 2024). Среди наиболее распространенных применений можно назвать следующие: обнаружение и распознавание объектов, обработка, понимание и анализ визуального контента (изображений, видео, документов), поиск товаров, классификация и поиск изображений, а также модерация контента. Компьютерное зрение активно применяется, например, в медицине, где алгоритмы компьютерного зрения способствуют анализу рентгеновских, магнитно-резонансных, компьютерных томографических изображений (Mishchenko, Misnik & Aleksandrov, 2024), в распознавании визуальных образов и распознавании лиц (Huang et al., 2023).

Способность слуха используется в распознавании речи, например, в виртуальных голосовых помощниках Алиса от Яндекса, Google Ассистент, Siri Apple (Apple Intelligence); в медицине, например, цифровые стетоскопы способствуют выявлению аномалий и анализу шумов сердца по акустическим данным (Arjoune et al., 2023); в криминалистике и судебной экспертизе различные программы используются для выявления дипфейк аудиоконтента (Aneja et al., 2024) и видеоконтента.

⁶ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 г. № 1372-ст) // Стандартинформ, Москва, 2021 г.

⁷ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 70950-2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре. Общие положения и методика испытаний» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 октября 2023 г. № 1178-ст) // Российский институт стандартизации, Москва, 2023 г.

В качестве примеров тактильных (осязательных) возможностей систем искусственного интеллекта могут служить операции разнообразных роботов (как бытовых, так и промышленных), устройства виртуальной реальности с тактильной обратной связью (Zhang et al., 2022), а также применяющиеся в медицине при проведении хирургических вмешательств средства (Minopoulos et al., 2023).

При выполнении конкретной задачи они могут проявлять, хотя и ограниченно, эмоциональные (конечно, не на уровне человека) способности (Vilenskaya, 2020), такие как: распознавание эмоций, моделирование эмоций и эмпатия (хоть и условно).

При сочетании с робототехникой искусственному интеллекту также присущи моторные и физические способности (Germanov, 2016) к передвижению, координации. Такая их функция даже указана в определениях понятия «робот» в ISO/TS 15066:2016 и ГОСТ Р 60.1.2.3-2021.

К числу их свойств также можно отнести метакогнитивные способности (Voynushina, 2021) в виде самоанализа (анализировать и, при необходимости, корректировать свои действия) и предоставления объяснений своим решениям (действиям или выводам).

Одним из главных достоинств систем искусственного интеллекта является их способность к самостоятельному обучению (Helm et al., 2020; Bini, 2018), обеспечивающая приспособление системы к новым условиям и оптимизацию ее производительности как при непосредственном вмешательстве человека, так и без него. Именно на этом свойстве основана одна из подтехнологий искусственного интеллекта – машинное обучение. Ее предназначение сводится к созданию вычислительных программ или самообучающихся систем, которые обладают потенциалом наращивать свою функциональность из аккумулированного «опыта» (Gopal, 2019). При этом нарабатывается такой «опыт» по мере анализа данных, производимого специализированными алгоритмами (Azevedo, Rocha & Pereira, 2024). Эти алгоритмы в машинном обучении служат определению паттернов в массивах данных, путем применения частнонаучных методов в естественных науках: математике, статистике (Azevedo, Rocha & Pereira, 2024) и т.д.

К основным возможностям машинного обучения профессор Мадан Гопал справедливо относит регрессионный анализ (числовое прогнозирование), классификацию (распознавание образов), кластеризацию, оптимизацию и управление (Gopal, 2019).

В процессе машинного обучения при предиктивной аналитике система обычно последовательно проходит через следующие три основных этапа: предварительная (первичная) обработка данных (data pre-processing), обучение модели (model building) и развертывание с получением результатов (model serving) (El Mestari, Lenzini & Demirci, 2024; Pattayam, 2019).

На стадии первичной обработки очищаются и преобразовываются исходные данные с целью доведения их до состояния, пригодного к дальнейшему использованию (El Mestari, Lenzini, & Demirci 2024; Pattayam, 2019). При этом в зависимости от массива данных и решаемой задачи определяются конкретные подзадачи. На втором этапе происходит обучение модели, в ходе которого система учится на основе данных строить модель (гипотезу) (El Mestari, Lenzini & Demirci, 2024; Pattayam, 2019).

Обучение как таковое в рассматриваемой подтехнологии искусственного интеллекта (в машинном обучении) происходит в трех формах: контролируемое (наблюдаемое) обучение (supervised learning), неконтролируемое (ненаблюдаемое)

обучение (unsupervised learning) и обучение с подкреплением (reinforcement learning) (Azevedo, Rocha & Pereira, 2024; Barbierato & Gatti, 2024).

Как правило, в первой форме обучения система обрабатывает данные, содержащие правильный ответ на каждое задание, и проецирует их на новые задачи, которые она выполняет (Kayıkcı & Khoshgoftaar, 2024). А во втором случае система учится, работая с данными, в которых заранее не известен верный вариант ответа, и пытается самостоятельно разобраться в их структуре (Kayıkcı & Khoshgoftaar, 2024). Что касается последнего типа обучения, то здесь система, взаимодействуя с окружающей средой (виртуальным пространством) по принципу проб и ошибок, пытается получить своеобразное «вознаграждение» в виде набранных очков, где ими выступают правильные стратегии (решения) (Kayıkcı & Khoshgoftaar, 2024).

Главной целью машинного обучения во всех этих типах обучения считается формулирование гипотезы (предположения) или модели, с помощью которых можно обобщить знания по учебным данным и распространить их на новые неизвестные выборки данных (Azevedo, Rocha & Pereira, 2024). При этом, несомненно, как и отмечает профессор М. Гопал, оптимальная модель (либо гипотеза) должна обладать простотой и низким коэффициентом эмпирических ошибок в данных (Azevedo, Rocha & Pereira, 2024; Gopal, 2019). В зависимости от размера набора данных происходит выбор методов оценки. Обычно при работе с достаточно большими массивами данных принято разделять их на три независимых подмножества: обучающее множество (для разработки исходной модели), валидационное множество (для оптимизации модели и улучшения ее обобщающей способности) и тестовое множество (для расчета уровня ошибок итоговой модели) (Azevedo, Rocha & Pereira, 2024; Gopal, 2019). Перечисленные подмножества формируются автономно друг от друга, тем самым подтверждается особая важность использования достаточно большого набора данных.

В завершение, на стадии развертывания и вывода, обученная модель доводится до рабочего состояния и становится доступной пользователям или системам в виде готового продукта (сервиса) для ввода новых данных и получения прогнозов и выводов (El Mestari, Lenzini & Demirci, 2024).

Вышеизложенное дает основание предположить, что машинное обучение обладает весьма серьезными возможностями для проактивного выявления и предупреждения террористической деятельности посредством высокотехнологичного анализа данных (Westbrook & Maguire, 2024) и прогностического моделирования. Системы машинного обучения, использующие такие методики, как распознавание образов, классификация, кластеризация и оптимизация, способны обрабатывать обширные массивы данных для выявления поведенческих аномалий, которые могут сигнализировать о грядущих рисках. Такой структурированный подход к предварительной обработке данных, обучению моделей и их развертыванию для получения выводов в режиме реального времени позволит своевременно обнаружить потенциальные факторы риска и облегчит реализацию превентивных мер.

Раннее обнаружение и предупреждение террористического контента

1 июня 2017 г. в ряде стран ЕС начала реализовываться «Система раннего обнаружения и предупреждения террористического контента» («RED-Alert»⁸),

⁸ Real-time Early Detection and Alert System for Online Terrorist Content based on Natural Language Processing, Social Network Analysis, Artificial Intelligence and Complex Event Processing. Available at: <https://cordis.europa.eu/project/id/740688> [Accessed 2nd January 2025].

включающая обработку естественного языка в режиме реального времени, анализ социальных связей и комплексную обработку событий. Разработчики при создании системы, способной обрабатывать огромные объемы данных, используя преимущественно метод пакетной нормализации (batch метод) (Yuan et al., 2019) и метод потоковой обработки (stream метод) (Marcu & Bouvry, 2024) для обработки данных в режиме реального времени, использовали такие возможности машинного обучения, как: обработка естественного языка, комплексная обработка событий, семантический анализ мультимедиа (распознавание речи, лиц, объектов, звуковых сигналов) и анализ социальных связей (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022).

Модуль обработки естественного языка задействован в выполнении ряда базовых функций по анализу, интерпретации и систематизации смысловых значений текстов на разных языках. Сначала происходит определение языка и стиля речи, в ходе которого система идентифицирует язык, диалект или группу смешанных языков (в том числе макаронизмы) (Naqvi et al., 2019), (Florea et al., 2022), таких как спанглиш, рунглиш, франгле, и переводит слова в их исходную форму. Затем выполняется контекстуальное разграничение, где для выявления и уточнения смысла используются фрагментация, маркировка частей речи и статистические модели, обученные на наборах данных по конкретной тематике (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022). Наконец, модуль обработки естественного языка осуществляет онтологическое сопоставление, связывая слова и фразы с уникальными, не зависящими от языка понятиями в конкретной предметной области, таким образом расшифровывая скрытые подтекстовые смыслы сообщения (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022). В соответствии со спецификой такого комплексного процесса точное толкование смысла текста обеспечивается за счет преодоления различных культурных и контекстуальных барьеров (нюансов).

Следующий модуль – комплексной обработки событий – предназначен для постобработки данных, которые уже были предварительно обработаны другими модулями, такими как обработка естественного языка, анализ социальных сетей и др. Он позволяет принимать различные RAW-файлы (это формат файла, в котором сохраняются данные с матрицы камеры или смартфона при съемке, то есть формат файла цифрового изображения с необработанными данными) и динамические данные, однако в нем отсутствует механизм модификации файла для учета актуальных разведывательных данных (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022). Учитывая ограничения секретности, правоохранительные органы не могут делиться разведывательными данными в процессе их разработки, в связи с чем в работе данного модуля приходится использовать симулированные входные данные и(или) типовые конфигурации.

Модуль комплексной обработки событий работает на основе алгоритмов сопоставления образцов для выявления тенденций, причинно-следственных связей и динамики данных. На основе полученных данных создаются структурированные оповещения в формате JSON (легковесный, человекочитаемый текстовый формат для обмена данными между сервером и веб-приложениями, основанный на парах «ключ-значение» и списках (массивах), что делает его простым для парсинга машинами и понятным для людей, являясь современным стандартом для API и передачи данных) для использования в аналитике и интеграции со сторонними правоохранительными системами (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022). В распределенной системе, предназначенной для обработки потоков данных в реальном времени, осуществляется

управление вводом данных для обеспечения непрерывного стриминга данных в режиме реального времени и поддержки параллельных приложений этого модуля. Последние, в свою очередь, позволяют сравнивать различные типы распределений данных, шаблоны или промежуточные результаты для дальнейшей обработки.

Третий модуль, инструмент семантического анализа мультимедиа, призван действовать расширенному использованию возможностей обработки мультимедийного контента. Распознавая речь, он разделяет аудиопотоки, определяет язык, переводит разговорную речь в текстовый формат и работает с десятью языками (среди которых английский, арабский, французский, немецкий, иврит, русский, испанский и др.) (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022). Инструмент работает в автономном режиме, не завися от сторонних веб-интерфейсов, что существенно повышает его защищенность.

При распознавании лиц используется каскадный классификатор на основе признаков Хаара (Cucarella et al., 2024) (признаки цифрового изображения, используемые в распознавании образов), который ориентируется на разницу в интенсивности пикселей для обнаружения фронтальных и профильных лиц на изображениях. Для обнаружения объектов используется современная система глубокого обучения Faster R-CNN (алгоритм глубокого обучения для обнаружения объектов (object detection), который значительно ускорил и повысил точность моделей-предшественников (R-CNN, Fast R-CNN), заменив медленный поиск регионов (selective search) на обучаемую Сеть Предложения Регионов (RPN), генерирующую потенциальные области объектов прямо внутри нейросети, что делает его мощным инструментом для задач, где требуется высокая точность, например, в системах безопасности или автономном вождении).

Кроме того, функция распознавания звука использует рекуррентную конволюционную (сверточную) нейронную сеть (применяется для распознавания объектов и маркировки сцен) (Zhao, Jin & Hu, 2017) для классификации аудиособытий путем обучения распознаванию важных временных и спектральных изменений. Алгоритмы выделения верхних частот отфильтровывают шум и выделяют только важные частоты, такие как выстрелы, взрывы и т. д. (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022). Эта интегрированная функциональность позволяет инструменту производить глубокий семантический разбор, на основе которого строится аналитика, необходимая правоохранительным органам и службам безопасности.

Наконец, модуль анализа социальных связей отслеживает взаимоотношения между динамическими формированиями, чтобы выявить релевантные группировки и структуры для проведения контртеррористических операций. Здесь предусмотрены три основные функции. Во-первых, он проверяет, как связи и их составные элементы, или узлы (например, (со)участники), трансформируются с течением времени, а затем отслеживает развитие отношений внутри групп и сообществ с помощью встроенных алгоритмов (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022). Таким образом, можно наблюдать за ростом, спадом или реорганизацией сообществ, сравнивая изменения между отдельными фрагментами взаимодействия.

Во-вторых, используя накопленный в прошлом «опыт» (знания), этот модуль прогнозирует недостающие (или скрытые) связи с учетом сетевых паттернов и общих для этих узлов атрибутов (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022). Наряду с этим он опирается на известные методики выявления потенциальных связей и обновления

существующих, предоставляя аналитикам возможность выбора, какие данные о связях объединить в контексте искомой информации.

В конечном итоге, выявляя закономерности в данных, можно восстановить скрытые иерархические структуры, такие как сетевые группировки террористических объединений (Naqvi et al., 2019; Florea et al., 2022). Для выявления таких организационных структур, которые могут быть неочевидны, используются усовершенствованные алгоритмы, поскольку модуль, хотя и основан на надежных математических моделях, все же зависит от изменчивости источников данных и предположений, а значит, его результаты должны быть подтверждены профильными специалистами. Только в этом случае выводы будут надежными и пригодными для применения при осуществлении мер правового и оперативного реагирования. Следует особо отметить, что все собираемые данные не являются доказательствами, они являются лишь материалами, с которыми могут работать правоохранительные органы в целях предупреждения преступлений, а в дальнейшем могут быть использованы специалистами и экспертами для формирования доказательственной базы.

Юридическая ответственность провайдеров интернет-услуг

В связи со сложившейся сложносоставной взаимосвязью между распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и совершением тяжких (особо тяжких) преступлений, в первую очередь вовлечением лиц в террористическую деятельность с использованием современных средств связи, очевидна необходимость пересмотра механизмов возможной уголовной ответственности провайдеров интернет-услуг. Действующее законодательство Российской Федерации, в частности Федеральные законы № 126-ФЗ «О связи» от 07.07.2003 г.⁹ и № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г.¹⁰, регулирует функции и обязанности провайдеров интернет-услуг (операторов информационной системы) применительно к контенту, но, тем не менее, стремительное развитие цифровых угроз делает необходимым разработку более точного, проактивного и технологически обоснованного подхода к их предотвращению.

Существующие контртеррористические аналитические системы, такие как «Система раннего обнаружения и предупреждения террористического контента» (RED-Alert), уже в значительной степени способствуют выявлению отдельных участников и моделей прямой цифровой пропаганды терроризма. Однако задача состоит в том, чтобы справиться с малозаметными, но в совокупности опасными явлениями коллективного цифрового бездействия, когда совокупные действия множества ответственных субъектов (провайдеров интернет-услуг, операторов информационной системы), даже если по отдельности они не представляют опасности, объединяются в предсказуемый системный риск террористической деятельности. Смена парадигмы предполагает разработку новой правовой и технологической конструкции, которая согласует предиктивную аналитику с принципами материального уголовного права, особенно для субъектов, обладающих организационными и техническими возможностями для предотвращения таких назревающих угроз.

⁹ Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 июля 2003 г. № 28 ст. 2895.

¹⁰ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448.

Провайдеры интернет-услуг выполняют целый ряд функций, за которые они должны нести юридическую ответственность в разной степени. Как отмечается в специализированных технических исследованиях, к ним относятся провайдеры доступа, хостинг-провайдеры, кэш-провайдеры, магистральные провайдеры и провайдеры «последней мили» (Rassolov, 2013; Perchatkina et al., 2012; Chubukova, 2017). Несмотря на то, что российское информационное законодательство возлагает на различных участников информационных (цифровых) правоотношений, включая владельцев сайтов и хостинг-провайдеров, обязанность отслеживать контент на предмет выявления очевидного противоправного материала и (или) информации (например, призывов к осуществлению террористической деятельности, массовых беспорядков, экстремистской деятельности, склонению несовершеннолетних к противоправным действиям) и ограничивать доступ при их обнаружении, четкое распределение уголовной ответственности за их бездействие до настоящего времени остается недостаточно проработанным.

В целях более результативного и целенаправленного предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационных (цифровых) технологий, предлагается интегрировать в «Систему раннего обнаружения и предупреждения террористического контента» (RED-Alert) таких инструментов, как модуль «Порогового адаптивного вмешательства» (или коротко «ПОРА») со встроенным алгоритмом машинного обучения. Данный модуль не ограничивается реактивной формой реагирования в форме «уведомления и удаления (блокировки)», а представляет собой проактивную, прогностическую функцию вмешательства, основанную на научно оцениваемом риске коллективного цифрового поведения, способного нанести серьезный вред общественным интересам (отношениям).

Операционное ядро модуля «ПОРА» состоит из сложного мультимодального механизма предиктивной аналитики, который использует и значительно расширяет существующие возможности систем типа «RED-Alert» по NLP, семантическому анализу мультимедиа и анализу социальных связей.

По идее, механизм машинного обучения в модуле «ПОРА» выражается в использовании передовых графовых нейронных сетей (GNN) и алгоритмов анализа временных рядов. Поскольку GNN особенно хорошо справляются с обработкой и изучением сложных взаимосвязей в информационных (цифровых) связях, появляется реальная возможность анализа коллективной деятельности. Анализ временных рядов позволяет модели отслеживать развитие этой динамики во времени, выявляя закономерности ее ускорения или замедления.

Система непрерывно отслеживает и обрабатывает огромные потоки анонимизированных и агрегированных цифровых данных из конкретных онлайн-пространств (например, контент хостинг-провайдера, база пользователей социальных сетей). В результате она рассчитывает коэффициент риска, т. е. динамически вычисляемую вероятность наступления того или иного события, террористической активности на основе коллективного цифрового поведения.

Коэффициент риска складывается не только из совокупности отдельных индикаторов опасности, но и определяет внешние свойства группы, например, формирование высоко сплоченных, но тайных ячеек, быстрое и синхронизированное распространение потенциально провокационного контента (даже если по отдельности его невозможно обнаружить) или массовое использование методов маскировки, свидетельствующих о согласованных усилиях по достижению преступных целей. На

исторических данных обучаются модели машинного обучения, соотносящие эти групповые цифровые сигналы с реальными последствиями, что позволяет модулю ПОРА прогнозировать будущий вред с измеримой статистической достоверностью.

В случае если показатель риска модуля ПОРА в конкретной информационной среде пересекает заранее установленную отметку, может быть сформировано надежное, криптографически верифицируемое предупреждение. Такое оповещение, содержащее указания на индикатор риска, соответствующую информацию, выявленную и связанные с ним аналитические данные (например, модели поведения участников), передается уполномоченному должностному лицу (например, модератору, хостинг-провайдеру или руководству платформы, либо напрямую правоохранительным органам).

При этом следует отметить, что так называемый «коэффициент риска» или «верифицируемое предупреждение» на основе систем искусственного интеллекта не приравнивается к определению вины в целом. Данные предиктивные метрики служат исключительно для целей раннего выявления и предупреждения потенциально опасных деяний. Установление обстоятельств, подтверждающих виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы субъекта преступления, как обязательный элемент субъективной стороны состава преступления, относится к исключительной компетенции органов предварительного расследования. В силу ст. 14 УПК РФ бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения¹¹. Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Скорее, они являются вспомогательным инструментом для профилактики потенциальных преступлений или обработки оперативной обстановки (информации) при предотвращении преступлений. Также очевидно, что использование искусственного интеллекта в этих целях привело бы к объективному вменению, которое не поддерживается в настоящей работе. Нельзя не учитывать определенные риски нарушения прав человека, допуская, что решения ИИ могут быть необъективными из-за задачи искаженных обучающих данных, непрозрачными из-за известной проблемы «черного ящика».

Уголовная ответственность, согласно ст. 5 УК РФ, основывается на принципе вины, который исключает объективное вменение. Это означает, что для привлечения провайдера интернет-услуг, точнее ответственного за него (физического) лица к уголовной ответственности за неограничение доступа к противоправному контенту необходимо установить его субъективное психическое отношение к деянию: интеллектуальное (осознание противоправности и предвидение последствий) и волевое (желание или сознательное допущение этих последствий). Действующая модель регулирования обязанностей интернет-провайдеров (операторов информационных систем) в основном построена по принципу «уведомление о противоправном контенте соответствующими субъектами и его удаление, блокирование», когда обязанность действовать возникает после официального уведомления компетентных органов, что

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть 1) ст. 4921.

предполагает обязательный мониторинг (например, с помощью систем как RED-Alert) до уведомления.

Существует распространенное мнение о том, что провайдеры интернет-соединений, предоставляющие только технологическую инфраструктуру для связи пользователей, например, базовый доступ к сети или маршрутизацию данных без постоянного хранения, не должны подлежать уголовной ответственности (Perchatkina, 2012; Tsirina, 2012). Основанием для такого утверждения является позиция, согласно которой уголовная ответственность (в частности, за содействие террористической деятельности (ч. 3 ст. 205.1. УК РФ)) для провайдеров возникает только в том случае, если они обладают присущими им организационными и техническими рычагами для существенного влияния на информационное содержание или взаимодействие своих пользователей. Следовательно, интернет-провайдеры, деятельность которых ограничивается чисто техническим обеспечением, включая провайдеров доступа, кэш-провайдеров, магистральных провайдеров и провайдеров «последней мили», как правило, не подлежат уголовной ответственности (Perchatkina, 2012; Tsirina, 2012).

Однако к хостинг-провайдерам могут быть применены более сложные подходы, основанные на их специфических операционных функциях. Хостинг-провайдер, единственной функцией которого является предоставление дискового пространства для стабильного размещения информации в сети, как правило, не должно подлежать к уголовной ответственности. В случаях, когда соответствующие уполномоченные органы официально уведомляют о незаконном характере размещенного контента, ситуация меняется принципиальным образом (Perchatkina, 2012; Tsirina, 2012).

Вопрос о форме вины (умысел или неосторожность) физического лица, связанного с бездействием провайдера, которое может повлечь уголовную ответственность, является дискуссионным и требует отдельного, углубленного исследования с учетом правилами квалификации преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, что выходит за рамки целей настоящей работы. Тем не менее, следует особо подчеркнуть, что юридическая ответственность интернет-провайдера за преступное бездействие – в частности, за неограничение доступа к информации, подстрекающей или вовлекающей людей в террористическую деятельность, – является строго условной. Такая ответственность должна наступать только в том случае, если провайдер осознает общественную опасность, связанную с неограниченным доступом к такому контенту, предвидит опасные последствия (например, террористические акты и др.) и сознательно направляет свои умственные и физические усилия на то, чтобы допустить совершение такого общественно опасного деяния.

В рамках же предупредительной деятельности, провайдер интернет-услуг должен рассматриваться как ключевой субъект, обязанный участвовать в предупреждении преступлений террористической направленности, используя доступный технический потенциал.

Заключение

В данном исследовании обосновывается необходимость интеграции передовых технологий искусственного интеллекта (машинного обучения) и предиктивной аналитики в современные подходы по противодействию терроризму. Стремительно развивающаяся цифровая среда, активно используемая преступными элементами,

диктует необходимость принятия упреждающих и технологически продвинутых мер, которые не будут ограничиваться традиционными реагирующими подходами.

Исследование подтверждает эффективность комплексных аналитических возможностей на основе искусственного интеллекта в выявлении, пресечении и предотвращении использования цифровых технологий в террористической деятельности, одновременно подчеркивая их важную роль в построении достоверных баз цифровых доказательств. Это знаменует собой фундаментальный сдвиг парадигмы, усиливая способность правоохранительных органов ориентироваться и контролировать сложные информационные потоки, используемые преступными группами.

Следует особо акцентировать внимание на том, что информация, обобщаемая (генерируемая) средствами машинного обучения и предиктивной аналитики, обладает исключительно предварительным и вспомогательным характером. Получаемые данные не могут быть приравнены к доказательствам, а являются лишь оперативными материалами, которые требуют обязательной верификации и всесторонней оценки со стороны компетентных должностных лиц правоохранительных органов. При этом использование данных предиктивных индикаторов напрямую не предопределяет юридическую возможность и не создает оснований для автоматического принятия решения о привлечении какого-либо лица к уголовной ответственности, поскольку факт совершения преступления и наличие вины устанавливаются исключительно в порядке и по процедурам, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Важно понимать, что преобразующий потенциал этих технологий неразрывно связан с тщательным созданием и строгим соблюдением надежных правовых гарантий. Первоочередная задача очевидна – укрепление национальной безопасности с использованием возможностей искусственного интеллекта должно сопровождаться защитой основных прав человека и строгим соблюдением установленных правовых принципов, включая презумпцию невиновности. Надлежащим образом реализовать эти возможности и обеспечить их ответственное использование можно только при условии, что они будут сопровождаться соответствующими правовыми гарантиями, в частности, правом на защиту от незаконного и произвольного лишения свободы, правом на справедливое судебное разбирательство и правом на защиту от пыток и жестокого обращения.

References / Список литературы

- Aisner, L.Y. & Naumov, O.D. (2021) Human cognitive abilities: Categorical analysis. In: Krasnoyarsk State Agrarian University. *Ensuring the rights of participants in criminal proceedings with disabilities: A compensatory approach. The Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (18-19 June 2021, Krasnoyarsk). Part 2*. Krasnoyarsk, Editorial and Publishing Centre of Krasnoyarsk State Agrarian University Publ., pp. 212–217. (In Russian). EDN: YDNNTG.
- Айснер Л.Ю., Наумов О.Д. Когнитивные способности человека: категориальный анализ // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход : материалы Международной научно-практической конференции (18–19 июня 2021 года, г. Красноярск). Часть 2. Красноярск : Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета, 2021. С. 212–217.

- Aneja, P., Sharma, P., Sood, K., Solanki, K., Choudhary, S. K. & Mathur, S. (2024) Artificial Intelligence in Multimedia Forensics. In: Saini, K., Sonone, S.S., Sankhla, M.S., Kumar, N. (eds.) *Artificial Intelligence in Forensic Science*. Boca Raton, CRC Press, pp. 43–64.
- Arjoune, Y., Nguyen, T.N., Doroshow, R.W., & Shekhar, R. (2023) Technical characterisation of digital stethoscopes: towards scalable artificial intelligence-based auscultation. *Journal of medical engineering & technology*. 47 (3), 165–178. <https://doi.org/10.1080/03091902.2023.2174198>
- Avanesyan, G.G. (2024) Prospects for effective interaction of artificial intelligence and human personality. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 12 (3). 77PSMN324. (In Russian). EDN: ZGYZDA.
Аванесян Г.Г. Перспективы эффективного взаимодействия искусственного интеллекта и личности человека // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 3. EDN: ZGYZDA.
- Azevedo, B.F., Rocha, A.M.A. & Pereira, A.I. (2024) Hybrid approaches to optimization and machine learning methods: A systematic literature review. *Machine Learning*. 113, 4055–4097. <https://doi.org/10.1007/s10994-023-06467-x>
- Barbierato, E., & Gatti, A. (2024) The challenges of machine learning: A critical review. *Electronics*. 13 (2), 416. <https://doi.org/10.3390/electronics13020416>
- Bini, S.A. (2018) Artificial Intelligence, Machine Learning, Deep Learning, and Cognitive Computing: What Do These Terms Mean and How Will They Impact Health Care? *The Journal of Arthroplasty*. 33 (8), 2358–2361. <https://doi.org/10.1016/j.arth.2018.02.067>
- Chubukova, S.G. (2017) The legal nature issues of the information intermediary. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. (2 (47)), 39–44. (In Russian). EDN: YUGWOX.
Чубукова С.Г. Проблемы правового статуса информационного посредника // Вестник академии права и управления. 2017. № 2 (47). С. 39–44. EDN: YUGWOX.
- El Mestari, S.Z., Lenzini, G. & Demirci, H. (2024) Preserving data privacy in machine learning systems. *Computers & Security*. 137, 103605. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2023.103605>.
- Falikman, M. (2014) Cognitive Science: Fundamentals and Prospects. *Philosophical and Literary Journal Logos*. (1 (97)), 1–18. (In Russian). EDN: QEZZJC.
Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Философско-литературный журнал «Логос». 2014. № 1 (97). С. 1–18. EDN: QEZZJC.
- Farina, M. et al. (2024) Machine learning in human creativity: Status and perspectives. *AI & Society*. 39, 3017–3029. <https://doi.org/10.1007/s00146-023-01836-5>
- Filipova, I.A. (2024) Intelligent Robots, Cyborgs, Genetically Enhanced Individuals, Chimeras: The Future and the Challenges of Law. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2 (4), 741–781. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.38> EDN: ATQZBA
- Florea, M. et al. (2022) Complex project to develop real tools for identifying and countering terrorism: Real-time early detection and alert system for online terrorist content based on natural language processing, social network analysis, artificial intelligence and complex event processing. In Bernabe, J.B. & Skarmeta A. (eds.) *Challenges in cybersecurity and privacy-the European research landscape* (1st ed.). New York, River Publishers, 181–206.
- Germanov, G.N. (2016) Physical qualities or motive abilities? Endurance as qualitative feature of motive function of the person: Scientific-theoretical analysis. *MCU Journal of Natural Sciences*. (3 (23)), 71–80. (In Russian). EDN: WLSIUF.
Германов Г.Н. Физические качества или двигательные способности? Выносливость как качественная особенность двигательной функции человека: научно-теоретический анализ // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2016. № 3 (23). С. 71–80. EDN: WLSIUF.
- Gopal, M. (2019) Machine learning and data mining. In: Gopal, M. (eds.) *Applied Machine Learning*. (1st ed.). New York, McGraw-Hill Education Publ., pp. 25–26.

- Helm, J.M. et al. (2020) Machine Learning and Artificial Intelligence: Definitions, Applications, and Future Directions. *Current Reviews in Musculoskeletal Medicine*. 13, 69–76. <https://doi.org/10.1007/s12178-020-09600-8>
- Huang, Z.Y., Chiang, C.C., Chen, J.H., Chen, Y.C., Chung, H.L., Cai, Y.P. & Hsu, H.C. (2023) A study on computer vision for facial emotion recognition. *Scientific reports*, 13 (1), 69–76. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-35446-4>
- Kayikci, S. & Khoshgoftaar, T.M. (2024) Blockchain meets machine learning: A survey. *Journal of Big Data*. 11 (1), 9. <https://doi.org/10.1186/s40537-023-00852-y>
- Lomtatidze, O.V. (2022) *Physiology of Sensory Systems*. Yekaterinburg, Ural University Press, pp. 5–6. (In Russian). EDN: CSRAFP.
Ломтатидзе О.В. Физиология сенсорных систем: учебно-методическое пособие / под общ. ред. О.В. Ломтатидзе; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург : Изд. Уральского ун-та, 2022. 120 с. EDN: CSRAFP.
- Marcu, O.C., & Bouvry, P. (2024) Big data stream processing. *HAL Open science*. hal-04687320.
- Minopoulos, G.M., Memos, V.A., Stergiou, K.D., Stergiou, C.L. & Psannis, K.E. (2023) A medical image visualization technique assisted with AI-based haptic feedback for robotic surgery and healthcare. *Applied Sciences*. 13 (6), 3592. <https://doi.org/10.3390/app13063592>
- Mishchenko, I.I., Misnik, A.E. & Alexandrov, A.V. (2024) Application of computer vision and image preprocessing technologies in decision support systems. *Vestnik of Samara State Technical University. Technical Sciences Series*. 32 (4 (84)), 6–26. (In Russian). <https://doi.org/10.14498/tech.2024.4.1> EDN: UCBKUO.
Мищенко И.И., Мисник А.Е., Александров А.В. Применение технологий компьютерного зрения и предварительной обработки изображений в системах поддержки принятия решений // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Технические науки». 2024. Т. 32. № 4 (84). С. 6–26. <https://doi.org/10.14498/tech.2024.4.1> EDN: UCBKUO.
- Naqvi, S. et al. (2019) Towards fully integrated real-time detection framework for online contents analysis-RED-alert approach. *2019 IEEE European Symposium on Security and Privacy Workshops (EuroS&PW)*, 257–263 <https://doi.org/10.1109/EuroSPW.2019.00035>
- Pattayam, S.P. (2019) Advanced AI Algorithms for Predictive Analytics: Techniques and Applications in Real-Time Data Processing and Decision Making. *Distributed Learning and Broad Applications in Scientific Research*. 5, 359–384. Available at: <https://dlabi.org/index.php/journal/article/view/115> [Accessed 02nd January 2025].
- Perchatkina, S.A. et al. (2012) Social Internet Networks: Legal Aspects. *Journal of Russian Law*. (5 (185)), 14–24. (In Russian). EDN: OWQAVL.
Перчаткина С.А. и др. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2012. № 5 (185). С. 14–24. EDN: OWQAVL.
- Ponkin, I., Kupriyanovsky, V., Moreva, S. & Lapteva, A. (2024) Computer vision: Concept, functional-purpose, structure, related regulatory developments. *International Journal of Open Information Technologies*. 12 (5), 57–66. (In Russian). EDN: WDFAPU.
Понкин И.В. и др. Компьютерное зрение: концепт, функционально-целевое назначение, структура, регуляторика // International Journal of Open Information Technologies. 2024. Т. 12. № 5. С. 57–66. EDN: WDFAPU.
- Quiles-Cucarella, E. et al. (2024) Multi-Index Driver Drowsiness Detection Method Based on Driver's Facial Recognition Using Haar Features and Histograms of Oriented Gradients. *Sensors*. 24 (17), 5683. <https://doi.org/10.3390/s24175683>
- Rassolov, I.M. (2013) Legal issues in ensuring information security: Legal responsibility of telecommunications operators. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (12), 103–108. (In Russian). EDN: RSCSAT.

- Рассолов И.М. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности: юридическая ответственность операторов связи // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 103–108. EDN: RSCSAT.
- Rodriguez, M. (2025) Audio & Speech Perception: Speech recognition, auditory scene analysis, and multimodal audio-visual integration. *Journal of Perception and Control*. 1 (1), 11–19.
- Strielkowski, W. et al. (2023) Prospects and challenges of the machine learning and data-driven methods for the predictive analysis of power systems: A review. *Energies*. 16 (10), 4025. <https://doi.org/10.3390/en16104025>
- Strielkowski, W., Vlasov, A., Selivanov, K., Muraviev, K. & Shakhnov, V. (2023) Prospects and challenges of the machine learning and data-driven methods for the predictive analysis of power systems: A review. *Energies*. 16 (10), 4025. <https://doi.org/10.3390/en16104025>
- Taheri, H. & Salimi, B.A. (2025) Artificial Intelligence, Machine Learning, and Smart Technologies for Nondestructive Evaluation. In: Meyendorf, N., Ida, N., Singh, R., Vrana, J. (eds) *Handbook of Nondestructive Evaluation 4.0*. Cham, Springer Publ. https://doi.org/10.1007/978-3-031-84477-5_70
- Tsirina, M.A. (2012) Dissemination of pro-drug information on the Internet: Countermeasures. *Journal of Russian Law*. (4 (184)), 44–50. (In Russian). EDN: OWQBXX.
- Циринина М.А. Распространение пронаркотической информации в Интернете: меры противодействия // Журнал российского права. 2012. № 4 (184). С. 44–50. EDN: OWQBXX.
- Vilenskaya, G. (2020) Emotional regulation: Factors of development and forms of manifestation in behavior. *Psychological Journal*. 41 (5), 63–76. (In Russian). EDN: DBYTED.
- Виленская Г.А. Эмоциональная регуляция: факторы ее развития и связанные с ней виды поведения // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 63–76. EDN: DBYTED.
- Voyushina, E.A. (2021) Approaches to defining the concept of “metacognitive abilities.” The structure of metacognitive abilities. *Innovations. Science. Education*. (41), 758–762. (In Russian). EDN: JCKXYJ.
- Воюшина Е.А. Подходы к определению Понятия «метакогнитивные способности». Структура метакогнитивных способностей // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 41. С. 758–762. EDN: JCKXYJ.
- Westbrook, D.A. & Maguire, M. (2024) Machine Learning and Artificial Intelligence in Counterterrorism: The “Realities” of Security Practitioners and Technologists. In Avis, M., Marciniak D. & Sapignoli, M. (eds.) *States of Surveillance: Ethnographies of New Technologies in Policing and Justice*. New York, Routledge Publ., pp. 164–176.
- Yuan, X., Feng, Z., Norton, M. & Li, X. (2019) Generalized batch normalization: Towards accelerating deep neural networks. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 33 (01), 1682–1689. <https://doi.org/10.1609/aaai.v33i01.33011682>
- Zhang, Z., Wen, F., Sun, Z., Guo, X., He, T. & Lee, C. (2022) Artificial intelligence-enabled sensing technologies in the 5G/internet of things era: From virtual reality/augmented reality to the digital twin. *Advanced Intelligent Systems*. 4 (7), 2100228.
- Zhao, Y., Jin, X. & Hu, X. (2017) Recurrent convolutional neural network for speech processing. *2017 IEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing (ICASSP)*, 5300–5304. <https://doi.org/10.1109/ICASSP.2017.7953168>
- Zhou, A., Men, L. R. & Tsai, W. H. S. (2023) The power of AI-enabled chatbots as an organizational social listening tool. In: Place, K. R. (eds.) *Organizational Listening for Strategic Communication*. (1st ed.). New York, Routledge Publ., pp. 181–206.

Сведения об авторах:

Маджумаев Мурад Мамедович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0003-3332-2850; SPIN-код: 2278-5843

e-mail: murad.mad@outlook.com

Кузнецова Ольга Алексеевна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0003-1066-3783; SPIN-код: 8755-2997

e-mail: kuznetsova-ola@rudn.ru

About the authors:

Murad M. Madzhumayev – Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminalistics, Law Institute, RUDN University; Russian Federation, 117198, Moscow, 6 Miklukho-Maklaya St.

ORCID: 0000-0003-3332-2850; SPIN-code: 2278-5843

e-mail: murad.mad@outlook.com

Olga A. Kuznetsova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, RUDN University; Russian Federation, 117198, Moscow, 6 Miklukho-Maklaya St.

ORCID: 0000-0003-1066-3783; SPIN-code: 8755-2997

e-mail: kuznetsova-ola@rudn.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-90-102>

EDN: RAIYIU

Научная статья / Research Article

Трансформация советского законодательства о браке и семье в послевоенный период (1945–1960)

А.Е. Епифанов

Государственный университет управления, г. Москва, Российская Федерация
Московский университет «Синергия», г. Москва, Российская Федерация

 mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ материалов обсуждения актуальных изменений в ходе разработки Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г., вызванных послевоенным временем. Изучение этих трансформаций позволяет раскрыть механизмы взаимодействия права и общества в условиях централизованной власти, а также оценить долгосрочные последствия таких реформ для гендерных отношений и демографической политики. Несмотря на обширную литературу по истории советского семейного права, многие аспекты, такие как влияние антиабортных кампаний и эволюция прав детей, остаются недостаточно исследованными в контексте послевоенной реконструкции. Используются как общенаучные, так и специальные методы исторического исследования. Исторический метод дал возможность рассмотреть причины изменения брачно-семейного законодательства в контексте исторических обстоятельств. Историко-правовой анализ семейного законодательства периодов до и после Великой Отечественной войны позволил выявить существенные особенности развития правового статуса отцов, матерей и детей. Большую часть документов составили неопубликованные источники Государственного архива Российской Федерации. Автор приходит к выводу о необходимости систематической государственной стратегии в отношении семейного благополучия и оперативных законодательных инициатив для укрепления семейных связей в период с 1945 по 1960 гг. Во время разработки Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г. приоритет отдавался правовому положению детей, появившихся на свет вне брака, разрешению конфликтов по вопросам воспитания детей, определению отцовства, а также регламенту и объемам алиментных платежей на обеспечение детей и супруга. Недостаток адекватного правового регулирования неизбежно приводил к нарушению прав, прежде всего детей, защита которых является важной задачей и современного семейного законодательства.

© Епифанов А.Е., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: семейное законодательство, Великая Отечественная война, отцовство, алименты, родительство, супруги

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 21 октября 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Епифанов А.Е. Трансформация советского законодательства о браке и семье в послевоенный период (1945–1960) // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 1. С. 90–102. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-90-102> EDN: RAIYIU

Transformation of Soviet marriage and family legislation in the post-war period (1945–1960)

Alexander Y. Epifanov

State University of Management, *Moscow, Russian Federation*

Moscow University «Synergy», *Moscow, Russian Federation*

 mvd_djaty@mail.ru

Abstract. The study analyzes discussions surrounding 1968 amendments to the Fundamentals of Legislation of the USSR and the Union Republics on Marriage and Family, driven by post-war reconstruction needs. The study reveals law-society interaction mechanisms under centralized governance and evaluates long-term impacts on gender relations and demographic policy. Despite extensive Soviet family law scholarship, post war anti-abortion campaigns and children’s rights evolution remain underexplored. Employing historical and historical-legal methods, the research compares pre- and post-Great Patriotic War family legislation, identifying key developments in parental and child legal status. Primary sources from the State Archive of the Russian Federation (SARF) constitute the evidential base. The analysis demonstrates a systematic state strategy for family welfare (1945-1960) through operational legislative measures strengthening family ties. The 1968 Fundamentals prioritized legal status of children born out of wedlock, child-rearing conflict resolution, paternity establishment, and alimony regulations for child and spousal support. Inadequate regulation consistently violated children’s rights – a core concern of modern family law.

Key words: family law, Great Patriotic War, marriage, alimony, parenthood, spouses

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 21th October 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Epifanov, A.Y. (2026) Transformation of Soviet marriage and family legislation in the post-war period (1945–1960). *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 90–102. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-90-102> EDN: RAIYIU

Введение

Советское законодательство, начиная с первых Декретов по вопросам брака и семьи 1917–1918 гг., установило новые принципы построения семьи, в основе которых гендерное равноправие, равенство всех граждан в семейных отношениях

вне зависимости от их религиозных убеждений, расы или национальности. Данные принципы нашли свое дальнейшее развитие в Кодексе законов о браке, семье и опеке 1926 г.¹ (далее – Кодекс 1926 г.).

Введение запрета на искусственное прерывание беременности с 1936 г.², налогообложения холостых и бездетных лиц в 1941 г.³, расширение положений о патронате, попечительстве и усыновлении⁴, а также признание юридической силы исключительно за официально оформленным союзом в 1944 г.⁵ отражали трудности в обеспечении благополучия семей и снижение численности населения. Эти реформы временно стимулировали прирост рождаемости, но вскоре исчерпали эффект. Гораздо сложнее оказалось преодолеть негативные последствия, такие как увеличение подпольных абортов и смертности среди рожениц. Государственная финансовая помощь семьям теряла эффективность из-за распространения незарегистрированных отношений и уклонения отцов от обязанностей по обеспечению потомства. Также не оправдали себя так называемые «укрепляющие» меры, включая «тщательное исследование дела» и осложнение процедуры расторжения брака в судебных инстанциях (Rumjanceva, 1963), отказ в легализации незарегистрированных союзов, а также вмешательство «партийных структур» и общественности в семейные разногласия (Mun, 2025).

Великая Отечественная война кардинально преобразила обыденный быт. Мужчины отправлялись на фронт, а жители вынуждены были оставлять свои жилища. Старые отношения разрушались, уступая место новым семьям и отношениям, часто основанным на совместном проживании. Этот период стал суровым испытанием для советской семьи. Наблюдался рост несбалансированности полов в семейных структурах. Так, «по данным переписи 1959 г., проводившейся через 14 лет после окончания войны, удельный вес мужчин составлял 45,0, женщин – 55,0 %» (Jurkevich, 2015).

Послевоенный период в истории Советского государства стал временем глубокой трансформации общественных норм и правовых основ, отражавших как разрушения, вызванные Великой Отечественной войной, так и стремление к восстановлению и модернизации социалистического строя. Законодательство о браке и семье, как ключевой элемент государственной политики, претерпело значительные изменения, отражая сдвиги от строгого регулирования семейных отношений, характерного для сталинского режима, к более гибким нормам, адаптированным к демографическому кризису и экономическим вызовам послевоенных лет.

¹ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

² Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.11.1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 42.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.09.1943 «Об усыновлении» // Ведомости ВС СССР. 1943. № 34.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

Итак, спустя сорок лет с момента принятия первого брачно-семейного кодекса в 1926 г. возникла потребность в создании документов, определявших базовые направления правового регулирования брачно-семейных отношений на уровне Советского Союза, а также изменении одних норм и дальнейшем развитии других в условиях послевоенного времени. Требовалось разработать первый кодифицированный акт в области семьи и брака общесоюзного значения и привести в соответствии с ним все брачно-семейное законодательство.

В научной литературе законодательные меры в области брачно-семейных отношений начиная с середины 1930-х по 1940-е гг. зачастую называются «тоталитарными» с вытекающим «нетерпением автономии воли индивида даже в такой сугубо личной сфере, как семейные отношения»⁶. По этой причине выдающийся советский юрист, автор многочисленных трудов по семейному праву Г. М. Свердлов, отмечал, что «государство стремилось к регулированию индивидуальных семейных отношений, устанавливая условия, которые гарантировали интересы общества и обеспечивали выполнение обязанностей перед коллективом» (Sverdlov, 1941).

Известный специалист в области истории семейного законодательства России, профессор П. Л. Полянский, также отмечал, что указанные реформы отражали новый подход советского государства относительно института брака. Отныне брак перестал рассматриваться как частное соглашение между партнерами, а стал считаться основой семейных отношений, на которой строится полноценное воспитание детей. Поэтому главная задача супругов заключалась в ответственном родителстве, обеспечении ими своим детям не только материального благополучия, но и необходимого внимания и заботы. Изменение подхода было продиктовано сложным периодом после Великой Отечественной войны (Poljanskij, 2010).

Таким образом, изменение методов регулирования брачно-семейных отношений с диспозитивных на императивные, активное вовлечение государственных органов (ЗАГС, опека, прокуратура, милиция, суд и др.) в семейные дела, актуализировало вопрос о дальнейшем развитии законодательства о браке и семье в послевоенное время.

Утверждение государства в роли главного арбитра семейных отношений, подкрепленное идеологическими принципами коллективизма и равенства, привело к сериям законодательных реформ, которые постепенно смягчали патернализм раннесоветского периода, вводя элементы охраны интересов индивидуумов. Эти трансформации не только отражали прагматические нужды экономики, но и сигнализировали о постепенном отступлении от радикального интервенционизма, заложенного в основаниях советской правовой системы.

Актуальность изучения данной темы усиливается в контексте современных дискуссий о семейной политике в постсоветских обществах, где исторический опыт трансформаций послевоенного периода обнаруживает параллели с текущими вызовами демографии и гендерного равенства. Настоящее исследование дает возможность проанализировать особенности правовых трансформаций в сфере брака и семьи, демонстрируя, как нормы о браке и семье эволюционировали от инструментов государственного принуждения к формам социального поддержания, формируя основы для дальнейшего развития семейного законодательства в XXI в. Таким

⁶ Антокольская М.В. Семейное право : учебник. М. : Юристъ, 2002. 336 с.

образом, анализ этих процессов не только выявляет исторические корни современных явлений, но и подчёркивает необходимость интеграции уроков прошлого в формирование устойчивых правовых практик.

Работа состоялась с опорой на неопубликованные исторические источники, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Юридического отдела Верховного Совета РСФСР (Фонд А-385, Описание 26). Также задействован обширный материал по разработке Основ законодательства СССР о браке и семье и материалы к нему, содержащийся в фонде Верховного Совета СССР (Фонд Р-7523).

Предпосылки изменений советского законодательства о браке и семье

Хотя в период с 1945 по 1968 гг. не был принят новый единый кодифицированный акт о браке и семье, семейное законодательство подвергалось существенным изменениям и дополнениям, что свидетельствовало об актуальности нерешенных вопросов в данной сфере. В некоторых союзных республиках (КазССР, УзбССР, ЛитССР) по отношению, регулирование которых было отнесено к республиканскому законодательству, вносились изменения и дополнения в действовавшие на их территории республиканские кодексы⁷. Очевидно, ощущалась необходимость в адаптации единого союзного законодательства к специфическим культурным, этническим и социально-экономическим условиям союзных республик, что позволяло более эффективно реализовывать принципы советской семейной политики на местах. Это, в свою очередь, свидетельствовало о постепенном переходе к более децентрализованному регулированию, где республиканские органы получали возможность учесть локальные традиции и демографические особенности, не нарушая общих идей коллективизма и государственного контроля.

В связи с введением в действие нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства 28 марта 1961 г. из Кодекса 1926 г. была исключена статья, предусматривавшая ответственность за несвоевременную регистрацию рождений и смертей, а также ненадлежащее исполнение обязанностей по предоставлению сведений по учету естественного движения населения⁸.

Другая редакция Кодекса 1926 г. была принята в связи с обращением 4 апреля 1967 г. директора Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства, профессора С. Н. Братуся в юридический отдел Президиума Верховного Совета РСФСР с предложением внести «хотя бы частичные изменения и дополнения» в действовавший в РСФСР Кодекс 1926 г. по наиболее важным вопросам, не терпящим отлагательств. Пожалуй, наибольшей критике, если не считать вопроса о внебрачных детях, подвергались нормы, регулировавшие алиментные права супругов. Ограничение права разведенного супруга на получение алиментов одним годом несправедливо ущемляло права тех женщин, которые посветили всю жизнь воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства, вследствие чего не приобрели права на пенсионное обеспечение по старости. Это основание нередко служило обстоятельством, из-за которого в удовлетворении требований о расторжении брака отказывали, при всей очевидности прекращения брачных отношений. В этой связи

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-385. Оп. 26. Д. 303. Л. 1–2.

⁸ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28.03.1961 (ред. от 24.08.1978) «Об изменении и признании утратившими силу законодательных актов РСФСР в связи с введением в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР и Закона о судостроительстве РСФСР» // Ведомости Верховного Совета СССР от 6–30 апреля 1961 г. № 13.

предлагалось сохранить право нуждающегося нетрудоспособного супруга на получение содержания от другого супруга и после прекращения брака, если супруг достиг пенсионного возраста не позднее пяти лет с момента прекращения брака⁹.

Ряд предложений был связан с повышением ответственности родителей за воспитание их детей. Так, отмечалось, что Кодекс 1926 г. не содержал правовых последствий лишения отцов и матерей родительских прав. В частности, на практике вызывал сомнение вопрос о праве таких родителей на получение пенсии в случае смерти этих детей, а также о праве предъявления ими к детям требования о взыскании алиментов. Предлагалось дополнить соответствующую статью Кодекса 1926 г. следующим содержанием: «Родители, лишённые родительских прав, утрачивают все личные и имущественные права, основанные на факте родства с детьми, в отношении которых они лишены родительских прав»¹⁰.

Вопрос о том, как именно должно осуществляться воспитание детей в случае раздельного проживания родителей, не был регламентирован, что приводило к тому, что «родитель, при котором в силу решения суда оставался проживать ребенок, считал, что все вопросы воспитания он вправе разрешать единолично и не только не допускал второго родителя к участию в воспитании ребенка, но даже препятствовал его общению с ребенком». Во избежание «споров о свидании» с детьми в случае раздельного проживания родителей предлагалось наделить органы опеки и попечительства правом требовать по суду изъятия ребенка и передачи его на воспитание в детское учреждение или другому родителю¹¹.

Еще одно важное предложение было связано с вопросом усыновления. Письмом Министерства просвещения РСФСР от 9 мая 1960 г. разъяснено, что, если родители не объявлялись в течение года, их местожительство не известно либо установлено их слабоумие, душевная болезнь и т. д., усыновление могло производиться без их согласия. Однако Кодекс 1926 г., охраняя права родителей, устанавливал необходимость спрашивать разрешение родителей на усыновление в любом случае. На практике недобросовестное поведение родителей, которые «даже не сочли нужным сообщить о месте своего пребывания», делало невозможным процедуру усыновления. В этой связи предлагалось ввести норму о том, что «не требуется согласия родителей на усыновление, если они лишены родительских прав или признаны в установленном порядке недееспособными, а также в случае, когда местожительство родителей неизвестно и они в течение срок на менее одного года не сообщали о себе никаких сведений»¹².

Специалист по семейному и жилищному праву, член научно-консультативного совета при Верховном Суде РСФСР А.И. Пергамент при обсуждении вносимых изменений в Кодекс 1926 г., отмечала, что «желающих усыновить сейчас гораздо больше, в то же время многие родители, матери-одиночки, сдавшие детей на государственное обеспечение, никакой заботы и интереса в отношении их не проявляют, однако усыновлять детей другим лицам не разрешают. В результате дети не имеют ни родных, ни приемных родителей»¹³. Вышеуказанные изменения были

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-385. Оп. 26. Д. 303. Л. 2.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-385. Оп. 26. Д. 303. Л. 3.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-385. Оп. 26. Д. 303. Л. 4.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-385. Оп. 26. Д. 303. Л. 6.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-385. Оп. 26. Д. 303. Л. 13.

внесены в Кодекс 1926 г. и Гражданский процессуальный кодекс РСФСР указом от 12 февраля 1968 г.¹⁴

Таким образом, ощущалась острота вопросов, связанных главным образом с защитой интересов несовершеннолетних детей, последствиями лишения родительских прав. В период с 1945 по 1968 гг. в семейное законодательство вносились точечные изменения и дополнения. Однако очевидной была и потребность не только в экстренных изменениях наиболее актуальных вопросов, но и в детальной, комплексной проработке действовавших норм.

Разработка Основ законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик

Согласно Конституции СССР 1936 г. (пункт «ч» статьи 14) Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик предназначались для роли основы при создании и утверждении обновленных кодексов союзных республик. После Великой Отечественной войны начался процесс подготовки законопроекта Основ. В 1948 г. была создана специальная комиссия, в состав которой вошли 9 членов, из которых лишь один, Г.М. Свердлов, был экспертом в области семейного права. Научные исследования продолжались на протяжении двух десятилетий с периодическими приостановками и возобновлениями работы над проектом. Ключевым стал вопрос об установлении отцовства в отношении детей, рожденных в незарегистрированных браках. Наконец, в 1963 г. законопроект был представлен Центральному Комитету КПСС, а лишь в 1968 г. его текст был опубликован в печати (Denisova, 2007).

В связи с обнародованием проекта Основ развернулось его активное и широкое обсуждение. В Президиум Верховного Совета СССР поступило 3 500 обращений и писем от граждан и организаций (на 18 июня 1968 г.). В республиканских и местных газетах, таких как «Известия», «Литературная газета», «Труд», а также в журналах «Работница», «Советы депутатов трудящихся», «Агитатор», «Огонек», «Социалистическая законность» и «Советская юстиция», регулярно появлялись объемные подборки писем от читателей. В этих письмах содержались замечания и предложения, касающиеся обсуждаемого проекта¹⁵. Как отмечалось в справке о предложениях по проекту Основ «многие письма содержали одобрение проекта Основ и были проникнуты большой заботой об укреплении советской семьи и о воспитании подрастающего поколения»¹⁶.

Один из наиболее обсуждаемых вопросов касался защиты прав детей, рожденных в неполных семьях. Дело в том, что согласно статье 21 действовавшего Указа 1944 г. если «при регистрации в органах записи актов гражданского состояния рождения ребенка, его мать не состояла в зарегистрированном браке, ребенок записывался по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери»¹⁷.

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12.02.1968 г. «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР и Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 15.02.1968 г. № 7. Ст. 252.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 2.

¹⁶ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 3.

¹⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства

Результатом этого правила явилось сужение прав на наследство для детей, рожденных вне супружеского союза, которые могли претендовать на имущество лишь после матери. Кроме того, при появлении ребенка без официального брака женщинам было недопустимо подавать иск в судебные органы для признания отцовства и требования содержания от биологического отца (статья 20)¹⁸. Сторонники данного указа (П.Л. Полянский, М.Г. Котовская) исходили из справедливости данных положений о том, что только зарегистрированный в установленном порядке брак порождает права и обязанности в отношении родившихся в нем детей, в противном случае происходило бы потворство фактическим отношениям и случайным половым связям, а также злоупотребление женщинами правом на обращение в суд с требованиями об установлении отцовства. «Принцип, заложенный этим Указом, – признание государством только зарегистрированного брака – является и теперь основополагающим значением для отечественного семейного права» (Sharovalova, 2013). Кроме того, брачное состояние населения рассматривалось государством как один из важнейших факторов его репродуктивной активности (Sinelnikov, 1989).

Подавляющее число депутатов, участвовавших в заседании Верховного Совета РСФСР по реформам в сфере супружеских и семейных отношений, выступали за равенство прав для всех несовершеннолетних. Парламентарии полагали, что этот нормативный акт утратил актуальность и даже был введен по ошибке, так как не содействовал стабильности семейных связей. Ректор Саратовского государственного университета, профессор В.Г. Лебедев в своем выступлении справедливо отметил, что «пресловутый «прочерк» в книге записей о рождении травмировал детей и родителей, в связи с чем разрешение вопроса о записи отца позволило бы справедливо установить взаимную ответственность родителей и детей»¹⁹. Н.Г. Юркевич (Jurkevich, 1965) и Ю.А. Королев (Korolev, 1978) отмечая несправедливость правового положения незаконнорожденных детей, отмечали другую сторону проблемы. Они указывали на сложное положение, в котором оказывалась женщина-мать, вступившая в добрачные или внебрачные связи. «Одинокая мать становится предметом мещанских сплетен, суждений, отрицательного отношения» (Korolev, 1978).

Проект Основ содержал новеллу согласно которой, вне зависимости от момента рождения (до введения Основ или после) «при рождении ребенка у матери, не состоящей в браке, если не имеется совместного заявления родителей и решения суда об установлении отцовства, запись об отце ребенка в книге записей рождений производится по фамилии матери; имя и отчество отца ребенка записываются по ее указанию» (статья 17)²⁰.

После опубликования 10 апреля 1968 г. проекта Основ в «Литературной газете» уже в следующем номере, вышедшем спустя неделю, содержались первые отклики относительно вводимых изменений. Было очевидно, что люди возлагали на них

и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

¹⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 335. Л. 162.

²⁰ Проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье // Литературная газета. № 15 (4145). 10 апреля 1968 г. С. 2.

большие надежды, вызванные несовершенством действовавших норм. Е. Серебровская писала: «одна молодая, очень серьезная женщина не зарегистрировала своего горячо любимого единственного сына, которому уже два года! Не могла предотвратить отвращение перед метрикой с прочерком, верила и ждала, что это изменится». Академик Г. Сперанский отмечал: «как врач-педиатр, смею уверить юристов, готовивших проект, что дети, родившиеся от фактического брака и, дети, родившиеся в результате случайной связи, ничем друг от друга не отличаются. И наказывать за легкомыслие, наверное, нужно не их, а родителей». Множество маленьких граждан не должны страдать из-за «затянувшего процесса разработки новых юридических норм» со стороны наших законодателей, обращал внимание композитор Д. Шостакович. Педагог Н. Долинина писала о несправедливости процедуры установления отцовства, требующей представления доказательств совместного проживания и ведения общего хозяйства или же совместного воспитания, либо содержание ребенка. «Если я родила ребенка, прошу записать в графе «отец» фамилию какого-то человека, никто не вправе запретить мне это сделать»²¹. Итак, в развернувшейся дискуссии участвовали писатели, врачи, педагоги, инженеры. Авторы, высказывая свою позицию элементарной житейской справедливости, были единодушны во мнении о насущной необходимости закона, уравнивавшего права детей, родившихся «законно» и «незаконно», а также о важности скорейшего разрешения проблем прочерка в метрике.

Публиковались и мнения юристов относительно наиболее обсуждаемых вопросов, среди которых – установление отцовства в судебном порядке. Часть 4 статьи 16 проекта Основ предусматривала, что «при установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или же совместное воспитание либо содержание ими ребенка». Данный порядок предусматривался исключительно для детей, родившихся после введения в действия Основ²².

Доктор юридических наук, один из основных участников работ по кодификации гражданского права Е.А. Флейшиц отмечала, что данная норма ограничивает права детей и, в конечном счете, нарушает принцип равенства мужчины и женщины, так как в ряде случаев целиком освобождает мужчину от ответственности за судьбу ребенка. «Виновник не новорожденный, а член этой законной семьи – отец ребенка и его прямая обязанность следить за покоем семьи». Относительно возможности предъявления недобросовестных исков Екатерина Абрамовна справедливо заметила: «недобросовестные люди пытаются использовать любой закон». Развивая данную мысль, А.И. Пергамент указывала на успешно практиковавшийся судебный порядок установления отцовства, не ограниченный особыми нормами, в Польше, Чехословакии, ГДР. Однако подобную позицию разделяли не все юристы, в частности доктор юридических наук Н.В. Орлова рассматривала ситуацию с другой стороны: отца, который хоть как-то будет принимать участие в воспитании ребенка, «закон за это накажет: суд установит его отцовство и взыщет с него алименты. Он окажется в худшем положении? чем тот, у кого этого „минимума“ нет». В конечном счете это положение приведет к тому, что те из мужчин, кто хотел бы принять участие в судьбе своих детей, «станет их чуждаться». Примечательно в этой связи

²¹ Закон, которого ждут // Литературная газета. 17 апреля 1968 г. № 16 (4146). С. 12.

²² Проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье // Литературная газета. № 15 (4145). 10 апреля 1968 г. С. 2.

предложение А.И. Пергамент сформулировать норму следующим образом: «запись об отце ребенка в книге записей рождений, при отсутствии зарегистрированного брака, производить по указанию матери, но эта запись не влечет за собой юридических последствий»²³. Таким образом, Александра Иосифовна настаивала на фиксации в документах реального отца ребенка, а не придуманного лица, уточнив при этом, что подобное не возлагает на него обязанностей по выплате содержания.

Стоит отметить, что все предложения и замечания, поступившие на проект Основ, были изучены специальной подготовительной комиссией с участием депутатов – членов шести постоянных комиссий, работавших над проектом Основ. Подавляющее большинство замечаний затрагивало идентичные разделы законопроекта: критерии вступления в брак и процедуры его прекращения; судебного признания родства отца; механизма истребования и величины пособий на обеспечение несовершеннолетних; прав нуждающегося неработоспособного партнера на получение финансовой поддержки от бывшего супруга после развода, а также ряда иных аспектов²⁴.

Ряд предложений комиссия посчитала целесообразным учесть, и в связи с этим были внесены изменения и дополнения в проект Основ. Так, понятие «гражданский брак» было заменено на «брак, заключенный в государственных органах записи актов гражданского состояния»²⁵. Во многом в связи с поступающими многочисленными запросами законодатель учел и национальные, местные культурные особенности союзных республик. Например, в соответствии с законодательством союзных республик была предусмотрена возможность снижения брачного возраста до 16 лет, право супругов именоваться двойной фамилией, вопросы местожительства и воспитания детей при расторжении брака родителями и др.

Некоторые предложения, по мнению редакционной группы, не могли быть приняты, поскольку они противоречили принципам советского семейного брачного права, были недостаточно обоснованы либо не улучшали редакцию проекта. Например, предложение, содержащее требование о предоставлении женщине больших прав в семейных отношениях, не было принято как противоречащее принципу равноправия²⁶. Просьба закрепить в Основах определение понятия «семья» отклонена ввиду того, что в разных отраслях законодательства (жилищном, пенсионном и в законодательстве о наследовании) по-разному определялся круг родственников, пользующихся теми или иными правами²⁷. Правку о придании правовой силы фактическим брачным отношениям подкомиссия не сочла возможным принять, так как это противоречило бы одному из основных принципов Основ о государственной правовой защите только зарегистрированного брака²⁸. Кроме того, подкомиссия отклонила предложение о возможности установления отцовства судом для лиц, ушедших из жизни до введения в силу Основ²⁹.

В предложениях о равноправии граждан в семейных отношениях независимо от их национальности, расы и отношения к религии предлагалось указать о равноправии граждан независимо от их дореволюционного деления и исключить из Основ

²³ Кларов Ю. Семья: право и мораль // Литературная газета. 24 апреля 1968 г. № 17 (4147). С. 11.

²⁴ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 3.

²⁵ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 4.

²⁶ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 3.

²⁷ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 4.

²⁸ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 9.

²⁹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 17.

упоминание слова «религия». Указанные предложения были отклонены, поскольку отмечалось, что «дореволюционное классовое деление никакого значения в настоящее время не имеет», а исключить же из проекта Основ указание на отношение к религии в настоящее время «еще не представляется возможным»³⁰. Предложение об ограничении принципа равноправия в том случае, когда родители – религиозные фанатики, подкомиссия не сочла возможным принять, поскольку в случае отрицательного влияния религиозного фанатизма на воспитание детей последние могли быть изъяты от родителей³¹.

Интерес представляет обсуждение законодательного введения института помолвки, влекущего за собой определённые юридические последствия. Впрочем, данная норма не нашла поддержки у подкомиссии, как и предложение об изменении месячного срока, по истечении которого должно было происходить заключение брака. Причем одни считали необходимым увеличить этот срок от 2 до 6 месяцев и даже до одного года, другие – наоборот – сократить до 1 дня. В итоге, по мнению подкомиссии, месячный срок вполне достаточен для возможности «серьезно продумать принимаемое решение о вступлении в брак»³².

Также поступали предложения о запрещении повторных браков или ограничении числа браков, в которые могут вступать граждане в течение своей жизни, о запрещении бракосочетания при значительной разнице в возрасте, об ограничении права вступления в брак наличием определенных материальных условий, жилой площади, образования и т.п.³³ Все эти предложения были отклонены как ограничивающие права граждан.

Основы были утверждены 27 июня 1968 г. и введены в действие с 1 октября 1968 г. До этого времени задерживалось принятие нового семейного кодекса.

Заключение

Трансформация советского законодательства о браке и семье в послевоенный период (1945–1960) предстает как многогранный процесс, отражающий глубокие сдвиги в идеологической, экономической и социальной парадигмах Советского государства. В условиях опустошения, причиненного Великой Отечественной войной, когда демографические потери достигли миллионов жизней, а экономика лежала в руинах, законодательная политика эволюционировала от строгого патерналистского контроля раннего послевоенного этапа к более гибким механизмам, балансирующим между коллективистскими принципами и признанием индивидуальных прав.

Законодательные реформы Советского государства акцентировали укрепление семейно-брачных институтов как базиса общественного воспроизводства, что выразилось в сериях норм, стимулирующих рождаемость и защищающих уязвимых членов семьи. Этот процесс не только заложил основу для дальнейшей либерализации семейного права в позднесоветский период, но и подчеркнул баланс между коллективистскими принципами равенства и постепенным признанием личностных аспектов в семейных отношениях.

³⁰ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 5.

³¹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 5.

³² ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 7.

³³ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 330. Л. 8.

При обсуждении Основ наибольшие дискуссии вызывали такие вопросы, как: 1) правовое положение внебрачных детей; 2) условия заключения и порядок расторжения брака, разрешение споров между родителями о воспитании детей; 3) судебное подтверждение родства отца, механизм внесения сведений об отце в акт о рождении ребенка, чьи родители не были связаны брачными обязательствами; 4) способы истребования и объемы пособий на обеспечение несовершеннолетних, права нуждающегося неработоспособного партнера на финансовую помощь от бывшего супруга после развода.

Отсутствие соответствующего правового регулирования актуальных вопросов неизбежно приводило к нарушению интересов, прежде всего детей, защита и охрана прав которых являлась и по-прежнему остается одной из основных задач семейного законодательства.

В контексте современных вызовов, связанных с глобализацией и демографическим кризисом, исторический опыт Советского Союза напоминает о необходимости адаптации правовых механизмов к меняющимся ценностям общества, обеспечивая гармонию между государственным интересом, и индивидуальной свободой, чтобы семейные институты оставались оплотом социальной стабильности и гарантом сохранения традиционных ценностей.

References / Список литературы

- Denisova, L.N. (2007) *The fate of a Russian peasant woman in the 20th century: Marriage, family, everyday life*. Moscow, Monuments of Historical Thought, ROSSPJeN Publ. (In Russian).
Денисова Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М. : Памятники ист. мысли, РОССПЭН, 2007. 476 с.
- Jurkevich, N.G. (1965) *Marriage Under Soviet Law*. Minsk, Science and Technology Publ. (In Russian).
Юркевич Н. Г. Заключение брака по советскому праву. Минск : Наука и техника, 1965. 142 с.
- Jurkevich, N.G. (2015) *Selected works*. Minsk, Editorial Board of the Journal “Industrial and Trade Law”. (In Russian).
Юркевич Н.Г. Избранные труды. Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2015. 592 с.
- Korolev, Ju.A. (1978) *Marriage and divorce: Modern trends*. Moscow, Legal literature Publ. (In Russian).
Королев Ю. А. Брак и развод: Современные тенденции. М. : Юридическая литература, 1978. 239 с.
- Mun, V.A. (2025) The Role of Church and State in the Resolution of Marital and Family Disputes: Historical and Legal Analysis of Mediation Procedures. *Kutafin Law Review*. 12 (3), 733-753. <https://www.doi.org/10.17803/2713-0533.2025.3.33.733-753>.
- Poljanskij, P.L. (2010) Formation of family law as an industry in Russia (statement of the problem). *Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. (2), 3–33. (In Russian). EDN: MNHONZ.
Полянский П.Л. Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 2. С. 3–33. EDN: MNHONZ.
- Rumjanceva, M.S. (1963) *Handbook of a woman worker: Women's rights under Soviet legislation*. Moscow, Profizdat. (In Russian).
Румянцева М.С. Справочник женщины-работницы: Права женщины по советскому законодательству. М. : Профиздат, 1963. 287 с.
- Shapovalova, Ja.A. (2013) Family and marriage relations in the USSR in 1944–1945. *Society: Philosophy, History, Culture*. (4), 50–53. (In Russian). EDN: RSTXSJ.

Шановалова Я. А. Семейно-брачные отношения в СССР в 1944–1945 гг. // Общество: философия, история, культура. 2013. № 4. С. 50–53. EDN: RSTXSJ.

Sinel'nikov, A.V. (1989) *Marriage and birth rates in the USSR*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian).

Синельников А. В. Брачность и рождаемость в СССР. М. : Наука, 1989. 101 с.

Sverdlov, G.M. (1941) On the subject and system of socialist family law. *The Soviet State and law*. (1), 57–69. (In Russian).

Свердлов Г.М. О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1941. № 1. С. 57–69.

Сведения об авторе:

Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, институт государственного управления и права, Государственный университет управления; 109542, Россия, Москва, Рязанский проспект, 99; профессор кафедры Фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский университет «Синергия»; 129090, Россия, Москва, ул. Мещанская, д.9/14, стр. 1

ORCID: 0000-0002-5686-5770; SPIN-код: 8489-4840

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

About the author:

Alexander Y. Epifanov – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Department of Public Law and Legal Support of Management, Institute of Public Administration and Law, State University of Management; 109542, Russia, Moscow, 99 Ryazansky Prospekt; Professor, Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Non-State Private Educational Institution of Higher Education Moscow University “Synergy”; 129090, Russia, Moscow, 9/14, p. 1 Meshchanskaya str.

ORCID: 0000-0002-5686-5770; SPIN-code: 8489-4840

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-103-120>
EDN: RBOUZX

Научная статья / Research Article

Ведение записей о рождении, браке и смерти в метрических книгах в России в XVIII – начале XX вв.: церковная и юридическая практика

В.А. Мун

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
 mun.viktoriya@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление и разграничение церковных и юридических аспектов, проистекавших из практики ведения метрических записей о рождении, браке и смерти в метрических книгах Российской империи в XVIII – начале XX вв. Метрические книги являются малоизученным источником для анализа соотношения государственного и церковного регулирования общественных отношений, в частности в сфере брака и семьи. Анализ эволюции законодательного регулирования ведения метрических книг свидетельствует о том, что метрические записи представляли собой важный источник информации не только с точки зрения фиксации церковных событий: рождения, вступления в брак и крещения, но и в вопросах всеобщей воинской повинности, государственной службы, налоговой системы, установления личности и юридических фактов в гражданском и уголовном судопроизводстве. В связи с частыми описками, пропусками и исправлениями в метрических книгах они по объективным причинам не могли служить единственным и неопровержимым доказательством фактов рождения, брака и смерти, а рассматривались в совокупности с другими письменными источниками и устными показаниями свидетелей. На этом фоне автор обращает внимание на дискуссии среди светских и церковных ученых по вопросу о передаче ведения метрических книг в светское ведомство. Автор выделяет сложности доказывания записей о рождении и браке в судах и указывает на отсутствие эффективных мер поддержки священникам в своевременном ведении документов. На основе анализа судебных дел формулируется вывод о постепенном формировании практики, согласно которой свидетельство о рождении, выданное консисторией в части удостоверения факта крещения, а также запись священно- и церковнослужителей о браке не могли быть предметом рассмотрения светского суда; предметом спора в светском суде могла быть запись о рождении лица, записанная священниками со слов третьих лиц.

Ключевые слова: право, государство, семейное законодательство, церковно-приходская практика, актовая запись, крещение

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 21 октября 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

© Мун В.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Мун В.А. Ведение записей о рождении, браке и смерти в метрических книгах в России в XVIII – начале XX вв.: церковная и юридическая практика // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 1. С. 103–120. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-103-120> EDN: RBOUZX

Metric books in imperial Russia: Church recording vs. legal proof (18th – early 20th centuries)

Victoria A. Mun

O.E. Kutafin Moscow State Law University, *Moscow, Russian Federation*

 mun.viktoriya@mail.ru

Abstract. The study distinguishes ecclesiastical from legal aspects in Russian Empire parish registers (metric books) spanning the 18th to early 20th centuries. These underutilized sources illuminate state-church interactions in marriage-family regulation and beyond. Analysis of legislative evolution reveals metric books' multifaceted role: recording church sacraments (birth, marriage, baptism) while supporting military conscription, civil service, taxation, and judicial identification. Frequent errors, omissions, and corrections limited metric books' standalone evidentiary value; courts required corroboration from additional documents and witness testimony. The research highlights scholarly debates on transferring registry management from ecclesiastical to secular authorities, alongside judicial challenges in proving birth and marriage records, and priests' inadequate administrative support. Judicial practice established that consistory baptism certificates and clerical marriage records gained presumptive validity, insulating them from secular court challenge. Secular disputes could only concern third-party declarations recorded by clergy.

Key words: family law, parish practice, metric books, registry office, baptism, church-state relations

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 21st October 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Mun, V.A. (2026) Metric books in imperial Russia: Church recording vs. legal proof (18th – early 20th centuries). *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 103–120. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-103-120> EDN: RBOUZX

Введение

Метрические книги – «публичные книги для записи рождений, браков, смертных случаев и других подобных событий»¹. Ведение соответствующих записей вызывали активные дискуссии среди светских и церковных ученых, а также государственных деятелей Российской империи XVIII – начала XX вв. На страницах юридической и церковной периодики («Московские ведомости», «Судебный вестник», «Юридическая газета», «Журнал министерства юстиции», «Новое время», «Церковный вестник», «Церковные ведомости», «Ярославские епархиальные ведомости»,

¹ Энциклопедический словарь : в 86 томах. Т. 19. Мекенень – Мифу-Баня. СПб. : типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон. 1896. С. 201.

«Владимирские епархиальные ведомости», «Минские епархиальные ведомости» и др.) активно обсуждались вопросы, проистекающие из церковно-приходской практики.

Законодательное регулирование все более детально регламентировало ведение метрических книг, внесение записей и выдачу свидетельств. Одновременно вводилась и ужесточалась юридическая ответственность священно- и церковнослужителей за нарушения в ведении метрических записей.

На фоне формализации процедур внесения метрических записей, издания инструкций и руководств для правильного ведения и проверки метрических записей выделяется обращение внимания С.П. Григоровского на то, что духовная власть дает непосредственное удостоверение только о крещении, а о рождении – вносит запись в метрическую книгу, основываясь лишь на сделанном ей показании ближайших к событию и заинтересованных свидетелей. Сам способ принятия этих показаний не установлен в законе, равно как и представление документов или составление предварительного какого-либо акта, каков обыск о браке².

Между тем перед священниками все чаще вставали вопросы практического характера, освещавшиеся в еженедельном журнале «Церковный вестник» в специальной рубрике «В области церковно-приходской практики». Например, священники спрашивали: могут ли причты выдавать метрические выписки о нескольких лицах на одном листе?³; как записывать в метрические книги детей раскольников от сводного брака, когда родители хотят их крестить у православного священника? Именовывать ли при этом детей законными или же незаконнорожденными? Следует ли требовать гербовые марки с лиц казачьего сословия при выдаче им метрических выписей? Следует ли взыскивать гербовый сбор с мещан при выдаче им метрических выписок о рождении детей, необходимых при сдаче последних в учебные заведения?⁴; имеет ли право и должен ли приходский священник выдавать удостоверение о нахождении в живых известного лица, живущего в его приходе, в частности, в таком приходе, где есть общественные учреждения: городское или волостное управление, становой пристав или мировой судья? Должен ли священник писать и выдавать метрическую выписку об одном и том же лице в двух и более экземпляре? Должен ли священник делать сам и писать справки о рождении большого количества прихожан для составления семейных списков волостными правлениями?⁵ и т.п.

Анализ эволюции законодательного регулирования ведения метрических книг свидетельствует о том, что метрические записи представляли собой важный источник информации не только в контексте фиксации церковных событий, но и в вопросах всеобщей воинской повинности, государственной службы, налоговой системы, установления личности и юридических фактов в гражданском и уголовном судопроизводстве. Как справедливо отмечал В.М. Нечаев, у государства существовала необходимость в точной фиксации момента рождения, заключения брака и осуществления гражданских прав. С разложением старых родовых, территориальных и сословных союзов, а также развитием свободы передвижения стало невозможным

² Григоровский С. По вопросу о метрической записи события крещения // Церковный вестник. 1896. № 11. С. 359–361.

³ Веденский В. В области церковно-приходской практики // Церковный вестник. 1887. № 48. С. 843.

⁴ Священник А.Т. Следует ли требовать гербовые марки с лиц казачьего сословия, при выдаче им метрических выписей? // Церковный вестник. 1888. № 31. С. 575.

⁵ Разъяснения некоторых недоумений по вопросам пастырской практики // Ярославские епархиальные ведомости. 1877. № 5. 2 февраля.

констатирование указанных моментов в жизни путем свидетельских показаний. Для общества усложнение гражданского оборота и необходимость частого заключения юридических сделок также приводили к потребности в частом удостоверении гражданского состояния отдельной личности. Отсюда – забота государства об организации записей рождений, браков и смертей на началах строгой публичности, гарантирующей безусловную точность сведений об этих событиях. Регистрация актов гражданского состояния служила также цели надзора как государства, так и церкви за правильностью отправления религиозных обязанностей⁶.

Проблематика ведения метрических книг в Российской империи раскрывалась дореволюционными учеными с точки зрения исторической демографии⁷ и статистики⁸.

Для настоящего исследования представляет интерес историко-правовой аспект ведения записей о рождении, браке и смерти. В этой связи стоит отметить, что наряду с важной значимостью записей метрических книг как источника информации юристы, пожалуй, были единодушны во мнении об их относительной достоверности. Например, К.П. Победоносцев указывал, что метрические книги являются главным доказательством законности рождения. Однако нередко случалось, что подлинные метрические книги были утрачены или выяснялось, что метрической записи вовсе не было внесено, либо запись имелась, но ее подлинность и достоверность оспаривались⁹. К причинам несовершенства способов ведения метрических книг В.М. Нечаев относил: 1) разнообразие вероисповедного состава российского государства и отсутствие единого порядка ведения метрических книг, особенно духовенством нехристианских исповеданий; 2) сословный строй России; 3) отсутствие строгого порядка ведения записей на протяжении всего времени; 4) физическую утрату метрических книг за многие годы¹⁰.

Таким образом, метрические книги, являясь главным доказательством факта рождения, брака и смерти, в то же время по объективным причинам не могли являться единственным доказательством. Наряду с ними юридическую силу имели обыскные книги, родословные дворянские и купеческие книги, исповедные росписи, сословные и формулярные списки, ревизские сказки, иные письменные доказательства, а также показания свидетелей, священника, причта и восприемников, участвовавших при крещении.

Особую ценность представляет работа Л.П. Новикова «Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан» (1907),

⁶ Волков А.Ф., Филипов Ю.Д. Словарь юридических и государственных наук. СПб. : т-во «Общественная польза», 1901–1902. Т. 1, вып. 1. 1901. 2526 ст.

⁷ Бессер Л.В. Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоого пола в России за 1851–1890 годы: СПб. : тип. Акад. наук, 1897. 124 с.; Журавский Д.П. Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев : тип. И. Вальнера, 1846. 210 с.

⁸ Герман К.Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб. : Печатано при Императорской Академии наук, 1819. 149 с.; Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград : тип. М-ва вн. дел, 1916. 208 с.; Веретенников И.В. Брачность, рождаемость и смертность среди крестьянского населения: по дан. для Землян. и Задон. уездов Воронеж. губ. Тифлис : тип. Я.И. Либермана, 1898. 88 с.

⁹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Права семейственные, наследственные и завещательные. Санкт-Петербург : Печатня В. Головина, 1871. 576 с.

¹⁰ Волков А.Ф., Филипов Ю.Д. Словарь юридических и государственных наук. СПб. : т-во «Общественная польза», 1901–1902. Т. 1, вып. 1. 1901. 2526 ст.

в которой проведен анализ юридического регулирования ведения метрических книг на основе законов, циркулярных указов Святейшего Синода, кассационной практики, циркуляров различных ведомств, а также определений епархиальных начальств, имевших местное значение, и мнений известных авторов по различным вопросам, возникавшим при ведении метрических книг¹¹ (Novikov, 1907).

В советский период невостребованность метрических книг исследователями объясняется в том числе тем, что приоритет отдавался изучению политико-экономической истории масс и классов, а также уходом на второй план роли частного лица в истории; слабой технической оснащенностью отечественных гуманитарных исследований (Antonov & Antonova, 2006:19). Советские ученые обращались к метрическим книгам преимущественно для изучения отдельных регионов Российской империи (Вуконя, 1981; Minenko, 1977). Б.Н. Мироновым осуществлен источниковедческий анализ метрических ведомостей в Российской империи, имевший важное значение для историко-демографических исследований (Mironov, 1998).

Среди современных работ можно выделить фундаментальный труд Д.Н. Антонова и И.А. Антоновой «Метрические книги России XVIII – начала XX вв.», в котором поставлен закономерный вопрос о природе метрических книг: являются ли они культовым или светским источником? С одной стороны, их формальное возникновение связано с документированием церковных таинств. С другой стороны, нельзя отрицать того факта, что метрические книги выступали как комплексный источник, в котором переплетались светские и культовые аспекты (Antonov & Antonova, 2006:39). В этой связи указанными авторами закономерно выделяется обширный функционал метрических книг, которые выполняли не только культовую, но и научную (статистико-демографическую), гражданско-правовую, а также фискальную функцию (Antonov & Antonova, 2006:46).

Итак, в вопросе ведения записей о рождении, браке и смерти в метрических книгах в России в XVIII – начале XX вв. соединились вопросы церковной и юридической практики.

Церковно-государственное регулирование вопроса ведения записей о рождении, браке и смерти в метрических книгах

Еще в 1646 г. Петр Могила на Метрополитанском соборе ввел обязательное ведение метрических книг каждым священником. Однако после смерти Петра Могилы 1 января 1647 г. эти книги были заброшены¹². Согласно 11-му деянию Московского собора 1666 г. Церковью было установлено правило: «...велеть всем священникам держати во всех церквах записные четыре книги, и велеть записывать, кто с кем поемлется в брак, и кто у кого и чей преемник в крещении бывает»¹³. Данное соборное постановление не давало четких указаний по форме ведения этих записей. В нем подчеркивалось, что необходимо иметь четыре специальные книги, но не разъяснялось, какие именно сведения должны фиксироваться в каждой из них по отдельности.

¹¹ Новиков Л.П. Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан. СПб. : тип. А.С. Суворина, 1907. 292 с.

¹² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XIX (37). Мекенен — Мифу-Баня. СПб. : Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1896. С. 203.

¹³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею : в 12 томах. 1846–1872. Т. 5. 1853. СПб. : В тип. Эдуарда Праца. С. 461.

Наибольшее внимание уделялось записям о крещении младенцев и лицах, вступающих в брак. Священник обязывается этим соборным правилом записывать 1) сведения о рождении и крещении младенцев (месяц и день крещения, название города, или села своего прихода, имя отца и матери крещаемого, имена восприемников и название приходов, к которым они принадлежат); 2) сведения о незаконнорожденных детях и найденных; 3) наставление касательно крещения и записи больных младенцев (Ignatovich, 1861).

Относительно вступления в брак отмечалось: «Книга о супружестве, о венчаных, пишется в соборной церкви: и вам бы приказывать священникам накрепко, чтобы отроков без соборных, а вдовцов и вдовиц с патриарша двора без памятей, отнюдь не венчати; а память взяв обыскивати накрепко против памятей, а не обыскав отнюдь не венчати же»¹⁴.

Таким образом, приходские священники были обязаны вести метрические книги, в которые заносились основные данные о проведенных таинствах крещения и бракосочетания, а также о погребении усопших. Несмотря на эти указания, постановление оставляло открытыми многие вопросы относительно структуры и порядка ведения метрических книг.

Первым светским законодательным оформлением правил ведения метрических книг стал указ 1702 г., согласно которому в Москве предписывалось всем приходским церквям обеспечить ведение таких книг священниками (если они еще не были заведены). В этих книгах фиксировались имена крещеных детей, а также имена умерших независимо от их сословия и возраста. На основании этих записей священники должны были составлять ведомости для представления в Патриарший Духовный приказ¹⁵.

В 1722 г. в Прибавлении к Духовному регламенту разъяснялось, что «должны же отселе священницы иметь всяк у себя книги, которые обычно нарицаются метрики, то есть книги записные», в которых следовало фиксировать в приходе: 1) рождение и крещение младенцев с указанием года и дня, а также имен родителей и восприемников; 2) умерших младенцев, не получивших крещения «с приписанием вины, коей ради младенец лишен Святого крещения»; 3) лиц, вступающих в брак; 4) умирающих «с приписанием по Христианской должности в покаянии преставились и погребаемые»; 5) лиц, не получивших христианского погребения, «с указанием вины, чего ради не получил Христианского погребения, со означением года и дня» (пункт 29)¹⁶. Таким образом, устанавливалось обязательное ведение метрических книг в Российской империи, в которых фиксировались сведения о рождении, крещении, вступлении в брак и смерти.

Очевидно требования светской власти по ведению метрических записей не исполнялись, поскольку в Синодском Указе от 20 февраля 1724 г. подчеркивалось, что, несмотря на предыдущие распоряжения Его Величества, обязывающие священников повсеместно вести метрические книги и направлять их в соответствующее правительство, Синод не получает никаких отчетов из каких-либо мест. Указом 1724 г.

¹⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею : в 12 томах. 1846–1872. Т. 5. 1853. СПб. : В тип. Эдуарда Праца. С. 462.

¹⁵ Именной Указ «О подаче в патриарший Духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших» от 14 апреля 1702 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Т. IV. № 1908.

¹⁶ Прибавление к Духовному Регламенту: «Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского» май 1722 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Т. VI. № 4022.

вводились формы ведения метрических книг, согласно которым необходимо было заполнять сведения: «о рождающихся» (часть I); «о бракосочетавшихся» (часть II), «о умерших» (часть III). С целью обеспечения точного учета численности рождающихся, вступающих в брак и умирающих людей в государстве приводились образцы метрических книг¹⁷.

Несмотря на то, что законы, регулирующие ведение метрических записей, принимались и до Петра I, специалисты, изучающие историю метрических книг, отмечают существенное влияние петровских указов и его политики на метрикацию России (Antonov & Antonova, 2006:41). Историк М.К. Цатурова пишет об «изобретении» Петром I метрических книг во второй раз, имея в виду их редкое исправное ведение до петровских указов, начиная с XVII в. (Tsaturova, 1991:32). Историк Н.А. Миненко отмечает, что дело ведения метрических книг осуществлялось с большим трудом еще и потому что, приходские священники противились выполнению функций метрического учета. Так, в 1780-х гг. епископ Варлаам обратился к тобольскому наместнику Е.П. Кашкину с просьбой оказать содействие в организации церковного учета прихожан. Указом наместника повелевалось метрические книги и исповедные росписи «сочинять» волостным судам и представлять их приходским священникам, а также в нижние земские суды. Предполагалось, что сельские жители сами будут являться в волостные суды и сообщать все необходимые сведения. Однако «задуманная реформа церковного учета населения» не была реализована: как волостные власти не торопились исполнять распоряжение наместника, так и крестьяне не являлись к ним и не сообщали необходимые сведения. Тут же выяснилось, что и сами приходские священники не одобрили намеченной реформы Е.П. Кашкина, – их деятельность неожиданно оказывалась под контролем светского начальства (Minenko, 1979:32–33).

Антонов Д.Н. и Антонова И.А. в этой связи отмечают любопытный факт: «если западноевропейские клирикальные власти на протяжении полутора веков сопротивлялись передаче регистрации светским властям, то в России священники с конца XVIII в. протестовали против ведения метрик Церковью... Российское государство фактически с начала XVIII в. соединило свои потребности с церковными» (Antonov & Antonova, 2006:42).

С юридической точки зрения важность метрических записей скоро обнаружилась в суде. Так, Указом от 31 августа 1765 г. Правительствующий Сенат, рассмотрев материалы о малолетних преступниках, отметил, что их преступления иногда схожи с умышленными злодеяниями взрослых, но суды полагаются лишь на собственные показания обвиняемых, без проверки возраста. Это позволяло взрослым скрывать свой возраст, чтобы избежать наказания. Для пресечения таких уловок Сенат приказал: во всех присутственных местах при задержании несовершеннолетних преступников сверять их возраст с ревизскими книгами и ведомостями от духовных консисторий и приходских священников. Решения принимать на основе этих справок¹⁸.

Синодским Указом от 23 ноября 1779 г. вновь был поднят вопрос о надлежащем ведении метрических книг. Поводом послужило слушание дела об убийстве 6 ноября

¹⁷ Синодский Указ «О содержании священникам метрических книг для записи рождающихся, браком сочетавшихся и умирающих, и о присылке из оных ежегодно экстрактов к Архиепископам» от 20 февраля 1724 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Т. VII. № 4480.

¹⁸ Сенатский Указ «О собирании справок о местах преступников, выдающих себя за малолетних» от 31 августа 1765 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Т. XVII. Закон № 12463.

1779 г., в ходе которого подсудимый заявлял о своем несовершеннолетии. Для проверки этого обстоятельства были истребованы метрические книги по месту рождения подсудимого, однако запрашиваемые книги отсутствовали. Кроме того, в указе отмечалось, что «не только из сего, но и из других подобного рода дел, по коим приличившиеся в разных преступлениях Малороссияне называли себя несовершеннолетними, примечено, что по чинимым с метрическими тех мест, в коих они родились, книгами выправкам, о времени их рождений никакой записки не оказалось; почему Малороссийские судебные места и принуждены утверждаться в том на показаниях восприемников и других свидетелей, иногда же и по одному только наружному виду гадательно заключать о летах таковых преступников, а из сего легко может произойти то, что и совершенных лет преступников, под видом несовершеннолетнего, избежать следуемого ему по законам строгого наказания, обратиться к злодеяниям»¹⁹.

В связи с этим Правительствующий Сенат в 1779 г. постановил: на основании Духовного регламента 1722 г. всем священникам и архиерейским консисториям строго вести метрические книги о рождениях, браках и смертях, поскольку они необходимы для различных справок. Повторялось требование записывать сведения без пропусков по установленной форме. Для правильного ведения записей в каждую Церковь были разосланы тетради из Духовных Правлений. По окончании года тетради надлежало собирать в консисториях и хранить для надежных справок. Священно- и церковнослужители обязаны были подтверждать ведение книг подписками, а благочинные – проверять их при осмотре церковей, взыскивая с нерадивых и требуя исправлений. Кроме того, по прежним указам предписывалось направлять краткие экстракты в Святейший Синод и ежегодные рапорты из епархий о сборе и хранении метрических книг. За отсутствие книг или упущения виновные подлежали «жесточайшему штрафованию»²⁰.

Однако это не помогло наладить дело метрического учета. Так, в 1794 г., когда Екатерина II пожелала узнать численность рожденных, вступивших в супружество и умерших людей после ревизии 1782 г., Канцелярия Святейшего Синода представила справку о том, что запрашиваемые сведения были предоставлены только из 9 епархий²¹. Учитывая, что в Русской Церкви к 1784 г. насчитывалось 33 самостоятельных епархий²² (Pokrovsky, 1913:24), Святейший Синод потребовал предоставить эти сведения «в самой скорости...», а до тех пор «секретарей консисторских и других, за кем остановка последовала, понудить неослабно и покуда не сочинят, держать их за стражею в Консисториях или в Духовных Правлениях, где кого следует без выпуску»²³. Для того чтобы впредь не допускать подобной волокиты, указ

¹⁹ Синодский Указ «О исправном содержании метрических книг во всех приходских церквах» от 23 ноября 1779 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Т. XX. № 14948.

²⁰ Там же.

²¹ Синодский, вследствие Именного указ «О присылке метрических экстрактов в Синод из всех Епархий о рождающихся, браком сочетавшихся и о умерших» от 29 марта 1794 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Т. XXIII. № 17192.

²² Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования : в 2 томах. Т. 2. 1913. Приложение 2. Казань : Центр. тип., 1913. С. 24.

²³ Синодский, вследствие Именного указ «О присылке метрических экстрактов в Синод из всех Епархий о рождающихся, браком сочетавшихся и о умерших» от 29 марта 1794 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Т. XXIII. № 17192.

предусматривал штраф за непредоставление сведений о рожденных, вступивших в супружество и умерших.

Несмотря на санкции и неоднократные требования Святейшего Синода к аккуратному ведению метрических книг, имелись проволочки в данном вопросе. Для облегчения ведения метрических записей Синодским указом от 17 мая 1802 г. предписывалось: 1) всем Консисториям и Духовным Правлениям строго обеспечить ежегодное изготовление для каждой церкви метрических прошнурованных тетрадей с подробным указанием порядка ведения записей и их раздачу по приходам; 2) священно- и церковнослужителям каждого прихода при получении метрических книг из Консистории или Духовного Правления предписывалось хранить их исключительно в самой церкви, а не в домах служителей; 3) после совершения треб – молитв, крещения младенцев, венчания браков и погребения умерших – записи о них должны были немедленно вноситься самим священником или через дьяконов и причетников в метрические книги с максимальной точностью и указанием исполнителя обряда и даты; 4) по окончании года, в начале следующего, с каждой метрической книги следовало изготовлять копию, которую необходимо было бережно хранить в ризницах церкви, защищая от порчи и пожара; 5) духовные правления, получая метрические тетради, после проверки правильности ведения записей должны были обеспечить их сохранность²⁴.

Особое внимание уделялось ведению записей о браках: для фиксации обысков, проводимых священниками перед венчанием, вводилась обязательная регистрация в специальных белых прошнурованных книгах, которые также хранились в ризницах вместе с копиями метрических тетрадей. Все священно- и церковнослужители – священники, дьяконы, дьячки и пономари – при допущении упущений или неисправностей в ведении метрических книг и обысков несли ответственность и подлежали взысканиям, независимо от того, совершили ли они ошибку лично или сообщили о ней. В случае нарушения правил ведения записей и обрядов служители могли быть отстранены от совершения венчаний и даже подвергнуты судебному разбирательству, порой даже по причине неведения. Указ был предписан к рассылке во все церкви²⁵.

Печатание специально разлинованных и подписанных листов для метрических книг было удобным подспорьем для священно- и церковнослужителей, в связи с чем в 1806 г. синодальная типография обязалась напечатать их «потребное число экземпляров»²⁶.

В 1831 г. Синодским указом были утверждены новые формы метрических книг, составленные в Святейшем Синоде «для лучшего руководства к исправнейшему ведению» событий, относящихся к рождению, вступлению в брак и смертным случаям²⁷. В 1838 г. были введены дополнительные правила для «исправнейшего

²⁴ Синодский Указ «О содержании в предписанном порядке метрических книг, и о шнуровых книгах, выдаваемых из Консисторий или духовных Правлений на каждую Церковь для ведения обысков» от 17 мая 1802 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Том XL. Общее приложение к томам Полного Собрания Законов к тому XXVII. № 20266.а.

²⁵ Там же.

²⁶ Синодский Указ «О форме метрических книг» от 7 мая 1806 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Т. XXIX. № 22118.

²⁷ Синодский Указ «О новых формах метрическим книгам» от 28 февраля 1831 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. VI. Ч. I. № 4397.

ведения метрических книг» с новыми образцами изложения сведений о рождении, браке и смертных случаях²⁸.

В Уставе Духовных консисторий от 27 марта 1841 г. закреплялись положения: «Все рождающиеся, брачующиеся и умирающие в приходах выписываются в метрические книги по данной форме. Книги пишутся в двух экземплярах, из коих один представляется в консисторию непосредственно или через Духовное Правление (п. 105). Прихожане могут получать от приходского причта свидетельство из метрических книг о касающихся до них и членов их семейств случаев рождения, брака или погребения (п. 107). На консисторию возлагается раздача по приходским церквям книг для писания брачных обысков и при выдаче новых освидетельствование исправности прежних и рассмотрение об открывающихся в них неисправностях (п. 108)»²⁹.

В редакции 1883 г. Устав Духовных Консисторий сохранил положение, согласно которому рождающиеся, брачующиеся и умершие в приходах вносятся в метрические книги по установленной форме в двух экземплярах: один представляется в консисторию, а другой хранится в церкви (ст. 99)³⁰.

Том IX (Законы о состояниях) Свода законов Российской империи (изд. 1899 г.) содержал следующие положения: 1) акты состояния по духовному ведомству православного исповедания фиксируются в приходских (метрических) книгах, которые ведут священнослужители и причетники каждого прихода (ст. 859); 2) приходские книги разделяются на три части: I. О рождающихся; II. О бракосочетавшихся; III. Об умерших (ст. 860); 3) родившиеся, бракосочетавшиеся и умершие записываются в книги не по памяти или на основании показаний семейств, а немедленно после совершения соответствующей церковной требы (молитвы при рождении и крещении младенца, венчания или погребения); прихожане же обязаны незамедлительно извещать приходского священника об умерших в своих семьях (ст. 864)³¹.

Секуляризация вопросов ведения записей о рождении, бракосочетании и смерти произошла после учреждения в 1917 г. отдела записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе, в компетенцию которого отныне стало входить ведение учета событий брака (ст. 4), рождения ребенка (ст. 7) и смерти (ст. 11). Одновременно всем духовным и административным учреждениям, ранее осуществлявшим регистрацию браков, рождений и смертей по обрядам любых вероисповедных культов, предписывалось незамедлительно пересылать регистрационные книги в соответствующие городские, уездные, волостные и земские управы для их дальнейшего хранения³².

²⁸ Синодским по Высочайшему повелению Указу «О ведении метрических книг по новым формам» от 7 февраля 1838 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XIII. Ч. I. № 10956.

²⁹ Высочайше утвержденный Устав Духовных Консисторий от 27 марта 1841 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е (1825–1881). Т. XVI. Ч. I. Закон № 14409.

³⁰ Высочайшее повеление, сообщенное Сенату ведением Святейшего Синода «О введении в действие Устава Духовных Консисторий в исправленном виде» от 9 апреля 1883 г. // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. III. № 1495.

³¹ Законы о состояниях // Свод Законов Российской империи (издание 1876–1917). Т. IX. Кн. 2. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1899. С. 101–102.

³² Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // СУ РСФСР. 1917. № 11, ст. 160.

К вопросу о передаче ведения метрических книг в светское ведомство

Можно выделить две позиции относительно вопроса ведения церковными и священнослужителями записей о рождении, браке и смерти в метрических книгах. Согласно первой – подвергался критике существовавший порядок ведения метрических книг. В обоснование данной точки зрения отмечалось, что 1) священники не обладают юридическим навыком и «деловитой сухостью» для точного удостоверения гражданских прав; 2) регистрация рождений часто поручалась причетникам, которые записывали данные со слов посторонних, без проверки (например, незаконно рожденные дети могли быть записаны как законные); 3) даже если запись осуществлялась непосредственно священником, то чаще всего духовные лица стеснялись требовать акты о браке, из чего следовали фактические ошибки и опiski в именах; 4) погребения в сельской местности происходили без медицинского свидетельства и удостоверения личности, что на практике приводило к недоразумениям; 5) отмечалось, что духовенство косвенно желало избавиться от канцелярской нагрузки и большого количества отписок, представлений и проч.³³ По обозначенным причинам предлагалось передать функции ведения записей о рождении, браке и смерти в светское ведомство.

С другой стороны, в ответ на данные аргументы отмечалось: 1) составление метрических актов не требует ни специального навыка, «ни какой-то сухости». Это не какой-либо сложный договор «с хитрыми крючками, не контракт с сотнями параграфов, с массой примечаний, а точно прямо и ясно выраженная формула, которую стоит только раз прочесть пятнадцатилетнему школяру, чтобы по ней вполне безошибочно он мог составить акт с внешней стороны». 2) Священники могут (и должны) требовать доказательства законности брака, особенно от незнакомых лиц, как это уже делается при бракосочетаниях. Опять же отмечалось: «Неужели это такая головомная, непостижимая официция, что священника не станет, чтоб оную выполнить? Неужели священник станет стесняться требовать акт о правильности супружеского сожития, коль скоро это вменено будет ему в обязанность, как теперь указано ему не производить бракосочетаний без получения от брачующихся надлежащих документальных данных». Более того, документальное доказательство законности брака священнику будет необходимо не сплошь и рядом без исключений как для нотариуса, – оно явится для него потребным только со стороны лиц неизвестных ему. Если бы и отыскался такой иерей «пунктуалист», который требовал такого доказательства решительно при каждой записи в метрику факта рождения, то ему довольно часто, больше, чем наполовину, приходилось бы выслушивать ответы на свои заявления: «я венчался в здешней церкви, а потому и потрудитесь отыскать запись об этом в своих книгах», или «я венчался у вас самих того-то, какой же вам документ необходим»? 3) Передача дела ведения метрических книг светскому лицу, например нотариусу – не устранил беспорядки, а усугубит их: для крестьян возникнут затруднения (поиск выписей о браке из других приходов или губерний), увеличится бумажная работа (выписи из церковных книг все равно понадобятся на десятилетия). Нотариусы не смогут работать в каждом приходе – в летнюю страду крестьяне ограничатся только крещением, а факт рождения, регистрации брака и смерти – останутся без внимания и оформления. К тому же невозможно допустить, чтобы на

³³ Павловский И. О передаче церковных метрик в светское ведомство // Церковный вестник издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1878. № 34. С. 1–2.

каждый приход был определен особый нотариус, он будет иметь в заведывании несколько приходов, что только усугубит волокиту³⁴.

Примечательно, что крестьяне в своих жалобах, прошениях и обращениях к епархиальному начальству также описывали халатное ведение метрических записей церковными служителями. Например, описывался в одной жалобе такой случай: малограмотный дьячок, выпускник духовного училища, записывал всех родившихся, браком сочетавшихся и умерших на маленьких отдельных лоскутах бумаги. Два раза в год, перед приездом благочинного, он вносил эти записи в официальные метрические книги. Дьячок вешал клочки с записями под божницей на гвоздике. Затем можно было наблюдать, как «жирный кот Васька», видя торчащие кончики бумажек, заигрывал лапкой, срывая ту или иную запись, а иногда разносил все сорванные бумажки, играя с ними, как с мышкой, и разрывая на мелкие части острыми когтями³⁵. Конечно, об аккуратном ведении метрических записей после этого говорить не приходилось.

Однако представляет интерес, что крестьяне, обращаясь в редакцию газет, подавая жалобы и прошения епархиальному начальству, возлагали надежду на разработку особой инструкции епархиальному начальству о неуклонном наблюдении за правильным ведением метрических книг. Они писали: «Было бы желательно, чтобы по крайней мере на этот раз подобная инструкция оказалась на практике делом живым, а не мертвой лишь буквой»³⁶. Таким образом, сами крестьяне надеялись, что ведение записей о рождении, браке и смерти и далее будет осуществляться духовными лицами, однако более исправно и аккуратно.

Исправление и восстановление записей о рождении, браке и смерти в метрических книгах

Случаи неправильности (описок) записей о родившихся, бракосочетавшихся и умерших в метрических книгах были нередкими явлениями. Например, в Самарской консистории, бывало, в год по 800 подобных дел, то есть по меньше мере совершалось 2 ошибки в день. «Нет никакого основания считать Самарскую епархию каким-либо печальным исключением в этом случае: приблизительно тоже вероятно оказывается и везде»³⁷.

Сами священники выделяли следующие причины подобного положения дел. Во-первых, пропуски и ошибки в записях рождений объяснялись тем, что браки и погребения совершались в назначенное время, о чем причты уведомлялись заранее, позволяя тщательно вести записи, тогда как крещения происходили в любое время суток. Более того, крещение нередко приходилось совершать на дому, по слабости здоровья младенцев, в ночное время, – «нельзя же нести туда с собой и метрику; приходится совершать перед литургией, даже во время литургии, когда некогда записывать в метрику и по необходимости делается предварительная запись наскоро на бумажке, а после с нее или прямо на память, в метрику»³⁸. Ошибки в записях рождений чаще касались имени: лицо может быть записано под одним именем,

³⁴ Павловский И. О передаче церковных метрик в светское ведомство // Церковный вестник издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1878. № 34. С. 1–2.

³⁵ Метрические записи // Гражданин. 1892. № 120. 1 мая.

³⁶ Метрические записи // Гражданин. 1892. № 120. 1 мая.

³⁷ О метрических записях // Владимирские епархиальные ведомости. 1887. № 13. 1 июля.

³⁸ Ушмарский А. О метрических записях // Церковный вестник. 1887. № 21. С. 361–362.

а иногда его заменяют другим. Подобные ошибки доставляли заинтересованным лицам много хлопот, издержек и неприятностей в будущем, например, при воинской повинности, вступлении в наследство или венчании.

Во-вторых, священники отмечали, что большое количество случаев рождений, браков и смертей приходилось фиксировать одному лицу: «на 100 случаев или событий, вносимых в метрики, 5 или 10 наверно будут вписаны неверно и неисправно, и в этой неверности и неисправности положительно никого нельзя винить, кроме обстановки дела. При записывании полторы тысяч душ, невольно поставишь иной раз 17, вместо 18 или совсем кого пропустишь. Каждую страницу я проверяю сам по два, по три раза, давал другому поверять. Как будто все исправно. Дашь третьему поверить. Глядь и ошибка... В этих случаях много неприятностей... для прихожан и для священника, который страдает своей честью, искренностью взаимных отношений между своими товарищами»³⁹.

В-третьих, неприятны были и ошибки в записях о смерти: «по передним консисториям не мало можно встретить страдальцев, ожидающих решения, считать ли им себя в числе живых людей или заживо ложиться в могилу»⁴⁰. Причиной подобных неурядиц вновь служило то, что данные фиксировались со слов и в обстановке, не способствующей педантичности к оформлению документов.

Обращает на себя внимание, что сами священники не снимали с себя ответственности за правильное и аккуратное ведение метрических записей. В случае болезни, отлучки или других уважительных причин обязанный вести метрики мог, с разрешения настоятеля, привлекать для письмоводства сторонних лиц, но ответственность за целостность и исправность оставалась на нем. Если псаломщик или иное лицо, на которое возложена обязанность, не обладали достаточной грамотностью, они обязаны были нанимать писцов за свой счет или договариваться с настоятелем, причтом или другими членами, получая вознаграждение по взаимному соглашению. «В непредставлении какого-либо рода отчетности по церкви, в опущении и неисправности церковно-приходских книг и записей и т.п. должен был являться прежде всего настоятель»⁴¹.

Наряду с обозначенными распространенными причинами, ведущими к негативным последствиям и проволочкам, А. Ушмарский констатировал, что кроме общего надзора благочинных за правильным и своевременным ведением всех вообще церковных документов никаких мер более не предпринималось. При этом наблюдение благочинных обыкновенно ограничивалось тем, что они два раза в год смотрели метрические книги и конечно, не могли узнать своевременно ли записывалась каждая треба, правильно ли записана, и все ли требы записаны⁴².

Итак, пожалуй, наиболее сложными с точки зрения доказывания были споры в случае неправильности (описок, исправлений, неточностей) в записях о рождении и регистрации брака. Иногда такие записи вовсе отсутствовали.

Кассационный департамент Правительствующего Сената проводил различие между доказательственным значением и характером участия духовной власти в метрических записях *о браке и о рождении*.

³⁹ Священник Я. Т-въ. К вопросу о церковных документах // Духовный вестник. 1866. № 9. С. 79–91.

⁴⁰ Ушмарский А. О метрических записях // Церковный вестник. 1887. № 21. С. 361–362.

⁴¹ О правильном ведении метрических книг // Ярославские епархиальные ведомости. 1880. № 32. 6 августа.

⁴² Ушмарский А. О метрических записях // Церковный вестник. 1887. № 21. С. 361–362.

Метрическая запись о рождении свидетельствовала о двух разных событиях: 1) о естественном событии рождения; и 2) о церковном совершении таинства крещения. Духовная власть давала непосредственное удостоверение о крещении, а о рождении вносила запись в книгу со слов свидетелей⁴³. По этой причине в суде метрическая запись о рождении служила лишь одним из доказательств родства, подлежащих проверке и обсуждению с точки зрения достоверности, и принималась, пока не заявлялось об обратном. В случае спора о неправильности или несоответствии истине внесенных данных о рождении, вопрос разрешался в гражданском суде. Например, Александра Сыроболярская значилась в метрических книгах как незаконнорожденная, в связи с чем Тамбовский окружной суд 13 декабря 1891 г. отказал в удовлетворении иска наследников о признании за ними имущественных прав после смерти А. Сыроболярской. Данное решение было отменено в Саратовской судебной палате, требования наследников были удовлетворены. Суд апелляционной инстанции установил, что А. Сыроболярская родилась в 1818 г. в законном браке, заключенном в 1816 г. В данном случае суд исходил из того, что запись в метриках не имеет решающего значения. Ключевыми были вопросы: 1) рождена ли Александра в законном браке Николая с Матреной; 2) как сам отец относился к законности детей. Согласно ревизской сказке 1834 г. и сведениям, отраженным в межевых книгах 1842 г., Александра значилась дочерью Николая, в связи с чем доводы о незаконнорожденности судом были отвергнуты. Правительствующий Сенат оставил решение Саратовской судебной палаты без изменения (К.З., 1895:143).

Свидетельство о рождении, выданное консисторией в части удостоверения факта крещения – также не могло быть предметом рассмотрения светского суда. Предметом спора могла быть запись о рождении лица, которая записывалась священниками со слов третьих лиц. По этой причине метрические записи о рождении служили лишь одним из доказательств родства, подлежащих проверке и обсуждению в светском суде с точки зрения достоверности. Стороны не могли ссылаться на них как на неопровержимые доказательства. В данном случае действовала презумпция законности, пока не заявлялось об обратном. Юридически значимыми фактами, создававшими предположение о законности рождения, служили: наличие законного брака и рождение ребенка в этом браке.

Другое дело – оспаривание записи о браке. Поскольку совершение таинства бракосочетания немыслимо без участия священнослужителей, то запись духовного лица напрямую свидетельствовала о том, что брак был совершен по чину православной церкви. Отсюда постановление консистории и Святейшего Синода по вопросам действительности и законности браков являлось решением духовного суда, обязательным для гражданского суда.

Исходя из обозначенных различий доказывания законности рождения и брака, между прочим, возник спор о том, возможно ли сузить компетенцию духовного суда в вопросах, касающихся определения гражданского состояния лица. Речь шла о допустимых полномочиях духовного суда вносить исправления в метрические записи о рождении: «всякое исправление духовным судом метрической записи о рождении, которое клонилось бы к признанию данного лица законным или незаконным, не должно входить в компетенцию суда, как равносильное самостоятельному разрешению вопроса о законности или незаконности происхождения данного лица, вопроса,

⁴³ Исправление метрических записей духовным судом // Юридическая газета. 1895. № 43. 4 июня.

всецело и безусловно подсудного только суду светскому»⁴⁴. В этой связи предлагалось предоставить духовному суду вносить исправления в метрические записи только после разрешения светским судом спора о законности и незаконности рождения заинтересованного лица. Подобная позиция вызывала критику на страницах «Юридической газеты», поскольку из прямого толкования статей 263, 264 и 265 Устава Духовных консисторий следовало, что духовный суд обязан самостоятельно принимать решения о признании законности рождения⁴⁵.

Представляет интерес тот факт, что инициатива ограничения пределов компетенции духовного суда по указанному вопросу принадлежала самой духовной власти. Так, Епархиальным начальством было постановлено по одному делу о внесении записи о рождении и об исправлении записи о браке. Святейшим Синодом указанное решение было отменено, поскольку было установлено, что запись о рождении заинтересованного лица в метрических книгах не была найдена, а запись о браке содержала неточность, не оспариваемую в течение 100 лет. Святейший правительствующий Синод отменил решение Епархиального начальства и в связи с распространенностью подобных дел, Синод в циркулярном указе № 6 от 23 августа 1889 г. обратил внимание всех епархий: для засвидетельствования законного рождения и законного брака, не внесенных в метрические книги, Консистория должна всесторонне и тщательно рассмотреть доказательства: обыскную книгу, исповедные росписи, гражданские документы, а также исследовать показания причта, совершившего брак или крещение, и свидетелей. При отсутствии в своем распоряжении всех данных, совокупность которых свидетельствовала бы о законности рождения и брака консистория не должна посягать на восстановление и исправление метрических записей⁴⁶.

О том, что вопрос об исправлении метрических записей был актуальным, свидетельствует востребованность различных руководств к производству дознаний и следствий о проступках священно- и церковнослужителей, а также о событиях браков и рождений, не записанных или неправильно записанных в метриках. В них содержались инструкции об исправлении записей и юридически важные факты, подлежащие установлению по таким делам⁴⁷ (Lukanin, 1880).

Пожалуй, для заинтересованных лиц негативным следствием неправильно составленной метрической записи была волокита. Ввиду строгого наказания за венчание несовершеннолетнего ни один причт не соглашался повенчать «пропущенного или неправильно записанного по метрическим книгам». Поданное прошение о восстановлении записи возбуждало следствие, которое длилось не менее полугода. Священники обременялись производством таких следствий по пропускам и неправильным записям, поскольку обычно дела поручались священнику, не участвовавшему в совершении пропущенной или неправильно записанной требы⁴⁸.

Другое юридическое следствие неправильно составленных метрических записей заключалось в фактическом наделении или лишении прав заинтересованного

⁴⁴ Исправление метрических записей духовным судом // Юридическая газета. 1895. № 43. 4 июня.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Завьялов А.А. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. СПб.: И.Л. Тузов, 1901. 444 с.

⁴⁷ Чижевский И.Л. Руководство к производству следствий к удостоверению действительности браков и рождений и по случаям упущений и неправильных записей в метрических книгах. Харьков: тип. М. Зильберберга, 1877. 30 с.

⁴⁸ Ушмарский А. О метрических записях // Церковный вестник. 1887. № 21. С. 361–362.

лица. Например, достаточно занести в запись, что ребенок родился от А и Б, состоящих в браке (хотя они не состояли), чтобы предоставить ему права законнорожденного, или, наоборот, указать на внебрачную связь (хотя имел место законный брак), чтобы лишить этих прав (K.Z., 1895:150). Именно по этой причине право на иск об установлении законности рождения или изменении записей в метрические книги принадлежало заинтересованному лицу и его наследникам без ограничения сроков. Ограничение таких споров было бы равносильно возможности приобретать или терять права состояния, вытекающие из брачного союза, на основе неверных записей.

Заключение

В России XVIII – начала XX вв. вопросы ведения записей о рождении, браке и смерти в метрических книгах тесно переплетались с церковной и юридической практикой. Изначально приходские священники обязаны были вести эти книги, фиксируя данные о проведенных таинствах крещения и бракосочетания, а также о погребении усопших. Однако метрические записи служили важным источником информации не только для фиксации церковных событий, но и для решения вопросов воинской повинности, государственной службы, налоговой системы, установления личности, а также юридических фактов в гражданском и уголовном судопроизводстве. Эволюция законодательного регулирования ведения метрических книг была обусловлена необходимостью для государства точно учитывать и фиксировать эти факты.

Сложности, возникавшие из церковно-приходской практики внесения метрических записей, были обусловлены разнообразием вероисповедного состава Российской империи и отсутствием единого порядка ведения книг, особенно среди духовенства нехристианских исповеданий; сословным строем России; отсутствием строгого порядка ведения записей на протяжении всего периода; физической утратой метрических книг за многие годы; многочисленностью рождений, браков и смертей, приходящихся на каждого священно- и церковнослужителя; специфичной обстановкой, при которой приходилось совершать метрические записи (ночное время суток, совершение их на дому и др.); отсутствием эффективных государственных мер для помощи священникам в правильном и своевременном ведении церковных документов.

Несмотря на критику существовавшего порядка ведения метрических книг духовными лицами, на страницах церковных и светских газет и журналов обосновывалась нецелесообразность передачи ведения метрических книг в светское ведомство. Примечательно, что сами крестьяне, обращаясь с многочисленными прошениями о внесении исправления в метрические записях, не высказывали, однако, поддержку секуляризации вопроса ведения метрических книг.

С юридической точки зрения наибольшие затруднения представляли неправильные записи о рождении и браке из-за сложности их доказывания. Конечно, ввиду многочисленных неточностей в метрических записях, они не могли служить единственным доказательством в суде. При оспаривании записи о рождении предметом рассмотрения светского суда могла стать исключительно запись о рождении, исключая запись о крещении. При оспаривании записи о браке преюдициальное значение имело решение духовного суда, обязательное для гражданского суда, поскольку само таинство брака немислимо без участия духовного лица. Дискуссии по вопросу разграничения компетенции между духовным и светским судом по внесе-

нию исправлений в метрические записи привели к формированию практики: изменения в метрическую запись о рождении вносились после соответствующего решения светского суда, а в метрическую запись о браке – после решения духовного суда.

References / Список литературы

- Antonov, D.N. & Antonova, I.A. (2006) *Metric Books of Russia of the XVIII – early XX century*. Moscow, Publishing Center of RGGU. (In Russian). EDN: QXЕИР.
Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII – начала XX в. М. : Издат. центр РГГУ, 2006. 384 с. EDN: QXЕИР.
- Bykonya, G.F. (1981) *Settlement of the Yenisei region by Russians in the XVIII century*. Novosibirsk, Nauka Publ, Siberian Branch. (In Russian). EDN: TPMNQT.
Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1981. 248 с. EDN: TPMNQT.
- Ignatovich, P.A (1861) Few remarks on metric books. *Guide for Rural Pastors*. 1 (4), 100–112. (In Russian).
Игнатович П. Несколько замечаний о метрических книгах // Руководство для сельских пастырей. 1861. Т. 1. № 4. С. 100–112.
- K.Z. (1895) The inaccuracy of the metric statement. *Journal of the Ministry of Justice*. (6), 140–152. (In Russian).
К.З. Неправильность метрической выписи // Журнал министерства юстиции. 1895. № 6. С. 140–152.
- Lukanin, A.M. (1880) *Guidelines for conducting inquiries and investigations into misconduct and crimes of the clergy against office, deanery and good behavior, as well as about the events of marriages and births*. Perm, Kamensky Publ. (In Russian).
Луканин А.М. Руководство к производству дознаний и следствий по проступкам и преступлениям священно-церковнослужителей против должности, благочиния и благоповедения, а также о событиях браков и рождений. Пермь : тип. Каменского, 1880. 216 с.
- Minenko, N.A. (1977) Mass sources on the demography of the peasant household of the XVIII – first half of the XIX centuries. *Source Studies and Archeography of Siberia*. Novosibirsk, Nauka Publ, Siberian Branch, pp. 41–58. (In Russian).
Миненко Н.А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII – первой половины XIX вв. // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1977. С. 41–58.
- Minenko, N.A. (1979) *A Russian Peasant Family in Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX century)*. Novosibirsk, Nauka Publ, Siberian Branch. (In Russian).
Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1979. 350 с.
- Mironov, B.N. (1998) On the reliability of the metric gazette, the most important source on the historical demography of Russia in the XVIII–XX centuries. *Russia in the XIX–XX Centuries: A collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Rafail Sholomovich Ganelin*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., pp. 41–47. (In Russian). EDN: WJRJYX.
Миронов Б.Н. О достоверности метрических ведомостей – важнейшего источника по исторической демографии России XVIII–XX вв. // Россия в XIX–XX вв.: Сборник статей к 70-летию Рафаила Шоломовича Ганелина. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. С. 41–47. EDN: WJRJYX.
- Tsaturova, M.K. (1991) *Russian family law of the XVI–XVIII centuries*. Moscow, Legal literature Publ. (In Russian).
Цатурова М.К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М. : Юридическая литература, 1991. 108 с.

Сведения об авторе:

Мун Виктория Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

ORCID: 0000-0002-3010-1094; SPIN-код: 4625-1844

e-mail: mun.viktoriya@mail.ru

About the author:

Victoria A. Mun – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of History of State and Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University, 125993, Russia, Moscow, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str.

ORCID: 0000-0002-3010-1094; SPIN-code: 4625-1844

e-mail: mun.viktoriya@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-121-136>
EDN: RFGTLM

Научная статья / Research Article

Современные американские теории о насильственных причинах происхождения государства и права

И.В. Колосов

Московский университет имени А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация
 i.v.kolosov@yandex.ru

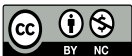
Аннотация. В современном мире, в котором дискуссии о государственной власти, праве, справедливости и эффективности государственного управления не утихают, понимание естества источников данных категорий приобретает все большее значение. Отдельный вклад в уяснение не только причин возникновения, но и вытекающей из них природы соответствующих категорий внесли современные американские теории. Их авторы, опираясь на фундаментальное наследие классической политико-правовой мысли, обосновывают роль принуждения, конфликтов и войн для катализации процессов появления первых государственных образований и правовых систем. Ввиду этого детальное рассмотрение обозначенного вопроса является актуальным для юридической теории. Цель работы – выявление значения насильственных причин возникновения государства и права в современных американских теориях. Достижение цели обеспечивается посредством рассмотрения вклада отдельных теорий в понимание исторического процесса формирования государственно-правовых институтов, при этом особое внимание уделяется эмпирической основе. Теоретическую основу исследования составляют труды современных американских представителей экономического анализа права в рамках Чикагской школы права, представителей иных общественных наук – политологии, социологии, истории, а также теории игр как направления математического анализа, применимой и в праве. Методология исследования основывается на традиционном для историко-правовой науки инструментари. В частности, применялись общеполитологические и общенаучные методы исследования. Среди использованных частнонаучных методов, помимо собственно юридических, важную роль играют методы исторической науки: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический. Автор приходит к выводу, что высокая частота конфликтов и столкновений является стимулом появления централизованной власти для защиты от внешних и внутренних угроз и как следствие влечет возникновение государства и права для создания общественных благ за счет налогов и сборов, однако обозначенный фактор не является единственным.

Ключевые слова: Чикагская школа права, экономический анализ права, теория стационарного бандита, теория оседлого бандита, теория стесненности, юриметрия, теория игр в праве

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Автор выражает благодарность и глубокую признательность докт. юрид. наук, канд. философ. наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, профессору кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя В.П. Малахову за методологическую помощь при структурировании части

© Колосов И.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

научного материала, который учитывался при подготовке к написанию параграфа, посвященного Чикагской школе права.

Поступила в редакцию: 25 ноября 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Колосов И.В. Современные американские теории о насильственных причинах происхождения государства и права // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 1. С. 121–136. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-121-136> EDN: RFGTLM

Contemporary American Theories on the Violent Causes of the Origin of State and Law

Igor V. Kolosov

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation

 i.v.kolosov@yandex.ru

Abstract. In the contemporary world, where debates about state power, law, justice, and the effectiveness of public administration continue unabated, understanding the origins of these categories is becoming increasingly important. Contemporary American theories have made a significant contribution to elucidating not only the causes of their emergence but also the resulting nature of these categories. Drawing on the fundamental legacy of classical political and legal thought, these authors, substantiate the role of coercion, conflict, and war in catalyzing the emergence of the first state formations and legal systems. Accordingly, a detailed examination of this issue is particularly relevant for legal theory. The purpose of this article is to identify the significance of violent causes in the emergence of the state and law in contemporary American theories. This goal is pursued by analyzing the contributions of individual theories to understanding the historical process of the formation of state and legal institutions, with particular attention to their empirical foundations. The theoretical basis of the study consists of the works of contemporary American representatives of the Chicago School of Economic Analysis of Law, as well as scholars from related social sciences, including political science, sociology, and history, along with game theory as a branch of mathematical analysis applicable to law. The research methodology relies on tools traditional to historical and legal scholarship. General philosophical and scientific methods are employed while among the specific scientific methods, in addition to legal ones, historical methods play an important role, including historical-genetic, historical-comparative, and historical-typological approaches. The study concludes that a high frequency of conflicts and clashes does indeed stimulate the emergence of centralized authority to protect against external and internal threats and, as a consequence, leads to the formation of the state and law as mechanisms for creating public goods through taxation. However, this is not the only factor, and violent causes should be considered alongside other social, economic, and cultural determinants of state and legal development.

Key words: Chicago School of Economic Analysis of Law, economic analysis of law, stationary bandit theory, itinerant bandit theory, circumscription theory, jurimetrics, game theory

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Prof. V.P. Malakhov (Doctor of Legal Sciences, Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law at the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia) for methodological assistance in structuring research materials for the Chicago School of Economic Analysis of Law section.

Received: 25th November 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Kolosov, I.V. (2026) Contemporary American Theories on the Violent Causes of the Origin of State and Law. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 121–136. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-121-136> EDN: RFGTLM

Введение

Философские суждения по поводу особого рода неопределенности таких понятий (категорий), как право, государство, закон, свобода и справедливость, демонстрируют, что является важным, во-первых, установление всего объема смыслов, заложенных в таких основополагающих для юридической науки категориях, во-вторых, восприятие и принятие этих смыслов, в-третьих, анализ этих категорий с точки зрения их инструментальности в широком диапазоне, то есть не только в части объяснения регуляторных фрагментов, но и в части выведения первопричин возникновения, непосредственных и перспективных теоретических следствий.

Основанием и условием определения объема смыслов понятий является идея. Она придает многообразию смыслов понятий единство. Идея государства и идея права тем отличаются от прикладных и частных юридических понятий (например, таких как преступление, дееспособность, отрасль права), что их содержанием выступают не только свойства государства и свойства права, а также их сущности. Сущность подхода к происхождению государства и права зачастую во многом сводится к научной школе, которой принадлежат авторы. Однако не все теоретические подходы имеют реально верифицируемую историческую подоплеку.

Напротив, современные американские исследования, посвященные насильственным теориям происхождения государства, основываются на результатах анализа эмпирических и достоверно зафиксированных данных распределения потенциала насилия, например, на территориях Калифорнии после «Капитуляции в Кауэнге», а в первой половине XX в. в подверженном гражданским войнам Китае, с одной стороны, и Европе – центре первых двух мировых войн, с другой.

Исследуемые в рамках настоящей статьи идеи позволяют уяснить первопричины возникновения государства и права в рамках теорий, основанных на эмпирической базе. Однако во многом справедливым будет предположение о том, что государство и право возникли не вследствие одной конкретной причины (фактора), как это в основном обосновывается в каждой из конкретных теорий происхождения государства и права, а как результат влияния совокупности факторов. Тем не менее, именно анализ конкретных идей с позиций юриметрии при наличии соответствующих данных (например, насколько плотность населения, географические факторы, уровень развития сельского хозяйства статистически значимо связаны с возникновением государства и права в древних обществах) позволяет лучше понять сущность того или иного фактора, вокруг которого строится соответствующая теория, и его действительную роль в происходивших процессах государствообразования и правообразования.

В современном дискурсе наряду с европейскими, в особенности французскими исследованиями (Н. Рулан (Rouland, 1998:23–58), П. Бурдьё (Bourdieu, 2014:190–206), А. Леруа-Гуран (Leroi-Gourhan, 2025:109–116) et al.), посвященными тематике насильственных теорий происхождения государства и права, ведущую роль играют исследования американских ученых, основывающиеся на эмпирических данных. Так, Р. Карнейро (Carneiro, 1970) обосновывает, что ограниченность ресурсов, в том числе плодородных территорий, и демографическое давление неизбежно приводят к конфликтам между группами, и когда одна группа получает преимущество, то в ней

для эффективного управления формируется централизованная власть. В свою очередь, М. МакГир, М. Олсон (McGuire & Olson, 1996) и Ч. Тилли (Tilly, 1992) вдохнули новую жизнь в насильственное направление происхождения государства и права как форму военной монополизации насилия на определенной территории для целей получения ренты, а современный экономический анализ права и теория игр предоставляют новый взгляд на экономические предпосылки и причины возникновения государства и права, используя методы и категории математического анализа, микроэкономики и институциональной экономики.

Роль ограниченности ресурсов и демографического давления (теория Р. Карнейро)

Р. Карнейро одним из первых осуществил анализ насильственных причин происхождения государства и права посредством сопоставления экономических факторов. При этом исследователь, хоть и указывая, что еще 25 веков назад Гераклид Эфесский признал войну «отцом всех вещей» (Carneiro, 1970:734), справедливо отмечает, что насилие не может являться единственным фактором, влекущим возникновение государства (Carneiro, 1970:734). Р. Карнейро как для выявления роли насилия, так и для определения иных вспомогательных условий, влекущих возникновение государства, проводит сопоставление условий возникновения государств на конкретных исторических примерах. Им проанализирован процесс возникновения государств в Месопотамии, Египте, долине Инда, Мезоамерике (в особенности в цивилизациях майя и ацтеков), а также в прибрежных районах Перу.

Такой исторический анализ на примере одной из долин в Перу показал, что столкновение интересов в борьбе за ограниченные ресурсы и выступает в качестве дополнительного к насилию фактора, способствовавшего возникновению государств. Процесс политической эволюции общности в государстве не лишен экономической подоплеки. Так, отдельные группы людей, например, лишившиеся земель, также как и в марксистской теории происхождения государства и права, для получения доступа к средствам к производству были вынуждены «притягиваться» как к поселениям, так и к лицам, наделенным в них властными функциями, которые власть получали в основном за счет военных походов. Аналогичными причинами оперирует и «теория социальной ограниченности» (circumscription theory), согласно которой противостояние за территориальный центр какого-либо социально-территориального объединения ожесточеннее, чем противостояния на периферии (из-за того, что в центре сложнее избежать нападений, переместившись в другое место, а также из-за невозможности расширения территории по причине занятости близлежащих районов при наличии «демографического» давления), что позволило обеспечить более высокий уровень политического развития за счет более сплоченного объединения и наступательных и оборонительных политических союзов. Нескольким схожим образом социологи, представители Чикагской школы Р.Э. Парк и Э.У. Бёрджесс, указывают на становление города как «социального организма» только в результате естественных процессов, влекущих формирование социальных институтов как следствие «специализации» (фактически разделения труда), сложившейся в условиях конкуренции людей на ограниченной территории (Park, Burgess & McKenzie, 1925).

Изыскания Р. Карнейро в этнографии показали, что в племенах, живущих в изолированных долинах или на островах, рост населения приводил к усилению конкуренции и конфликтам. В таких условиях возникали более сложные формы социальной организации, включая вождества, и ранние формы государственности

с появлением в них специализированных ролей, таких как вожди, жрецы и воины. Таким образом, сталкиваясь с внешними ограничениями, племена были вынуждены развивать более эффективные механизмы управления и координации.

В поддержку теории Р. Карнейро стоит отметить, что она в целом согласуется с данными археологии и этнографии (Arkush & Allen, 2008; Chagnon & Raymond, 1979; et al.). Примеры возникновения государств в долине Нила, Месопотамии и в Мезоамерике, где социальные и географические факторы играли значительную роль, подтверждают его тезисы. Так, уже после выхода его основополагающей работы «Теория происхождения государства» (1970 г.), в 1983 г. обнаружена примечательная могила в Талехайме (южная часть Германии). Она содержит скелеты с признаками повторных и заживших травм, что, по мнению отдельных исследователей, может объяснять насильственную активность среди фермеров из-за конкуренции за плодородную почву (Guidi, 2012:56). Аналогичным образом, археологические находки древних поселений по берегам реки Амазонки с более плодородной почвой, с явно сравнительно большей плотностью населения и признаками социальной стратификации, в том числе с властью верховного вождя, объясняют происхождение протогосударственных образований конкурентными условиями (Rozov, 2002), в то время как на соседних территориях с менее плодородной, но также позволяющей выращивать сельскохозяйственные угодья почвой, первые признаки государственно подобных образований отсутствовали.

Безусловно, географический фактор также играл определенную роль. Так, Р. Карнейро доказывает, что происхождение государств на берегах реки Амазонки происходило в результате переселений небольших групп, которые постепенно объединялись и уплотнялись только в определенных районах, в которых природные условия были более благодатным и за которые велась военная борьба (Carneiro, 1970:736–737). Аналогичным образом, как обосновывает другой американский исследователь Э.П. Ланнинг, на Перуанском побережье рыбацкие поселения вокруг мест с обилием рыбы имеют больше признаков государственности и даже цивилизованности, которые до этого были известны лишь для аграрных обществ, нежели чем поселения вокруг мест с меньшим количеством рыбы (Lanning, 1967:59). При этом критика данного подхода Р. Карнейро, которая исходит из того, что в долине Амазонки войны велись не за земли, а из-за женщин, мести и личного престижа (Bukhantsov, Komarova & Chebunin, 2015:724), не опровергает концептуально теорию, так как по своей сути приведенные примеры в определенной степени также представляют собой борьбу за ограниченные на определенной территории субъективные для борющихся лиц блага. Предметом борьбы выступает не собственно территория, а другие вознаграждения, представляющие собой источники авторитета, благосостояния и продолжения рода. Таким образом, экономические условия, в особенности конкуренция за ресурсы, частично предопределяли фундамент для появления централизованной власти, сложных социальных иерархий и, в конечном итоге, государства.

В условиях борьбы за ресурсы и при невозможности избегания конфликта путем оставления территории наиболее вероятным исходом является не полное уничтожение одной из общностей, а ее подчинение более крепкой и организованной. В этой ситуации сильная социальная организация не может просто изгнать слабую, так как это означало бы потерю трудовых ресурсов и потенциальных плательщиков податей. Вместо этого победители создают сложную социальную структуру со всеми или некоторыми основными присущими государству существенными признаками: публичной властью, организованной победителями, и системой налогов и податей с

побежденного населения, на той же самой определенной территории, на которой существовала побежденная структура. Эта уже новая структура и осуществляет управление и эксплуатацию в отношении покоренного населения при помощи правовых норм, которые поддерживаются принудительной силой.

Таким образом, Р. Карнейро пришел к теории происхождения государства и права, основывающейся на том, что вышеобозначенные явления представляют собой реакцию индивидов, объединяющихся в устойчивые политико-правовые образования, на определенные условия, в первую очередь на ограниченность ресурсов. Такая реакция не считается со средствами достижения цели, прибегая в первую очередь к насильственным методам как в определенных случаях более эффективным. Получив блага силовым путем, обеспечивается их удержание хоть и не военными, но по-прежнему принудительными методами – при помощи понуждения к исполнению норм права, сформированных победителями. Данная теория о причинах происхождения государства и права представляет собой реалистичный, прагматический и отчасти жестокий, но относительно целостный (возможно, чрезмерно пренебрегая культурными, идеологическими и случайными факторами) подход. Она демонстрирует, что сложные социальные институты, которые сегодня воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, имеют свои корни в насилии, в борьбе за выживание, в конкуренции за ресурсы и в неизбежных конфликтах, порожденных ростом человеческой популяции.

Роль спроса на насилие и его монополизация (теория оседлого (стационарного) бандита)

Отличительной особенностью всех насильственных теорий происхождения государства и права является подход к причинам возникновения данных явлений через завоевание, насилие и порабощение одних групп другими. Анализ таких причин хоть и не строится на классическом для экономики изучении финансовых показателей и причин возникновения классов, тем не менее процесс завоевания одних групп другими рассматривается через баланс спроса и предложения на «насилие», то есть в традиционных для неоклассических экономических теорий категориях.

М. Вебер охарактеризовал государство как «организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции» (Weber, 1990:651). Теория кочующего бандита (бандита-гастролера) и оседлого (стационарного) бандита, разработанная М. МакГиром и М. Олсоном, обуславливает процесс происхождения государства и права получением и применением монопольного права на применение насилия и, тем самым, в зависимости от аспектов такого применения объясняет различия в эффективности государственных режимов. Первый из упомянутых бандитов стремится максимизировать свою выгоду, совершая набеги и забирая в них все у подвергнутого нападению населения. Второй стремится к изъятию ренты на долгосрочной основе, а поэтому организует систему, при которой население будет защищено от внешних и внутренних угроз, а сумма взимаемых налогов увеличивалась бы в результате роста экономических и иных показателей. Таким образом, появляется государство.

В качестве исторического обоснования своей теории М. Олсон приводит Китай 1920-х гг., в котором значительная часть территорий была подконтрольна полевым командирам, которые объявляли себя правителями и взимали высокие поборы. Один из них, Фэн Юйсян, не только прославился военными успехами, разбив «бандита-гастролера» по прозвищу Белый Волк, но и сумел навести порядок на подконтрольной территории. В результате, как отмечает М. Олсон, «большинство людей хотели, чтобы Фэн остался у них навсегда, им с ним было легче, чем с бандитами-гастролерами» (Kruglova, 2015:100). Имеются и более актуальные исторические примеры. Так, вследствие Второй конголезской войны 1998–2003 гг. («Великая африканская война») центральная власть ослабла, что позволило многочисленным вооруженным формированиям взять на себя функции управления на отдельных территориях. Зачастую их действия казались случайным проявлением насилия, подобно действиям бандитов-гастролеров, но нередко группировки устанавливали монополию на применение насилия в четко определенных границах, устанавливая правила, регламентирующие общественные отношения, обеспечивали безопасность и собирали налоги (Sanchez de la Sierra, 2020), осуществляя тем самым реализацию основных функций государства.

В пользу данного подхода М. МакГира и М. Олсона говорит и статистика о мобильности населения Римской республики. Именно со времен правления Александра III Великого, Македонского, характеризующихся многочисленными завоеваниями, резко возросла миграция в районе Средиземноморья (Moatti, 2006). По данным К. Киллгровой (Killgrove, 2010), почти половина населения проживала не в регионе своего рождения. В. Шайдель (Scheidel, 2004) приводит цифру в 40 % (среди мужчин старше 45 лет), в то время как по другим сведениям во времена Римской империи 90 % населения самого Рима родилось в иных местностях (McAdam, 2011:30). Безусловно, причиной такой миграции была не только насильственная политика, то есть не только перемещение на новое место ввиду завоеваний и не только перевоз порабощенного населения с места их захвата и бегство на новые территории ввиду насильственного захвата старых. Однако сложно представить, что столь значительные цифры, имевшие место при процессах формирования и изменения государственных институтов, достигнуты без влияния фактора насилия.

В условиях стремления к максимизации полезности неповторяющееся насилие одной группы над другой будет характеризоваться настолько это возможно большой экспроприацией, коротким горизонтом планирования и инвестициями только в потенциал увеличения насилия. При высокой ставке дисконтирования экономический анализ характеризует такую стратегию как относительно эффективное с экономической точки зрения поведение, так как она позволит лицам, осуществляющим насилие, получить максимум при условии кратковременного и однократного набега. Снижение ее эффективности для бандита-гастролера происходит только при росте уровня сопротивления.

Напротив, стратегия повторяющихся набегов или дислокации на захваченной территории требует увеличения горизонта планирования, уменьшения или отказа от экспроприации и даже производства общественных благ. В таком случае эффективным будет институционализация не только властных, но и иных общественных отношений, обеспечение порядка и безопасности. В результате хоть государство и возникает как форма долгосрочного контроля, инициированного актором, стремящимся к извлечению прибыли от насилия, для стабильного характера получаемых благ необходимо формально-правовое структурирование складывающегося обмена, защита населения захваченных территорий и получение интервентом ренты на

постоянной основе. Таким образом, в ситуации схождения предложения на насилие со стороны узурпатора и спроса на него для целей получения общественных благ «формируется» общественный договор, по «условиям» которого завоеватель становится правителем и стремится не к сиюминутной выгоде, а к постоянной ренте, предоставляя взамен стабильность и безопасность захваченной группе. В результате уже эта стратегия становится более оптимальной, относительно увеличивая совокупную полезность не только бандита, но также и захваченных им индивидов. Тем самым посредством правового регулирования инструмент насилия трансформируется из разрушительной силы в средство обеспечения общественного взаимодействия.

Государство ввиду этого по определению американского теоретика Д. Норта становится организацией со сравнительным преимуществом в применении насилия в течение длительного периода времени, размер которой определяется необходимостью облагать налогами. Такой «Левиафан», обладая сильными правовыми инструментами принуждения, устанавливает и навязывает экономические правила игры, позволяя актерам достигать собственных интересов при условии обеспечения и всеобщего блага (North, Wallis & Weingast, 2011:443).

Государство приходит к необходимости создания таких правил и институтов, которые не только направлены на сбор ренты и налогов, но и обеспечивают стабильность и предсказуемость. Оно предстает как результат рационального выбора, направленного на минимизацию конфликтов и организацию порядка. Это способствует инвестициям и экономическому росту как из-за большей уверенности в защищенности прав собственности, так и за счет создания институциональных механизмов, обеспечивающих конкуренцию, которые столь важны в рамках идей Чикагской школы права.

Экономический анализ права: подход Чикагской школы

Представители Чикагской школы права хоть и не сформировали признанной обособленной теории происхождения государства и права, которая бы рассматривалась на равных началах с договорной теорией, теорией насилия или марксистской теорией, тем не менее, ее представители проводят анализ существующих теорий и во многом их дополняют с помощью традиционного для данной школы инструментария экономического анализа права (Polyakov, Kozlikhin & Dorokhin, 2021:1075–1076).

Представляется, что использование методологии и категорий экономической теории, осуществляющей поиск первопричин принятия разнообразного рода решений, может быть полезным не только при рассмотрении вопросов эффективности современного права, но и применительно к истории права, а также при определении факторов, оказавших влияние на происхождение права и государства. Как отмечено К.Е. Сигаловым, сегодня истинно исторические исследования строятся именно на факторе динамического осмысления исторического процесса. Основные самые важные события обычно предсказываются в большем или меньшем приближении к истине серьезными и вооруженными совершенными методологиями аналитиками (Sigalov, 2025:213). Ввиду этого обращают на себя внимание определенные перспективы использования методологии экономического анализа права, применяемой Чикагской школой права, в отношении создания и современной новой теории происхождения государства и права. Концепция максимизации полезности позволяет выявить действительные мотивы объединения групп, которые с усложнением социальной структуры преобразовывались в государства.

Отдельные идеи в этом направлении уже высказаны представителями Чикагской школы права – Р.А. Познером (Posner, 1995:312–328) и Д. Фридманом (Friedman, 1979). Так, ими обосновано возникновение права в Средние века на территории Исландии фактически еще в догосударственный период. Исландская система права развивалась без какой-либо центральной власти, сравнимой с англосаксонским королем (Blair, 1977:194), она представляет собой механизм частного обеспечения соблюдения правовых норм в более чистой форме, нежели чем любое иное общество (Friedman, 1979:400). Даже в тех случаях, где данная система права признавала по сути «публичное» правонарушение, наказание заключалось в предоставлении определенному частному лицу (в некоторых случаях выбранному по жребию) права вести дело и взыскать штраф.

Подобная система с точки зрения представителей Чикагской школы права Г. Беккера и Дж. Стиглера (Becker & Stigler, 1974) создает достаточно эффективную систему сдерживания от совершения преступлений (но единства мнений по данному вопросу внутри Чикагской школы не было – У. Лэндс и Р.А. Познер возражали (Landes & Posner, 1975).

Даже с появлением государственных институтов типичные для государства функции осуществлялись частными лицами без вмешательства государства: за убийство предусматривалась финансовая ответственность, возмещающая вред близким родственникам; обеспечение соблюдения норм права также находилось в частных руках (Friedman, 1979:400).

Если теории Р. Карнейро, а также М. МакГира и М. Олсона анализируют скорее насильственные предпосылки возникновения государства и права, то Чикагская школа права – обоснование необходимости появления государства как таковое, а также причины его дальнейшего существования. Таким образом, с позиций экономического анализа права государство возникает и существует, потому что оно эффективно решает определенные проблемы, которые не могут быть решены на уровне индивидуальных внесударственных договоренностей.

Однако Чикагская школа права не отказывается вовсе от роли насилия в данном процессе – она показывает, что принуждение, на котором строятся иные современные американские насильственные теории происхождения государства и права, будучи направленным на обеспечение общественного порядка и защиту прав собственности, может привести к повышению общей эффективности. Например, принудительное взимание налогов позволяет финансировать общественные блага, в том числе полицию, экологическую среду, государственную оборону и правосудие, которые при действенной правовой политике и работающих институтах являются основой для экономического роста и снижения трансакционных издержек.

Таким образом, анализируя методологией экономической теории процесс происхождения государства и права, можно прийти к тому, что государство и право возникает ввиду того, что:

– только в условиях государства возможно решение проблемы «безбилетника». Это не только и не столько строительство ирригационных сооружений, как у К. Виттфогеля (Wittfogel, 2024), но и иные общественные блага, в особенности по защите от трагедии общин (возникающей из-за максимизации каждым своей выгоды, например, при чрезмерном вылове рыбы, загрязнении воды и воздуха, вырубке лесов), от неправомерного насилия, которые реализуются путем поддержания правопорядка и защиты от внешних угроз, необходимые всем членам общества, но в отношении которых отсутствует стимул для индивидов их финансировать, если есть возможность

пользоваться ими бесплатно. Государство же, через налоги и (или) через обязательные для исполнения повинности создает такие блага на своей территории;

– обеспечивается снижение транзакционных издержек. Создавая систему обращения денежных средств, единое правовое регулирование, суды и механизмы принуждения к исполнению норм, государство значительно упрощает и удешевляет взаимодействие и обмен. Вместо того чтобы договориться о значительном количестве условий совершения сделки, которая, к тому же без предоставления вещественного обеспечения в безгосударственном обществе, может и не быть исполнена, государство, регулируя соответствующие общественные отношения, упрощает взаимодействие и стимулирует экономический оборот;

– защищает и четко определяет права собственности. Создание и поддержание системы, которая направлена на защиту прав собственности (суды, правоохранительные органы, законодательство) требует значительных ресурсов и координации. Хотя представитель Чикагской школы права Р. Коуз и указывал, что ни один маяк, согласно данным британского адмиралтейства, не был построен государством, все были созданы за счет частных средств (Coase, 1974), а некоторая монополизация государством функций по обеспечению законности и правопорядка в отдельных англосаксонских странах произошла только в начале XIX в., тем не менее, в современности механизмы, ограничивающие защиту своих прав собственности лишь только индивидуальными усилиями, могут быть недостаточно эффективными¹, хотя данный вопрос является дискуссионным (MacDonald, Klick & Grunwald, 2016).

Количественное измерение причин происхождения государства и права в американских теориях насилия

Исторически многие государственные образования возникли или существенным образом преобразились в результате военных конфликтов. Завоевания Александра III Великого, Македонского привели к взаимодействию различных культур, а их синтез (в совокупности с иными факторами) привел к возникновению эллинистической государственности. Разрастание территории Римской империи сопровождалось военными кампаниями, в результате которых площадь государства в период расцвета составляла около 5 млн км. При этом соседство с Римом, по данным Л.Д. Янг, увеличивало вероятность возникновения государства с сильными институтами на 32 % (Young, 2022:193) ввиду того, что конфликтные соседи побуждают государства к созданию более сильных административных структур. Европейские колониальные державы усиливали свое влияние путем силового захвата колониальных территорий, что отображается даже на современной политической картине мира (например, английский король формально является главой государства суверенных Австралии, Канады, Новой Зеландии и некоторых иных государств, ранее являвшихся британскими колониями). С учетом этого, насилие как один из основополагающих факторов, способствующих формированию и развитию государства и права, часто является предметом рассмотрения в трудах американских философов права и иных исследователей, которые подходят к данной проблеме, в том числе с точки зрения количественного анализа.

Так, также как и Р. Карнейро, Ч. Тилли подчеркивает роль конфликта, связанного с борьбой за ресурсы, в процессе возникновения государства и права. В то же

¹ Отдельные исследователи на основе эмпирического анализа отмечают, что частные охранные предприятия больше заинтересованы в создании благоприятного делового климата для своего работодателя, чем в обеспечении справедливости (Stenning, 2000; Heaton et al., 2016:89; et al.).

время у Ч. Тилли роль насилия в этом процессе еще более очевидна. Войны и конфликты стимулируют развитие государственного аппарата, поскольку для ведения войны требуются средства, получаемые в результате налогов, для сбора которых опять же нужно прибегать к насилию в виде принуждения к их уплате (Tilly, 1992:19). Так, Фридрих Вильгельм I Бранденбург-Прусский тратил более 80 % доходов в насильственных целях в период с 1713 по 1732 гг., то есть в период относительного внешнеполитического спокойствия (Ross & Childs, 1982:180; Friedrich, 2012:30–36; Clark, 2006:243–246 et al.). Священная Римская империя в этом отношении не уступала Пруссии (Hochedlinger, 2009:63). Во Франции даже в середине XVIII в., когда государство совершало стремительный поворот в развитии, крупнейшими проектами по-прежнему являлись те из них, которые связаны с королевскими завоеваниями (Collins, 1995:184–193).

Аналогичные причины возникновения государства и права в необходимости создания потенциала для ведения войн в силу сбора капиталов и насаждения насильственной власти над населением видит и Т. Эртман (Ertmann, 1997:4). Данная власть и принуждение осуществляются при помощи правовых методов, они регулируют иерархические отношения между властью и поданными, определяют порядок эффективного для власти использования ресурсов и гарантируют исполнение властных решений. Общество подчинялось правителю, поскольку зависело от него из-за необходимости защиты от воинствующих соседей. Такое подчинение способствовало укреплению власти правителя и предоставляло ему возможности по структурированию власти таким образом, которое позволит увеличить налоги и создать бюрократические структуры для более упрощенного управления (Tilly, 1992). Если в догосударственных обществах власть была рассредоточена, то когда возникала необходимость в обороне или нападении, то для организации получения значительных средств при помощи налогов, формировались государственноподобные образования. Так, «война создает государство, а государство создает войну» (Jude, 2022:209).

Юриметрические исследования показывают, что по мере увеличения числа конфликтов, с которыми сталкивается государственноподобное образование, вероятность того, что оно будет обладать сильным институциональным потенциалом, увеличивается. Как отмечено Н.А. Власенко, «движение и развитие общества, социальных систем также можно измерить» (Vlasenko, 2017:10). В исследовании Л.Д. Янг на исторических примерах, гипотезой которого стала предпосылка Ч. Тилли, обосновывается, что при участии в двадцати пяти конфликтах в год (в том числе мелких), вероятность того, что государство будет иметь сильную государственную структуру, составляет 95 %. Структура, участвовавшая в пяти конфликтах в год, только с вероятностью 17 % будет иметь развитые государственные институты (Young, 2022:192).

Факторы внешней среды и условий существования также имеют значение. Государственные образования, граничащие с зонами конфликтов, с большей вероятностью будут иметь сильные институты (до 55 % среди них являются сильными (Young, 2022:192). Отсутствие выхода к морю чаще характеризует государство как обладающее средним уровнем развития, но имеющее меньше шансов стать сильным (до 43 %, при этом вероятность того, что оно является слабым, составляет 18 % (Young, 2022:192). У островных государственных образований больше шансов сформировать сильные государственные институты в среднем на 15 % (Young, 2022:192), но это существенно не влияет на его общий уровень развития. Такой анализ, хоть и имеющий относительно размытое представление того, какое государство коим образом может быть классифицировано, позволяет оценить корреляцию между кон-

кретными факторами, оказывающими влияние на становление государства и его последующее развитие, и действительным историческим процессом, приведшим к формированию государственности в том или ином виде.

Дж. Скотт подчеркивает, что возникновение государства зачастую связано с навязыванием власти и контроля, сопровождающимся насилием и сопротивлением. «Возможно предположение, что „без рабства нет государства... Рабы составляли абсолютное большинство, возможно даже 2/3 афинского общества, в Риме в эпоху Августина рабы составляли от 1/4 до 1/3 всего населения“» (Scott, 2020:181–182). Исследователь приходит к тому, что рабство создало условия для концентрации власти и ресурсов, что, в свою очередь, способствовало возникновению первых государств. Аналогичным образом представитель Чикагской школы права Д. Норт хоть и указывает, что эффективные институты должны обеспечивать снижение трансакционных издержек, в то время как государственное вмешательство, зачастую, может не приводить к достижению этой цели, тем не менее, допускает, что на ранних этапах развития государственности в определенных случаях насилие, будучи инструментом усиления власти, может парадоксальным образом привести к созданию более предсказуемой среды для социального развития, правда, поначалу без учета интересов большинства населения.

Бесспорны достижения теории игр как одного из направлений математического анализа в исследовании социальных вопросов. Такие достижения позволили перейти от описательных теорий к более формализованному анализу механизмов взаимодействия, объясняя как рационально действующие и ищущие собственную выгоду индивиды могут прийти к необходимости создания общеобязательных правил и институтов, влекущих в конечном итоге возникновение государства. Однако теория игр показывает, что действия в своих интересах хоть и часто, но не всегда приводят к оппортунистическому и эгоистическому поведению. Так, Р. Аксельрод, выпускник Чикагского университета и близкий по своему направлению исследования к экономическому анализу права Чикагской школы, анализируя процесс происхождения государства, обосновывает, что долгосрочные отношения и получение взаимной выгоды от сотрудничества часто оказываются более эффективной стратегией. Стратегия, начинающаяся с сотрудничества и продолжающаяся повторением «предыдущего хода» противоборствующей стороны, позволяет как снизить трансакционные издержки, так и не тратить ресурсы на «войну всех против всех», если есть возможность договориться.

Принцип талиона, известный в первую очередь первобытным народам, хоть и направлен на уравнивание наказания с причиненным ущербом, с точки зрения теории игр создает у участников отношений определенные ожидания, которые становятся основой для формирования правил. В условиях многократных взаимодействий («повторяющаяся дилемма заключенного») эти ожидания фактически формируют поведение. Нарушение этих ожиданий индивидом при повторяющемся взаимодействии приводит к потере к нему доверия и отказу от взаимодействия. По мере усложнения социальных связей и увеличения численности взаимодействующих возникает потребность в координации и разрешении конфликтов. Именно ввиду этого и появляется государство и право. Хоть насилие и господство одной группы над другой играет важную роль в этом процессе, тем не менее, государство и право при таком подходе возникают скорее как социально обусловленный механизм, обеспечивающий поддержание сотрудничества.

Заключение

Наличие многочисленных разноплановых теорий происхождения государства и права и их несогласованность в отношении факторов, оказавших влияние на такой процесс, подчеркивает, что на современном этапе ни одна из теорий не может обосновать причины возникновения государства и права таким образом, чтобы в науке данное обоснование было признано исчерпывающим и всеобъемлющим. Однако в сравнении с более классическими теориями современные авторы привносят новые прогрессивные идеи в понимание первопричин возникновения государства и права. Связано это с тем, что все больший объем наличествующей информации в отношении всех аспектов объективной действительности позволяет учитывать большее количество обстоятельств, а новая методология зачастую делает достижимым понимание глубинных сущностей явлений, ранее скрытых от исследователей.

Проанализированные насильственные американские теории происхождения государства и права несмотря на различия в методологии и акцентах предлагают отчасти схожие идеи. Во многом утверждение о том, что государства создаются в результате войн, справедливо. При этом конфликты в регионе могут оказывать влияние на государствообразующие процессы, даже если соответствующее население прямо еще в нем не задействовано. Зачастую государство рассматривается как инструмент, который возникает в результате борьбы за ресурсы и блага, а право как механизм, обеспечивающий извлечение ренты и обеспечивающий стабильность для лиц, получающих эти ресурсы и блага. Позитивный эффект от права для остальных также может присутствовать, но он опосредован интересам в получении благ лицами, выигравшими борьбу.

Рассмотренное насильственное направление в понимании процессов происхождения государства и права хоть и оказало существенное влияние на представления о причинах возникновения государства и права, тем не менее оно не является исключительно американским. Скорее можно отметить, что данное направление в трудах американских исследователей является частью более широкого научного движения, представленного также и европейскими исследователями. Однако за последние полвека вклад представителей американской правовой мысли возрос. При этом исследование американских теорий происхождения государства и права показывает, что данные направления скорее дополняют друг друга. Р. Карнейро объясняет как принуждение, вызванное ограниченностью ресурсов и невозможностью миграции, стало катализатором для формирования государств. Чикагская школа права и исследователи теории игр, в свою очередь, демонстрируют как государственные институты, даже будучи основанными на принуждении, могут стать эффективным решением для ряда экономических проблем, сопутствуя снижению транзакционных издержек, защите прав собственности и обеспечению функционирования общественных благ. Теории М. МакГира, М. Олсона и Ч. Тилли также с учетом необходимости максимизации экономической эффективности основываются на том, чтобы, во-первых, обеспечить безопасность «стационарного бандита» от внешних и внутренних угроз, а, во-вторых, гарантировать поддержание правопорядка и законности, чтобы достичь стабильности и предсказуемости. Помимо этого, «стационарный бандит» заинтересован в защите прав собственности населения – краеугольном камне Чикагской школы права, поскольку это стимулирует инвестиции и производство, что в конечном итоге увеличивает налоговые поступления. В свою очередь, идеи Чикагской школы позволяют предположить наиболее действенные инструменты, связанные с защитой прав собственности, обеспечивающие экономический рост.

References / Список литературы

- Arkush, E.N. & Allen, M.W. (eds.) (2006) *The Archaeology of Warfare: Prehistories of Raiding and Conquest*. Gainesville, FL, University Press of Florida Publ.
- Becker, G. & Stigler, G. (1974) Law Enforcement, Malfeasance, and Compensation of Enforcers. *Journal Legal Studies*. 3 (1), 1–18. <https://doi.org/10.1086/467507>
- Blair, P.H. (1977) *An Introduction to Anglo-Saxon England*. 2nd ed. New York, Cambridge University Press.
- Bourdieu, P. (2014) *On the State: Lectures at the College de France, 1989–1992*. Cambridge, Polity Press Publ.
- Bukhantsov, V.V., Komarova, M.V. & Chebunin, V.P. (2015) Carneiro's Theory of Origin of the State in the Context of Understanding and Teaching Political State Issues in High School. *Bulletin of the Irkutsk State Academy of Economics*. 25 (4), 722–727. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25\(4\).722-727](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(4).722-727) EDN: UHBQAF.
Буханцов В.В., Комарова М.В., Чебунин В.П. Теория происхождения государства Л.Р. Карнейро в контексте понимания и преподавания государствоведческих проблем в высшей школе // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 4. С. 722–727. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25\(4\).722-727](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(4).722-727) EDN: UHBQAF.
- Carneiro, R.L. (1970) The Theory of the Origin of the State. *Science*. 169 (3947), 733–738. <https://doi.org/10.1126/science.169.3947.733>
- Chagnon, N.A. & Raymond, H.B. (1979) Protein Deficiency and Tribal Warfare in Amazonia: New Data. *Science*. 203 (4383), 910–913. <https://doi.org/10.1126/science.570302>
- Clark, C. (2006) *Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia, 1600–1947*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press.
- Coase, R.H. (1974) The Lighthouse in Economics. *Journal of Law and Economics*. 17 (2), 357–376. <https://doi.org/10.1086/466796>
- Collins, J.B. (1995) *The State in Early Modern France*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Ertmann, Th. (1997) *The Birth of the Leviathan: Building States and Regimes in Medieval and Early Modern Europe*. New York, Cambridge University Press.
- Friedman, D. (1979) Private Creation and Enforcement of Law: A Historical Case. *Journal of Legal Studies*. 8 (2), 399–415. <https://doi.org/10.1086/467615>
- Friedrich, K. (2012) *Brandenburg-Prussia, 1466-1806: The Rise of a Composite State*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ. https://doi.org/10.1007/978-0-230-35696-2_3
- Guidi, A. (2012) Carneiro and the Archaeology of War: A Comment from a Prehistorian. *Social Evolution & History*. 11 (2), 56–57. <https://doi.org/10.30884/seh>
- Heaton, P., Hunt, P., MacDonald, J. & Saunders, J. (2016) The Short- and Long-Run Effects of Private Law Enforcement: Evidence from University Police. *Journal of Law and Economics*. 59 (4), 889–912. <https://doi.org/10.1086/690732>
- Hochedlinger, M. (2009) The Habsburg Monarchy: From Military-Fiscal State to Militarization. In: Storrs, C. (ed.) *The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: Essays in Honour of P.G.M. Dickson*.
- Jude, J. (2022) Making or un-making states: When does war have formative effects? *European Journal of International Relations*, 28 (1), 209–234. <https://doi.org/10.1177/135406612111053628>
- Killgrove, K. (2010) *Migration and mobility in imperial Rome*. PhD Thesis. University of North Carolina.
- Kruglova, E.A. (2015) The “State” Is Out of Date: The Need for a New Definition of the State. *Journal of Institutional Studies*. 7 (2), 99–108. (In Russian). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.099-108> EDN: UBUXZZ.
Круглова Е.А. «Государство» устарело: потребность в новом определении государства // Журнал институциональных исследований. 2015. Том 7. № 2. С. 99–108. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.099-108> EDN: UBUXZZ.
- Landes, W.M. & Posner, R.A. (1975) The Private Enforcement of Law. *Journal Legal Studies*. 4 (1), 1–46. <https://doi.org/10.1086/467524>

- Lanning, Ed.P. (1967) *Peru before the Incas (A Spectrum Book)*. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N.Y.
- Leroi-Gourhan, N. (2025) Man and Matter, 1943. In: Schlanger, N. (ed.) *Andre Leroi-Gourhan on Technology: A Selection of Writings from the 1930s to the 1960s*. New York City, Bard Graduate Center, pp. 85–130.
- MacDonald, J., Klick, J. & Grunwald, B. (2016) The Effect of Private Policy on Crime: Evidence from a Geographic Regression Discontinuity Design. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*. 179 (3), 831–846.
- McAdam, J. (2011) An Intellectual History of Freedom of Movement in International Law: The Right to Leave as a Personal Liberty. *Melbourne Journal of International Law*. 12, 27–56.
- McGuire, M.C. & Olson, M.Jr. (1996) The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force. *Journal of Economic Literature*. 34 (1), 72–96. https://doi.org/10.1007/978-1-349-26284-7_3
- Moatti, C. (2006) Translation, migration, and communication in the Roman Empire: Three aspects of movement in history. *Classical Antiquity*. 25 (1), 109–140. <https://doi.org/10.1525/ca.2006.25.1.109>
- North, D., Wallis, D. & Weingast, B. (2011) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Written Human History*. Trans by Uehlaner, D., Markov, M., Raskov, D. & Raskova, A. Moscow, Gaidar Institute Publ. (In Russian). EDN: QOMGLZ.
Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Уэланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М. : Изд. Института Гайдара, 2011. 478 с. EDN: QOMGLZ.
- Park, R.E., Burgess, E.W. & McKenzie, R.D. (1925) *The City*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Polyakov, A.V., Kozlikhin, I.Yu. & Dorokhin, V.S. (2021) Genesis of the Chicago School of Economic Analysis of Law: Adam Smith and Jeremy Bentham. In: St. Petersburg State University. *Science SPBU-2020*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., pp. 1075–1076. (In Russian). EDN: QBHXZW.
Поляков А.В., Козлихин И.Ю., Дорохин В.С. Генезис идей Чикагской школы экономического анализа права: Адам Смит и Иеремия Бенгам // Science SPBU-2020 : сб. мат. Междунар. конф. по естественным и гуманитарным наукам. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. С. 1075–1076. EDN: QBHXZW.
- Posner, R.A. (1995) *Overcoming Law*. Cambridge, Harvard University Press.
- Ross, S. & Childs, J. (1982) *Armies and Warfare in Europe, 1648-1789*. Manchester, Manchester University Press. <https://doi.org/10.2307/1987883>
- Rouland, N. (1998) *Introduction Historique au Droit*. [Historical Introduction to Law]. Paris, Presses Universitaires de France. (In French). <https://doi.org/10.3917/puf.roula.1998.01>
- Rozov, N.S. (2002) *Philosophy and Theory of History. Book One. Prolegomena*. Moscow, Logos Publ. (In Russian). EDN: YUMLEN.
Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга первая. Прологомены. М. : Логос, 2002. 655 с. EDN: YUMLEN.
- Sanchez de la Sierra, R. (2020) On the Origins of the State: Stationary Bandits and Taxation in Eastern Congo. *Journal of Political Economy*. 128 (1), 32–74. <https://doi.org/10.1086/703989>
- Scheidel, W. (2004) Human Mobility in Roman Italy, I: The free population. *The Journal of Roman Studies*. 94, 1–26. <https://doi.org/10.2307/4135008>
- Scott, J. (2020) *Against the Grain: The Deep History of the Earliest States*. Moscow, Delo Publishing House, RANEPА Publ. (In Russian). EDN: XSSHZD.
Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств / пер. с англ. Ирины Троцук. М. : Изд. дом «Дело», РАНХиГС, 2020. 328 с.
- Sigalov, K.E. (2025) Historical Epistemology as a Tool for Scientific Research. In: Savenkov, A.V. & Gorban, V.S. (eds.) *Historiographic Problems and Approaches in Modern Legal Research: Collection of Scientific Papers of the Second International Conference*. Moscow, Institute of State and Law of the RAS Publ., pp. 207–216. (In Russian).

- Сигалов К.Е. Историческая эпистемология как инструментарий научного поиска // Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях : Сб. науч. трудов второй Междунар. конф. / отв. ред. А.Н. Савенков, В.С. Горбань. М. : ИГП РАН, 2025. С. 207–216.
- Stenning, P.C. (2000) Powers and Accountability of Private Police. *European Journal on Criminal Policy and Research*. 8, 325–352. <https://doi.org/10.1023/a:1008729129953>
- Tilly, Ch. (1992) *Coercion, Capital, and European States, AD 900-1992*. Oxford, Blackwell Publ.
- Vlasenko, N.A. (2017) Categories “Uncertainty” and “Certainty” in the Study of Law and Philosophical Problems. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (1 (37)), 8–17. (In Russian). EDN: YHTAOP.
- Власенко Н.А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 8–17. EDN: YHTAOP.
- Weber, M. (1990) *Politics as a Vocation and Profession*. In: *Selected Works*. Moscow, Progress Publ. (In Russian).
- Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 288 с.
- Wittfogel, K. (2024) *Eastern Despotism. A Comparative Study of Total Power*. Moscow, Centerpoligraf. (In Russian).
- Виттфогель К. Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти. М. : Центрполиграф, 2024. 575 с.
- Young, L.D. (2022) Testing Tilly: Does War Really Make States? *Social Evolution & History*. 1 (21), 175–199. <https://doi.org/10.30884/seh/2022.01.07>

Сведения об авторе:

Колосов Игорь Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Московский университет имени А.С. Грибоедова; 111396, г. Москва, Зеленый проспект, д. 66А

ORCID: 0000-0001-9407-8340; SPIN-код: 9151-1394

e-mail: i.v.kolosov@yandex.ru

About the author:

Igor V. Kolosov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, A.S. Griboyedov Moscow University; 111396, Moscow, Bldg. 66A Zeleny Prospekt.

ORCID: 0000-0001-9407-8340; SPIN-code: 9151-1394

e-mail: i.v.kolosov@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-137-155>

EDN: RORXAB

Научная статья / Research Article

Правовая природа и особенности публичной власти федеральной территории «Сириус»

М.С. Басиев

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ,
Российская Федерация

 m.basi@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию нового для российской государственности явления – институту федеральной территории. Внесение в 2020 г. поправок в Конституцию РФ и последовавшее за этим создание федеральной территории «Сириус» на основе соответствующего Федерального закона обусловили всплеск интереса отечественных исследователей к данной проблематике. Первый опыт функционирования данной разновидности публичных образований в нашей стране характеризуется ярко выраженными особенностями как относительно структуры публичной власти в России, так и применительно к аналогичным территориальным единицам в зарубежных странах. Вследствие этого критическое осмысление рассматриваемого института является необходимой предпосылкой дальнейшего совершенствования законодательства, касающегося деятельности федеральных территорий. Цель исследования – раскрытие природы данных публично-правовых образований, их признаков, причин создания, а также соответствующего властного аппарата. Отдельное внимание уделяется анализу практики образования федеральных территорий в зарубежных странах (США, Австралия и Индия). Автор исследует организацию и взаимоотношения властных структур федеральной территории «Сириус», а также выявляет особенности ее взаимоотношений с другими уровнями публичной власти (Федерация и Краснодарский край). Исследование основано на изучении имеющейся научной литературы, российского и зарубежного законодательства, а также практики Конституционного Суда РФ. Методологической базой работы является использование таких методов, как системный, аналитический, классификации, дедуктивный, а также формально-юридический. В результате исследования автор приходит к ряду выводов: разнообразие факторов, детерминирующих появление федеральных

© Басиев М.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

территорий, влияет на степень их самостоятельности (наиболее важный критерий классификации); публичная власть «Сириуса» по своей форме является федерально-территориальной; представляя собой отдельную публично-правовую единицу, федеральная территория «Сириус» продолжает оставаться административно-территориальной составной частью субъекта Федерации (двойственный статус) и др.

Ключевые слова: публично-правовое образование, национальная столичная территория Дели, федеральный округ Вашингтон, субъект федерации, федерация, разделение властей, территориальное устройство, местное самоуправление, взаимоотношения уровней власти

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Басиев М.С. Правовая природа и особенности публичной власти федеральной территории «Сириус» // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 1. С. 137–155. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-137-155> EDN: RORXAB

Legal nature and public authority of the Sirius federal territory

Marat S. Basiev

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation

 m.basi@mail.ru

Abstract. The article examines the novel institution of federal territories within Russian statehood, introduced by 2020 Constitutional amendments and operationalized through the Sirius federal territory. This first domestic experience reveals distinctive features in public authority structure compared to both traditional Russian governance and foreign analogues. Critical analysis is essential for refining related legislation. The study elucidates the legal nature, characteristics, rationale, and governance apparatus of federal territories, with particular attention to international practices (USA, Australia, India). It analyzes Sirius power structures and its relationships with federal and Krasnodar Krai authorities. The research draws on Russian/foreign legislation, scientific literature, and Constitutional Court practice, employing systemic, analytical, classification, deductive, and formal-legal methods. Key findings include: (1) diverse creation factors determine varying autonomy levels (primary classification criterion); (2) “Sirius” embodies federal-territorial authority; (3) despite public-legal independence, federal territories retain administrative-territorial status within constituent entities (dual status).

Key words: federal district, federal territories, public legal entity, National Capital Territory of Delhi, Washington Federal District, federal-territorial authority, federation, Sirius federal territory, territorial structure, local self-government

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 24th February 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Basiev, M.S. (2026) Legal nature and public authority of the Sirius federal territory. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 137–155. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-137-155> EDN EDN: RORXAB

Введение

Федеральные территории для отечественного законодательства и практики являются относительно новым социально-правовым явлением, появление которого связано с внесенными в 2020 г. изменениями в текст Конституции России. В научной литературе высказываются сомнения в согласованности введения в часть 1 статьи 67 Конституции России упоминания о федеральных территориях с содержанием положения части 1 статьи 5 Основного закона, устанавливающей состав Российской Федерации (Leksin, 2021). Вместе с тем, с точки зрения теории федерализма следует разграничивать состав федерации, включающий ее субъектов, и иные территориальные единицы, не являющиеся регионами. Аналогичная позиция высказывается также отдельными исследователями (Engibaryan, 1999).

Следует указать, что при проверке Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ Конституционный Суд в Заключении от 16.03.2020 № 1-3 указал, что конституционная норма о возможности создания федеральных территорий не предполагает обладание ими статусом, идентичным правовому положению субъектов Федерации¹. Последовавший вслед за этим первый прецедент создания федеральной территории «Сириус» на основе Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»² обусловил всплеск интереса отечественных исследователей к соответствующей проблематике, в первую очередь направленного на определение правовой природы данной единицы, а также оптимальной модели организации ее властного механизма.

Законодательные положения, регламентирующие функционирование указанной разновидности публичных образований в нашей стране, характеризуются ярко выраженными особенностями как относительно общей структуры публичной власти в России, так и применительно к аналогичным примерам в зарубежных странах. Вследствие этого критическое осмысление рассматриваемого института является необходимой предпосылкой дальнейшего совершенствования законодательства, регламентирующего функционирование федеральных территорий.

В частности, следующие вопросы требуют своего разрешения: определение правовой природы федеральной территории в рамках особенностей регулирования властеотношений в российском законодательстве, а также выявление ее признаков и причин создания. Отдельное внимание необходимо уделить анализу практики образования федеральных территорий в ряде зарубежных стран (США, Австралия и Индия), а также организации и взаимоотношениям властных структур федеральной территории «Сириус» как друг с другом, так и с другими уровнями публичной власти (Федеральный центр и Краснодарский край).

За прошедшее время после принятия в 2020 г. поправок к Конституции РФ появилось множество научных исследований, посвященных изучению российского

¹ Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2025).

² Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/ (дата обращения 18.02.2025).

законодательства и практики его реализации относительно функционирования федеральной территории «Сириус». В частности, следует указать таких российских авторов, как Т.М. Алексеева, О.А. Ежукова, А.А. Клишас, Е.А. Кравцова, Ю.А. Кудрявцев, Н.С. Малютин, И.В. Лексин, Н.Л. Пешин, С.В. Праскова, Т.Я. Хабриева и др. Кроме того, в настоящей статье рассматривается практика деятельности федеральных территорий в зарубежных государствах (в данном контексте проанализированы исследования С. Баггии, Дж. Булман-Позен, О.С. Джонсон, И.А. Третьяк и Р.С. Уард). Также в работе изучено соответствующее российское и зарубежное законодательство, а также решения Конституционного Суда РФ.

Указанные цели и задачи исследования обусловили применение релевантной методологической базы. В частности, при анализе источников права использовались формально-юридический и аналитический методы; при критическом осмыслении научной литературы – методы классификации и дедукции, а также системный метод.

Теоретико-правовые основы изучения института федеральных территорий

Что касается правовой модели регулирования данных территориальных образований, то с учетом формулировок части 1 статьи 67 Основного закона 1993 г. она может варьироваться: 1) принятие отдельного «именного» федерального закона; 2) принятие рамочного федерального закона, устанавливающего условия и алгоритм создания подобных образований, предполагающего в дальнейшем опосредование учреждения конкретной федеральной территории специальным нормативным актом; 3) принятие единого федерального закона, закрепляющего создание всех федеральных территорий³. При этом в научной литературе встречается спорная позиция, толкующая формулировку части 1 статьи 67 Конституции РФ о возможности создания федеральной территории в соответствии с федеральным законом как необходимость принятия исключительно единого базового федерального закона (Kudryavtsev, 2022).

Очевидно, что законодательная практика в России развивается в русле первого варианта, что выразилось в принятии Федерального закона от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ⁴. Оценивая подобный формат правового регулирования, следует согласиться, что смещение акцента с более широкого, теоретического подхода на практику развития конкретной федеральной территории не способствует развитию представлений о природе данных публичных образований (Praskova, 2024).

Необходимо отметить, что на сегодняшний день имеется обширная зарубежная практика функционирования указанного института. С отсылкой к последней отдельные исследователи указывают на отклонение от нее значения словосочетания «федеральная территория» в российских реалиях, поскольку последняя в разрез с иностранными традициями не является ни столицей, ни областью со сложной политической обстановкой, требующей особого федерального внимания, ни малоосвоенным или слабозаселенным пространственным ареалом, представляя собой небольшой участок с развитой инфраструктурой (Leksin, 2021). В свою очередь, другие государственоведы отмечают разнообразие вариантов федеральных территориальных единиц,

³ Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, Инфра-М, 2020. СПС «Консультант плюс». EDN: ANUONY.

⁴ Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/ (дата обращения 18.02.2025).

поскольку каждое союзное государство индивидуально решает вопрос о статусе той или иной своей составной части, исходя из решаемых задач и абсолютизируя необходимость соответствия какому-либо эталону (Praskova, 2013).

Последняя позиция представляется более обоснованной как отражающая существующую вариативность конституирования территориальных единиц, не являющихся субъектами федерации, в том числе по вопросу организации публичной власти и степени их самостоятельности: от статуса объекта внешнего управления (федеральные владения в Венесуэле, Австралии и т.п.) до наличия системы собственных властных структур (например, столичные округа в США, Бразилии, Австралии и др.).

В научной литературе к признакам федеральных территорий, отличающих их от субъектов федерации, относят: отсутствие субнациональных органов публичной власти, создаваемых независимо от общегосударственных структур (даже в случае наличия определенной степени автономности, проявляющейся, среди прочего, в функционировании представительного органа, тем не менее, данная публично-территориальная единица находится под контролем центральной власти), а также отсутствие собственной компетенции (Praskova, 2013).

Кроме того, на основе анализа имеющейся практики в качестве отличительных свойств федеральных территорий исследователи указывают: территориальную разжеванность с субъектами федерации; прямое управление со стороны общенациональной власти. При этом последний признак означает, что в таких образованиях все или часть вопросов локального характера осуществляются непосредственно федерацией либо под ее контролем специально формируемыми органами публичной власти и должностными лицами (Praskova, 2013).

Другие авторы полагают, что правовой режим организации публичной власти на федеральной территории определяется целью ее создания. В частности, если в основе создания соответствующего образования лежат интересы всего народа страны, то учреждается прямое федеральное управление. В свою очередь, в случае приоритизации интересов местного территориального коллектива, целесообразно введение определенного уровня самоуправления. Также возможен симбиоз двух указанных факторов, в результате чего закрепляется определенный баланс общегосударственного и местного интересов (Chuklin, 2021).

Следует отметить, что к причинам создания федеральных территорий в научной литературе относят: необходимость прямого управления центральной властью относительно плохо развитыми или спорными территориями; потребность в реализации специальных полномочий, имеющих общегосударственное значение; создание заморских территорий, способствующих обеспечению контроля над удаленными территориями; образование неинтегрированных территорий в качестве субъектов федерации; преобразование части территории субъекта федерации в территорию прямого федерального управления в стратегически важных целях (Nizhnik & Nudnenko, 2022).

Вместе с тем очевидно, что асимметричность федерации, характеризующаяся спецификой правового статуса отдельных регионов, не может служить основанием отнесения последних к числу федеральных территорий. Кроме того, часть из указанных причин создания анализируемых публично-правовых единиц отождествляет последние с ассоциированными государствами, имеющими принципиально иную природу, связанную с историко-политическим контекстом интеграции соответствующих территориальных образований.

На основе анализа научной литературы и зарубежного законодательства можно утверждать, что в основе создания федеральных территорий лежат следующие факторы: необходимость прямого управления из федерального центра отдельными территориями, не имеющими предпосылок для создания на их базе субъекта федерации (отсутствие инфраструктуры, традиционный образ жизни аборигенного населения, незаселенность, удаленность от основной территории страны и др.); выделение территории для реализации специальных общенациональных функций, имеющих стратегическое значение для всего государства: необходимость достижения индивидуальной федеральной цели (реализации проекта), обуславливающая обособление соответствующей территории от субъектов федерации и создание специфической модели публичной власти; самобытность определенной местности, ярко контрастирующая с общегосударственной характеристикой в разрезе регионов. При этом степень автономии и влияния Центра на локальное принятие решений зависит от различных факторов: исторических, политических, культурных, экономических и т.д. Так, историко-культурная составляющая может детерминировать образование федеральной территории с целью обеспечения гарантий жизнедеятельности конкретной этнической группы.

Кроме того, степень автономии федеральных территорий, объективирующаяся в наличии или отсутствии, порядке создания и компетенции собственной системы органов публичной власти, а также в установленных механизмах влияния федеральных структур на местные процессы, является наиболее принципиальным признаком, влияющим на классификацию данных публичных единиц.

Зарубежная практика функционирования федеральных территорий

Что касается зарубежной практики, то, в частности, в соответствии с разделом 8 статьи 1 Конституции США 1787 г. Конгресс осуществляет исключительную законодательную власть в округе, который путем уступки территории отдельными штатами может стать резиденцией союзного правительства⁵, т.е. речь идет о прямом федеральном подчинении соответствующей территории, изъятой из-под юрисдикции субъектов федерации. Как отмечается в научной литературе, норма о федеральной территории появилась в американском Основном законе в определенной мере из необходимости исключения влияния какого-либо штата на деятельность общенациональных властей (Tretyak, 2022). В то же время схема реализации власти в округе Вашингтон со временем эволюционировала, и в соответствии с Законом 1973 г. он управляется во многом как штат, за исключением некоторых важных областей (например, вступление в силу законов округа только после одобрения Конгрессом) (Tretyak, 2022). В связи с последним обстоятельством в США ведется дискуссия (Bulman-Pozen & Johnson, 2022) о наделении данного публично-территориального образования статусом субъекта федерации⁶.

⁵ Режим доступа: <https://constitutioncenter.org/the-constitution> (дата обращения: 18.02.2025).

⁶ Так, в 2021 году Комитет по надзору и правительственной реформе Палаты представителей Конгресса США проголосовал за принятие законопроекта о предоставлении статуса штата федеральному округу Колумбия, что явилось отражением требования о равенстве и справедливости всех граждан на территории страны (право на представительство в Конгрессе с правом решающего голоса). См.: Комитет Палаты представителей США проголосовал за наделение столицы страны статусом штата. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11152429> (дата обращения: 18.02.2025).

В свою очередь, согласно статье 122 Конституции Австралии Парламент может издавать законы для управления любой территорией, приобретенной Содружеством, и может санкционировать представительство такой территории в любой из палат Парламента в соответствии с установленными им условиями⁷. В настоящее время территориальная структура данного государства помимо шести штатов включает в себя: три материковые территории, семь заморских территорий и антарктическую территорию.

Из указанных субнациональных единиц только две (Северная и Австралийская столичная) имеют свои парламенты и другие органы власти, другие же управляются федеральным правительством. Как отмечается в научной литературе, наделение Северной территории правом на самоуправление происходило под давлением ее жителей, что вынуждало федеральное Правительство принимать меры по реализации статьи 122 Конституции Австралии. Так, первоначально в 1922 г. был принят Закон, закреплявший представительство Северной территории в Палате представителей без права голоса (Ward, 1963).

Так, правовой статус Северной территории регламентируется Законом о Северной Территории (Самоуправлении) 1978 г.⁸ Данная единица определяется указанным правовым актом как политическое образование под управлением центральной власти (статья 5). Публичный аппарат указанной территории представлен Законодательным Собранием⁹ и Исполнительным советом в составе: главного министра и министров¹⁰; администратора, представляющего федеральный властный уровень и играющего роль, аналогичную роли губернатора штата, но без участия в управлении¹¹.

Каждый закон, принятый Законодательным собранием, должен быть представлен Администратору на одобрение. Последний по результатам рассмотрения либо соглашается с законом, либо воздерживается от его одобрения, либо оставляет предложенный закон на усмотрение генерал-губернатора (статья 7).

Заседания Исполнительного совета созываются Администратором (статья 33). В свою очередь, министры назначаются Администратором из числа членов Законодательного Собрания, их полномочия также могут быть прекращены в любое время указанным лицом (статья 36).

Как отмечают исследователи, с точки зрения обеспечения учета локальных интересов на общегосударственном уровне Северная территория имеет непропорционально низкое представительство по сравнению со своей территорией и экономическим потенциалом, что лишает регион существенного политического влияния. В связи с этим предлагается повысить статус данной публично-правовой единицы до уровня штата, а также восстановить межведомственный орган (Стратегическое партнерство Северной Австралии (NASP)), обеспечивавший руководство на высшем уровне развитием Северной Австралии с участием премьер-министра страны, премьер-министров Квинсленда, Западной Австралии и главного министра Северной территории (Coyne & Campbell, 2025).

⁷ Режим доступа: The Australian Constitution /<https://www.aph.gov.au/constitution> (дата обращения: 18.02.2025).

⁸ Northern Territory (Self-Government) Act 1978. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/C2004A01857/latest/text> (дата обращения: 18.02.2025).

⁹ Режим доступа: <https://parliament.nt.gov.au/> (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁰ Режим доступа: <https://nt.gov.au/about-government/the-cabinet> (дата обращения: 18.02.2025).

¹¹ Режим доступа: <https://govhouse.nt.gov.au/> (дата обращения: 18.02.2025).

В свою очередь, в Индии согласно статье 239 Конституции союзные территории управляются Президентом страны через назначенного им администратора. Последним может являться губернатор соседнего с союзной территорией штата. Что касается публичной власти указанных единиц, то Парламент Индии путем принятия закона может создать выборный либо частично назначаемый и избираемый законодательный орган, а также Совет министров (статья 239А).

Так, город Дели является Национальной столичной территорией. Функции администратора данного образования исполняет лейтенант-губернатор. Также формируется Законодательное собрание, члены которого избираются в ходе прямых выборов. При этом правовое положение законодательной структуры аналогично статусу легислатур штатов, в том числе они вправе законодательствовать по всем вопросам, указанным в Перечне полномочий штатов и Перечне совпадающей компетенции, за некоторыми исключениями (общественный порядок, полиция, земельные отношения и др.). В связи с этим исследователи предлагают продолжить логику децентрализации в отношении столичной территории Дели путем подчинения отдельных федеральных ведомств, функционирующих в ее границах, непосредственно управленческому аппарату федеральной территории (Bagcii, 2003).

Тем не менее, Парламент Союза вправе принимать законы по любым вопросам для союзной территории, вследствие чего при противоречии между федеральными и субнациональными законами независимо от последовательности их принятия, первый имеет приоритет, а второй является недействительным в той мере, в которой он не соответствует вышестоящему акту.

Совет министров Дели во главе с главным министром помогает и консультирует лейтенант-губернатора при реализации им своей компетенции. При этом главный министр назначается Президентом страны, а другие министры – Главой государства по рекомендации первого. Правительство несет ответственность перед Законодательным собранием.

При возникновении разногласий между министрами и лейтенант-губернатором последний передает спорный вопрос на рассмотрение Президента Индии для принятия решения по нему. Однако в случае неотложной необходимости администратор вправе предпринять немедленные действия или дать обязательные указания по данному вопросу до принятия решения Главой государства (статья 239АА).

Российская модель организации публичной власти в федеральной территории «Сириус»

Для изучения российской модели организации власти в федеральной территории необходимо проанализировать Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»¹².

Указанный нормативный правовой акт определяет федеральную территорию как имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование, в котором в целях обеспечения комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, повышения ее инвестиционной привлекательности, необходимости сохранения олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, создания благоприятных условий для

¹² Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/ (дата обращения: 18.02.2025).

выявления, самореализации и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития России устанавливаются особенности организации публичной власти и осуществления экономической и иной деятельности.

Таким образом, федеральная территория является публичным образованием, по своему правовому статусу отличающимся от субъектов Федерации. С терминологической точки зрения первое понятие является родовым по отношению ко второму, которое включает в себя в качестве разновидностей также государство, регионы, муниципальные образования, территориальные автономные сообщества, а также общины коренного малочисленного народа и резервации племени (родственных племен). Необходимо отметить, что под публично-правовым образованием в научной литературе понимается форма организации публичного коллектива на конкретной территории, обладающая публичной властью для регулирования общественных отношений, являющаяся юридическим лицом публичного права и несущая ответственность за деяния своих органов и должностных лиц (Chirkin, 2011).

Вместе с тем отдельные исследователи полагают, что статус федеральных территорий идентичен статусу субъектов РФ (Kudryavtsev, 2022). С такой позицией нельзя согласиться в силу следующего. Во-первых, субъекты федерации являются выражением принципа федеративного устройства страны. В философском понимании связь «федерация – субъект федерации» выступает категориальной парой диалектики. Взаимодействие указанных понятий характеризуется через отношения «целое – часть», «структура – система – элемент» (Loifman, 2003). Вследствие этого система (федерация) – это комплекс взаимодействующих элементов (регионов) с устойчивыми связями между ними (структура)¹³. В свою очередь, федеральные территории являются исключением из принципа федеративного устройства (большинство союзных государств не имеют в своем составе указанных публично-правовых образований). Они являются производными от решения федеральных властей.

Во-вторых, компетенция субъектов федерации устанавливается конституцией, а полномочия федеральных территорий, как правило, закрепляются законодательством.

В-третьих, компетенция субъектов федерации построена на органической взаимосвязи с федеральной и местной компетенцией, в совокупности составляющими единое целое, охватывающее весь комплекс общественных отношений. В свою очередь, полномочия федеральных территорий носят специальный характер, обусловленный целями ее создания, и объединяют отдельные вопросы, изъятые из ведения общегосударственного, субнационального и муниципального властных уровней.

В-четвертых, субъекты федерации представляют собой государства (государствоподобные образования) со всеми соответствующими атрибутами, а федеральные территории можно охарактеризовать как административно-территориальные единицы, созданные искусственно государством в определенных целях, либо исторически детерминированные локальные общности, обладающие ярко выраженной спецификой и не имеющие признаков государственности. Так, «Сириус» обладает лишь частичными федеральными и региональными полномочиями, границы которых могут меняться на основании решений органов государственной власти (часть 1 статьи 8 Федерального закона от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ¹⁴).

¹³ Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. *Философия* : учебник. М. : Современный гуманитарный университет, 2012. 452 с. EDN: QXDWCN.

¹⁴ Режим доступа: <https://base.garant.ru/400102492/> (дата обращения: 18.02.2025).

Следует отметить ярко выраженную особенность «Сириуса» в контексте общемировой практики структурирования публичной власти в федеральных территориях: являясь отдельной публично-правовой единицей, она продолжает оставаться административно-территориальной составной частью субъекта РФ (двойственный статус). Данный тезис подтверждают положения федерального законодательства, закрепляющие: распространение действия региональных законов; участие региона в формировании властных структур «Сириуса» и др. Кроме того, жители федеральной территории голосуют на выборах депутатов Государственной Думы и в органы власти Краснодарского края (выборы Губернатора и депутатов Законодательного Собрания). Вследствие этого, нельзя согласиться с утверждением, что согласно статье 67 Конституции РФ федеральные территории выведены из-под юрисдикции и изъяты из территории субъекта РФ (Kravtsova, 2024).

К аналогичному выводу приходят и иные исследователи, по итогам анализа модели правового регулирования отмечая управленческое «встраивание» данной публичной единицы в субъект Федерации (сохранение у региона полномочий в федеральной территории и наличие института перераспределения полномочий между двумя ними) (Peshin, 2022). Следует отметить, что указанный автор в контексте анализа формата взаимоотношений федеральной территории с Краснодарским краем, с одной стороны, рассматривает первую как составную часть Краснодарского края, а, с другой стороны, утверждает об их равноправном статусе партнеров (необходимость заключения соглашений о передаче полномочий в отличие от муниципалитетов). Представляется, что последнее обстоятельство не может служить свидетельством паритетного характера связей между рассматриваемыми публичными образованиями, цель повышенных гарантий федеральной территории – защита общенациональных интересов, лежащих в основе их создания.

Властный механизм «Сириуса» представлен органами публичной власти (представительный орган (Совет), исполнительно-распорядительный орган (Администрация)) и иными органами¹⁵ (контрольно-счетный орган, избирательные комиссии и другие институты, предусмотренные Уставом, в которых отсутствуют государственные должности и должности федеральной службы (градостроительный совет, уполномоченный по вопросам местного самоуправления)¹⁶) (части 1 и 2 статьи 10). В научной литературе высказано мнение о том, что контрольно-счетный орган и территориальная избирательная комиссия выделены как элементы системы органов федеральной территории, не относящиеся к иным органам (Praskova, 2024). Представляется, что последние включают как законодательно обозначенные структуры, так и институты, закрепляемые непосредственно в Уставе «Сириуса». Вместе с тем следует признать обоснованным акцентирование внимание данным исследователем на том, что правовая природа территориальной избирательной комиссии и контрольно-счетной палаты (федеральные или региональные государственные органы) остается

¹⁵ Примечательно, что законодатель закрепляет категорию «органы публичной власти», отличную от понятия «иные органы», под которыми подразумеваются, как минимум, государственные органы: территориальная избирательная комиссия и контрольно-счетная палата. Таким образом, на лицо внутреннее законодательное противоречие между положениями анализируемого Федерального закона и другими нормативными правовыми актами, предусматривающими бинарность системы публичной власти. Соответственно, указанная ситуация требует своего разрешения путем законодательного признания существования трех форм публичной власти.

¹⁶ Устав федеральной территории «Сириус». Режим доступа: <https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/wbrAPaEkc55yM2W> (дата обращения: 18.02.2025).

неясной. К этому можно добавить, что аналогичная ситуация имеет место быть и применена к другим институтам, не являющимся органами публичной власти федеральной территории.

С точки зрения взаимоотношений между собой различных ветвей модель власти в федеральной территории «Сириус» напоминает региональную и муниципальную схемы, характеризующиеся подконтрольностью исполнительно-распорядительных структур представительному органу (в частности, Совет: утверждает Устав, стратегию социально-экономического развития, бюджет и отчет об его исполнении, генеральный план, годовой отчет главы администрации и др.; принимает решение о создании контрольно-счетного органа; назначает главу администрации и согласовывает назначение его заместителей). Кроме того, законодательно устанавливается запрет на совмещение должностей председателя Совета и главы администрации.

В то же время отличительными особенностями властной конструкции федеральной территории является отсутствие отдельных «встречных» механизмов «сдержек и противовесов» со стороны исполнительной структуры. Так, не глава администрации, а председатель Совета: подписывает и обнародует нормативные акты, принятые представительным органом; представляет федеральную территорию без доверенности в отношениях с органами власти, гражданами и организациями (пункты 1 и 2 части 3 статьи 13). Также сам глава администрации входит в состав Совета по должности (пункт 5 части 1 статьи 12). Данное обстоятельство обусловлено отмеченным выше стратегическим значением федеральной территории, формально-юридическим проявлением которого является осуществление председателем Совета функций представителя федеральной власти (данное должностное лицо избирается из состава Совета по представлению Президента РФ (часть 2 статьи 13)). Вследствие этого не совсем обоснованным является утверждение А.В. Чуклина о том, что в приоритете у Совета ориентация на представительство интересов местного населения, а публичные государственные интересы учитываются во вторую очередь, что контрастирует со стратегическим значением «Сириуса» (Chuklin, 2021). Очевидно, что при оценке баланса государственных и локальных интересов необходимо принимать в учет конструкцию публичной власти в целом, в том числе в контексте системы «сдержек и противовесов».

Также в научной литературе обоснованно отмечают ряд особенностей организации управленческого механизма федеральной территории. Так, компетенция Администрации строится по остаточному принципу, включая возможность осуществления любых полномочий, не отнесенных Законом и Уставом к ведению Совета. Соответственно, данная законодательная схема может детерминировать различные конфигурации соотношения сил в системе органов власти «Сириуса». Кроме того, обращает на себя внимание возможность реализации расширенного перечня форм непосредственной демократии, аналогичного предусмотренному на уровне местного самоуправления (правотворческая инициатива граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, общественные обсуждения и т.д.) по отношению к вопросам, относящимся к федеральной и региональной компетенции, что фактически создает дополнительные механизмы управления соответствующими сферами общественных отношений (статья 11) (Ezhukova & Maluyutin, 2021).

Экстраполяция теории разделения властей на организацию публичной власти федеральной территории «Сириус» дает основание отдельным исследователям для

утверждения о необоснованности отсутствия в законодательстве положений, регламентирующих деятельность институтов судебной власти в данных публичных образованиях. В частности, указывается, что в зарубежной практике судебная организация федеральных территорий устанавливается законом. Кроме того, отмечается, что несмотря на то, что вопросы о судопроизводстве находятся в ведении Федерации, тем не менее, административно-процессуальное законодательство осталось в совместной компетенции Центра и регионов (Alekseeva, 2022).

Данная позиция может быть подвергнута сомнению на основе анализа действующей нормативной правовой базы. В частности, как было сказано, из содержания Федерального закона от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ не вытекает изъятие соответствующей территории из состава Краснодарского края. Речь исключительно идет об особом публично-правовом образовании с отдельным правовым режимом. В этом и заключается специфический отечественный подход к конструированию федеральной территории, не предполагающий размежевания указанных единиц и регионов¹⁷. Данный тезис подтверждается закреплением в федеральном законодательстве механизмов влияния Краснодарского края на деятельность публичной власти «Сириуса», а также равнозначностью терминов «федеральная территория» и «муниципальное образование городской округ»¹⁸. Следовательно, с точки зрения судеустройства территориальная подсудность судов, коррелирующая с судебными участками, федеративным устройством и административно-территориальным делением, не изменилась.

Что касается вопроса о создании судебных институтов в федеральной территории исходя из совместной компетенции Федерации и ее субъектов в сфере административно-процессуального законодательства, то с учетом предыдущих доводов данное обстоятельство не влияет на общую схему организации судебной власти. Так, согласно частям 1 и 2 статьи 4 Федерального закона от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ нормативные правовые акты России и Краснодарского края действуют в «Сириусе» с учетом особенностей, установленных указанным нормативным актом. Соответственно, поскольку законодательство обходит вниманием создание собственных судебных структур в федеральной территории, постольку федеральные суды и мировые судьи осуществляют там правосудие в установленном порядке. Вследствие этого необоснованно признавать подобную логику законодательного регулирования пробельной (Alekseeva, 2022).

В рамках анализа правовой природы публичной власти федеральной территории показательны следующие нормы анализируемого Закона: реализация местного самоуправления в федеральной территории гражданами непосредственно, а также через органы публичной власти, осуществляющие полномочия органов местного самоуправления городского округа (часть 2 статьи 2); комбинированная компетенция органов власти «Сириуса», включающая полномочия федеральных, региональных и муниципальных властных структур (часть 1 статьи 8); наличие должностей

¹⁷ В качестве одного из вариантов объяснения данной ситуации можно выдвинуть предположение о недостаточной концептуальной продуманности законодательного подхода к конструированию отечественной модели федеральной территории.

¹⁸ В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» территория субъекта Федерации разграничивается между поселениями, муниципальными и городскими округами (пункт 1 части 1 статьи 11). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/0e788ce39a3ed96a9a25620807fff99e72c18313/ (дата обращения: 18.02.2025).

федеральной службы в органах власти «Сириуса» (часть 4 статьи 10); сочетание при формировании Совета наряду с выборностью назначаемости его членов Президентом, Правительством и губернатором (часть 1 статьи 12); замещение государственных должностей Федерации лицами, избранными (назначенными) членами Совета (часть 6 статьи 12); использование словосочетаний «федеральная территория „Сириус“» и «муниципальное образование городской округ „Сириус“» в одном значении, если иное не предусмотрено указанным Законом (часть 4 статьи 47).

Вследствие этого специфика публично-правовой единицы «Сириус» обусловлена целями создания данного образования и заключается в сочетании признаков трех уровней власти в контексте организации ее публичного аппарата: наличие в составе компетенции полномочий федеральных, региональных и местных структур; участие в формировании органов власти как Федерального центра, так и региона (Краснодарского края); копирование во многом муниципальной схемы взаимоотношений между представительным (Совет) и исполнительно-распорядительным (администрация) органами и др. При этом с учетом общегосударственного стратегического значения подобных территориальных единиц в рамках управленческой деятельности данного публичного образования преобладают федеральные интересы, что накладывает отпечаток на характер его властной модели: определяющее воздействие на принимаемые решения имеют федеральные структуры. В связи с этим спорным представляется утверждение, что федеральная территория расположена между полномочиями субъекта РФ и органами местного самоуправления, и ее органы должны рассматриваться как органы государственной власти, а переданные им полномочия органов местного самоуправления – в качестве «прикомандированных» (Maiboroda, 2022).

В научной литературе аналогично отмечается, что в данном случае фактически речь идет о слиянии всех уровней власти в один, что не в полной мере встраивается в имеющуюся правовую схему публичной власти России (Ezhukova & Malyutin, 2021). Более того, созданная модель федеральной территории является осознанной попыткой отказаться от законодательного формата строгого разграничения государственных и муниципальных полномочий (Peshin, 2022).

Указанное обстоятельство позволяет исследователям сделать вывод о пробельности Закона о поправке 2020 г. в части возможности обладания федеральной властью компетенцией в рамках всех предметов ведения, предусмотренных статьями 71–73 Конституции РФ. Кроме того, возникает вопрос о региональных налогах: должны ли они: стать федеральными, быть заменены другими налогами или не должны взиматься вообще (Leksin, 2021).

Однако в данном случае предполагаемая коллизия не может иметь места ввиду того, что по смыслу части 1 статьи 67 Основного закона создание федеральных территорий является исключением из стандартной схемы территориальной структуризации нашей страны (деление на субъекты Федерации). Вследствие этого конституционные положения, предусматривающие разграничение предметов ведения трех уровней публичной власти, не распространяются непосредственно на организацию властного механизма данного вида территориальной единицы. При этом в соответствии с частями 1 и 2 статьи 4 и частью 1 статьи 9 Федерального закона от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ у общегосударственного и регионального уровней (в отличие от муниципального) остаются их полномочия на территории Сириуса (федеральные

и краевые нормативные акты в федеральной территории действуют с учетом особенностей, установленных данным Законом).

Кроме того, в научной литературе встречается позиция о невозможности определения статуса аппарата «Сириуса» без его отнесения к государственной или муниципальной власти исходя из правовой дихотомии системы публичной власти (Praskova, 2024). Однако законодательная конструкция публичной власти данного публично-правового образования, пусть и не безупречная, опровергает данный тезис.

Отдельно необходимо отметить, что рассматриваемые территориальные образования имеют локальный характер, вследствие чего их публичную власть следует отнести к местному уровню. В то же время некоторые исследователи на основе понимания того, что в нашей стране существуют исключительно два территориальных уровня организации публичной власти (государственный (федеральный и региональный) и уровень муниципальной власти), делают вывод, что статус федеральной территории должен определяться по аналогии со статусом муниципалитетов. Также возможно сопоставление данных образований с уровнем административно-территориальных единиц субъектов Федерации, что отражает тенденцию на формирование административной модели местного самоуправления в современной России (Peshin, 2021).

Вместе с тем, в силу отмеченного выше переплетения в рамках организации властных структур федеральной территории различных начал (федерального, регионального и местного), они не являются муниципальными образованиями. Данное обстоятельство не исключает возможности наличия на местном уровне наряду с муниципальной властью иной формы власти – федерально-территориальной. Так, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 07.06.2023 г. № 31-П разграничивает органы государственной власти, органы публичной власти федеральных территорий и муниципальные органы¹⁹.

Кроме того, использование в законодательстве формулировки «органы публичной власти» применительно к властным структурам федеральной территории отдельными исследователями расценивается как противоречие Конституции 1993 г., поскольку последняя использует данный термин в качестве собирательного по отношению ко всем властным структурам (Andrichenko, 2022). Однако отмеченное сочетание элементов федеральной, региональной и муниципальной властей в организации управленческого аппарата «Сириуса» содержательно охватывается указанным понятием. Таким образом, предложенная выше федерально-территориальная форма

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2023 № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта 14.2 статьи 35 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой Оренбургского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=6B74D1438D67FEEB055853E95C698D77&mode=searchcard&rnd=OaCsHA&base=LAW&n=449079#3f5XgFUOCzDvcyC51> (дата обращения: 18.02.2025). Примечательно, что данная формулировка содержательно противоречит части 1 статьи 2 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном совете Российской Федерации», понимающей под единой системой публичной власти федеральные и региональные органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности. При этом с учетом приоритетности по юридической силе актов высшего органа конституционного правосудия по сравнению с федеральными законами указанный нормативный акт подлежит приведению в соответствие со складывающейся конституционно-правовой практикой в части дополнения системы публичной власти органами федеральных территорий.

власти доктринально позволяет описать конструкцию публичного аппарата федеральной территории с точки зрения ее правовой природы.

Ранее в научной литературе высказывались возражения против подобной интерпретации, сводившиеся к трактовке органов власти федеральной территории в качестве федеральных структур на основе анализа действовавшего в соответствующий период законодательства, регламентирующего правовые основы государственной гражданской службы. В частности, речь шла о том, что поскольку в Совете федеральной территории предусмотрено учреждение государственных должностей РФ, а также наличие должностей федеральной службы, постольку властные институты «Сириуса» являются федеральными (Chuklin, 2021)²⁰. В настоящее время оснований для подобных выводов нет в связи с изменением законодательства. Так, в соответствии с частью 4 статьи 10 и частью 6 статьи 12 Федерального закона от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ в органах власти «Сириуса» устанавливаются государственные должности РФ и должности федеральной службы. При этом согласно Федеральному закону от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» государственной гражданской службой РФ является служебная деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий среди прочих лиц, замещающих государственные должности РФ (часть 1 статьи 3)²¹. В свою очередь, последние учреждаются в том числе для непосредственного исполнения полномочий органов публичной власти федеральных территорий²². Соответственно, государственные должности РФ могут создаваться не только в федеральных структурах, а должности федеральной службы обеспечивают не только деятельность лиц, обладающих подобным статусом.

Особенности форм собственности в контексте изучения федеральной территории в РФ

Специфика формы публичной власти федеральных территорий также влечет за собой постановку вопроса о форме собственности в отношении имущества, принадлежащего указанным образованиям. Так, в научной литературе существует позиция, согласно которой собственность федеральной территории относится к государственной. Однако последняя может быть федеральной или региональной. Следовательно, рассмотрение анализируемого вида публично-территориальных образований в качестве собственника требует появления особого вида государственной собственности (Leksin, 2021).

Безусловно, вопрос о форме собственности в отношении имущества федеральных территорий является крайне актуальным. С учетом предложенного понимания структуры публичной власти применительно к федеральным территориям и исходя из формулировок части 2 статьи 8 Конституции России, а также статей 212–215 Гражданского кодекса РФ здесь могут быть два варианта формализации:

²⁰ Однако остается дискуссионным поднятый данным исследователем вопрос о легитимности и легальности публичной власти федеральной территории с точки зрения статьи 3 Конституции РФ (народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления).

²¹ Режим доступа: <https://base.garant.ru/12136354/> (дата обращения: 18.02.2025).

²² Абзац шестой части 1 статьи 1 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 № 58-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (дата обращения: 18.02.2025).

- 1) возникновение новой формы собственности – федерально-территориальной. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость соответствующей концептуальной разработки и внесения изменений в гражданское законодательство;
- 2) сохранение за имуществом федеральной территории статуса федеральной, региональной или муниципальной собственности, переданной ей в управление.

Заключение

Проведенное исследование в качестве его итогов позволяет сделать некоторые выводы, представляющие интерес для дальнейшего развития правовой доктрины и отечественного законодательства.

Факторами, детерминирующими появление федеральных территорий, являются: необходимость прямого управления из федерального центра отдельными территориями, не имеющими предпосылок для создания на их базе субъекта федерации; выделение территории для реализации специальных функций, имеющих стратегическое значение для всего государства: необходимость достижения индивидуальной федеральной цели (реализации проекта), обуславливающая обособление соответствующей территории от субъектов федерации и создание специфической модели публичной власти; самобытность определенной местности, ярко контрастирующая с общегосударственной характеристикой в разрезе регионов. Разнообразие указанных факторов влияет на степень автономности федеральных территорий (наиболее важный критерий их классификации).

Анализ специфики организации властного механизма в федеральной территории «Сириус» (сочетание начал федеральной, региональной и муниципальной властей) позволяет выделить новую форму публичной власти – федерально-территориальную (наряду с государственной и муниципальной).

Ярко выраженным отличием отечественной модели федеральной территории является двойственность ее статуса: «Сириус», являясь самостоятельным публично-правовым образованием, продолжает оставаться в административно-территориальном смысле составной частью Краснодарского края.

Применительно к вопросу о форме собственности в отношении имущества, принадлежащего федеральной территории, исходя из положений Конституции России и гражданского законодательства можно предложить два варианта формализации: возникновение новой формы собственности – федерально-территориальной; сохранение за имуществом статуса федеральной, региональной или муниципальной собственности, переданной в управление данной территориальной единицы.

References / Список литературы

- Alekseeva, T.M. (2022) Certain aspects of the activities of public authorities in the federal territory. *Justice of the Peace*. (1), 18–23. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2022-1-18-23> EDN: OWLLCE.
- Алексеева Т.М. Отдельные аспекты деятельности публичной власти на федеральной территории // *Мировой судья*. 2022. № 1. С. 18–23. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2022-1-18-23> EDN: OWLLCE.
- Andrichenko, L.V. (2022) Evolution of the principles of federalism in Russia in light of the constitutional reforms of 2020. *Journal of Russian Law*. 26 (3), 48–59. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.028> EDN: MXVJGN.

- Андриченко Л.В.* Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 г. // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 48–59. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.028> EDN: MXVJGN.
- Bagcii, S. (2003) Governance in Delhi: Too Many Cooks. *Economic and Political Weekly*. 38 (46), 4831–4832.
- Bulman-Pozen, J. & Johnson, O.C. (2022) Federalism and Equal Citizenship: The Constitutional Case for D.C. Statehood. *The Georgetown Law Journal*. (110), 1269–1324. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4009101> EDN: EORLVS.
- Chirkin, V.E. (2011) *Public-Law Education*. Moscow, Norma, Infra-M Publ. (In Russian). EDN: SDQRFF.
Чиркин В.Е. Публично-правовое образование. М. : Норма : Инфра-М, 2011. 336 с. EDN: SDQRFF.
- Chuklin, A.V. (2021) On the issue of organizing public authority on the federal territory. *Constitutional and Municipal Law*. (10), 11–14. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-10-11-14> EDN: XDGLPX. (In Russian).
Чуклин А.В. К вопросу об организации публичной власти на федеральной территории // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 11–14. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-10-11-14> EDN: XDGLPX.
- Coyne, J. & Campbell, H. (eds.) (2025) North of 26° south and the security of Australia: Views from The Strategist. 10, [i]-1. Australian Strategic Policy Institute.
- Ezhukova, O.A. & Maljutin, N.S. (2021) Peculiarities of organization of public government in separate territories: Experience of the Russian Federation. *Constitutional and Municipal Law*. (12), 13–23. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-12-13-23> EDN: LDILEU.
Ежукова О.А., Малютин Н.С. Особенности организации публичной власти на отдельных территориях: опыт Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 13–23. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-12-13-23> EDN: LDI-LEU.
- Engibaryan, V.R. (1999) The concept of federalism and problems of its models. *Moscow Journal of International Law*. (3), 10–20. (In Russian). EDN: ZQKTCQ.
Энгибарян В.Р. Понятие федерализма и проблемы его моделей // Московский журнал международного права. 1999. № 3. С. 10–20. EDN: ZQKTCQ.
- Kravtsova, E.A. (2024) On the Impact of the Formation of Federal Territories on the Independence of the Subjects of the Russian Federation. *Constitutional and Municipal Law*. (7), 25–27. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-7-25-27> EDN: VUANKR.
Кравцова Е.А. К вопросу о влиянии образования федеральных территорий на самостоятельность субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7. С. 25–27. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-7-25-27> EDN: VUANKR.
- Kudryavtsev, Y.A. (2022) Federal Territory “Sirius”: Discussions on the Legal Status. In: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology. *Novels of Law, Economics and Management 2021. Collection of scientific papers based on the materials of the VII international scientific and practical conference*. Vol. 1. Gatchina, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology Publ., pp. 20–23. (In Russian). EDN: MZCOHP.
Кудрявцев Ю.А. Федеральная территория «Сириус»: дискуссии о правовом статусе // Новеллы права, экономики и управления 2021 : сб. науч. трудов по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Гатчина : Гос. институт экономики, финансов, права и технологий, 2022. С. 20–23. EDN: MZCOHP.
- Leksin, I.V. (2021) Federal territories in Russia: Prospects and problems of implementing constitutional innovations. *Constitutional and Municipal Law*. (8), 28–33. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-8-28-33> EDN: RJXOSQ.

- Лексин И.В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 28–33. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-8-28-33> EDN: RJXOSQ.
- Loifman, I.Y. (ed.) (2003) *Categories of Dialectics (Theoretical and Methodological Problems): Lecture Series*. Ekaterinburg, Ural University Publishing House. (In Russian). EDN: QWFPVP.
- Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы): цикл лекций / под общ. ред. И. Я. Лойфмана. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. 255 с. EDN: QWFPVP.
- Maiboroda, V.A. (2022) Legitimization of the public-legal nature of the federal territory. *Notary*. (1), 15–19. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1813-1204-2022-1-15-19> EDN: PBHVLP.
- Майборода В.А. Легитимация публично-правовой природы федеральной территории // Нотариус. 2022. № 1. С. 15–19. <https://doi.org/10.18572/1813-1204-2022-1-15-19> EDN: PBHVLP.
- Nizhnik, N.S. & Nudnenko, L.A. (2022) Empire and Federation as Forms of Social Organization in the Context of Retrospective and Theoretical and Legal Analysis (On the 100th Anniversary of the Formation of the USSR). *State and Law*. (12), 186–192. <https://doi.org/10.31857/S102694520023313-5> EDN: VPXFWP. (In Russian).
- Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (К 100-летию образования СССР) // Государство и право. 2022. № 12. С. 186–192. <https://doi.org/10.31857/S102694520023313-5> EDN: VPXFWP.
- Peshin, N.L. (2021) Territorial organization of public authority within the boundaries of federal territories. *Constitutional and Municipal Law*. (7), 35–40. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-7-35-40> EDN: PSRGBY.
- Пешин Н.Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 35–40. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-7-35-40> EDN: PSRGBY.
- Peshin, N.L. (2022) The relationship between administrative-legal and municipal-legal elements of the status of the federal territory. *Constitutional and Municipal Law*. (5), 62–67. (In Russian). <https://doi.org/18572/1812-3767-2022-5-62-67> EDN: HEJYPI.
- Пешин Н.Л. Соотношение административно-правовых и муниципально-правовых элементов статуса федеральной территории // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 62–67. <https://doi.org/18572/1812-3767-2022-5-62-67> EDN: HEJYPI.
- Praskova, S.V. (2024) On the nature of the elements of the system of bodies of the federal territory "Sirius". *Constitutional and Municipal Law*. (11), 18–25. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-11-18-25> EDN: ULMJVJ.
- Праскова С.В. О природе элементов системы органов федеральной территории «Сириус» // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 11. С. 18–25. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-11-18-25> EDN: ULMJVJ.
- Praskova, S.V. (2013) On federal territorial units. *Actual problems of Russian Law*. (12), 1543–1551. (In Russian). EDN: RPBHLN.
- Праскова С.В. О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543–1551. EDN: RPBHLN.
- Tretyak, I.A. (2022) Evolution of the constitutional and legal status of the federal territory – the District of Columbia, USA: Constitutional and legal risks. *Law Enforcement*. (6), 63–76. (In Russian). [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(1\).63-76](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(1).63-76) EDN: JSSJRH.
- Третьяк И.А. Эволюция конституционно-правового статуса федеральной территории – округа Колумбия, США: конституционно-правовые риски // Правоприменение. 2022. № 6. С. 63–76. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(1\).63-76](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(1).63-76) EDN: JSSJRH.
- Ward, R.C. (1963) Federalism and the Northern Territory. *The Australian Quarterly*. 35 (3), 14–22. <https://doi.org/10.2307/20633891>

Сведения об авторе:

Басиев Марат Сосланбекович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова; 362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44–46

ORCID: 0009-0008-2962-2045; SPIN-код: 5390-3386.

e-mail: m.basi@mail.ru

About the author:

Marat S. Basiev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov; 44–46 Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia-Alania.

ORCID: 0009-0008-2962-2045; SPIN-code: 5390-3386.

e-mail: m.basi@mail.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-156-174>

EDN: RQSGTC

Научная статья / Research Article

Развитие права частной собственности: сравнительный анализ

М.В. Саудаханов , Л.Т. Чихладзе

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. Исследование посвящено комплексному сравнительно-правовому анализу генезиса и эволюции права частной собственности. Исследование охватывает широкий исторический период – от античности до современности – и рассматривает развитие данного института в различных правовых системах (римское право, право Древней Месопотамии и Греции, российское дореволюционное, советское и современное конституционное право, а также опыт США, Германии, Франции, Китая и других стран). Актуальность работы обусловлена фундаментальной ролью частной собственности как основы правовых систем и экономического развития, а также необходимостью выявления общих тенденций и национальных особенностей ее регулирования в настоящее время. Цель исследования – определение универсальных и специфических закономерностей развития конституционно-правовой регуляции общественных отношений в сфере частной собственности. Последовательно решаются задачи по изучению его зарождения, этапов исторического развития и современного конституционно-правового статуса. Научная новизна заключается в сочетании историко-правовой ретроспективы с синхронным сравнительным анализом, что позволяет предложить периодизацию эволюции института и сформулировать выводы о конвергенции национальных моделей. Ключевым выводом является констатация трансформации права частной собственности: из абсолютного права индивида оно эволюционировало в институт, выполняющий социальную функцию, что сопровождалось не ослаблением, а усилением его гарантий за счет развития международно-правовых механизмов защиты и деятельности органов конституционного правосудия.

Ключевые слова: конституционное право, история права, социальная функция собственности, экспроприация, конституционные гарантии, эволюция права, правовые системы, интернационализация права

Вклад авторов: *Саудаханов М.В.* – формулирование идеи, сбор материала, анализ, систематизация и научная проработка собранных материалов, подготовка и написание рукописи; *Чихладзе Л.Т.* – рецензирование и редактирование рукописи. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 29 августа 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Саудаханов М.В., Чихладзе Л.Т. Развитие права частной собственности: сравнительный анализ // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 1. С. 156–174. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-156-174> EDN: RQSGTC

Development of Private Property Law: A Comparative Analysis

Marat V. Saudakhanov , Levan T. Chikhladze

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 viento_del_norte@bk.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive comparative legal analysis of the genesis and evolution of private property law. The study covers a wide historical period – from antiquity to the present – and examines the development of this institution in various legal systems (Roman law, the law of Ancient Mesopotamia and Greece, Russian pre-revolutionary, Soviet, and modern constitutional law, as well as the experience of the USA, Germany, France, China, and other countries). The relevance of the work stems from the fundamental role of private property as the foundation of legal systems and economic development, as well as the need to identify common trends and national peculiarities in its regulation at present. The purpose of this work is to determine universal and specific patterns in the development of constitutional and legal regulation of social relations in the sphere of private property. The work sequentially addresses the tasks of studying its origin, stages of historical development, and modern constitutional and legal status. The scientific novelty lies in combining historical-legal retrospect with synchronous comparative analysis, which enables proposing a periodization of the evolution of the institution and formulating conclusions about the convergence of national models. The key conclusion of the article is the transformation of private property law: from an absolute individual right, it has evolved into an institution performing a social function, accompanied not by a weakening but by a strengthening of its guarantees through the development of international legal protection mechanisms and the activities of constitutional justice bodies.

Key words: constitutional law, history of law, social function of property, expropriation, constitutional guarantees, evolution of law, legal systems, internationalization of law

The authors' contribution: *Saudakhanov M.V.* – formulation of the idea, collection of materials, analysis, systematization, and scientific elaboration of the collected materials, preparation and writing of the manuscript; *Chikhladze L.T.* – review and editing of the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 29th August 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Saudakhanov, M.V., Chikhladze, L.T. (2026) Development of Private Property Law: A Comparative Analysis. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 156–174. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-156-174> EDN: RQSGTC

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что право частной собственности выступает краеугольным камнем современных правовых систем и фундаментом экономического развития общества. Его становление и эволюция являются не только правовым феноменом, но и отражением глубинных социально-экономических, политических и культурных трансформаций. В условиях глобализации и усиления межгосударственного взаимодействия сравнительный анализ развития института частной собственности в различных правовых семьях и национальных системах приобретает особую значимость. Подобные исследования позволяют выявить общие закономерности, уникальные национальные особенности, а также тенденции конвергенции правового регулирования, что крайне важно для гармонизации международного законодательства, улучшения инвестиционного климата и развития частноправовых отношений.

Что касается степени научной разработанности, то проблематика права частной собственности является традиционной для юридической науки и широко представлена в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Значительный вклад в ее разработку внесли такие ученые, как А.В. Венедиктов, Е.А. Суханов, Б.С. Эбзеев и др. Однако несмотря на обширную литературу, посвященную как теоретическим аспектам собственности, так и особенностям ее регулирования в отдельных странах, комплексных сравнительно-правовых исследований, направленных именно на анализ исторического развития данного института в длительной ретроспективе с выделением универсальных и специфических тенденций, остается недостаточно. Большинство работ сосредоточено на догматическом анализе действующего законодательства без учета его историко-правового контекста.

Проблема исследования заключается в существующем противоречии между универсальной значимостью принципа неприкосновенности частной собственности и разнообразием путей его исторического становления, юридического оформления и современного применения в разных правовых системах.

Цель исследования – проведение сравнительного анализа генезиса и развития субъективного права в сфере частной собственности сквозь призму конституционного права с параллельным выявлением основных тенденций и перспективных моделей его дальнейшей трансформации в контексте догмы права, а также политических и экономических учений.

Для реализации указанного целеполагания предполагается разрешить следующие задачи:

- исследовать генезис частной собственности как субъективного юридического права;
- изучить этапы развития права частной собственности;
- рассмотреть право частной собственности в контексте его социального предназначения;
- проанализировать частную собственность в плоскости конституционно-правовой регуляции.

Объектом исследования выступает комплекс правоотношений, имманентно связанных с генезисом, актуальным функционированием (легитимацией и актуализацией) и механизмами правовой охраны права частной собственности. Данный механизм рассматривается сквозь призму диахронического анализа, раскрывающего его историческую трансформацию и эволюцию, а также в контексте синхронического сравнительно-правового измерения, что позволяет выявить универсальные и идиосинкразические черты в различных юридических системах.

Предметная область исследования дифференцируется на многоуровневую структуру, интегрирующую как позитивные источники права, так и доктринальные интерпретации. В ее состав входят: нормативные предписания гражданско-правовой и конституционно-правовой отраслей, формирующие фундаментальный правовой режим собственности; релевантные правовые доктрины и концепции, определяющие концептуальные основы понимания института; судебная практика (прецеденты), отражающая конкретизацию и динамику толкования правовых норм; а также корпус исторических источников права (от кодифицированных актов до правовых обычаев), детерминирующих становление и развитие данного института в ретроспективе различных право порядков.

Методологический аппарат исследования базируется на стратифицированной системе гносеологических инструментов, включающей в себя общенаучные и частнонаучные (специально-юридические) методики. К общенаучному фундаменту относятся методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также системно-структурный подход, обеспечивающий целостность восприятия объекта. Среди специальных методов познания методологический приоритет принадлежит историко-правовому и компаративистскому (сравнительно-правовому) методам, применение которых позволяет осуществить реконструкцию генезиса института и провести его кросс-культурный анализ. Дополнительный инструментарий включает формально-юридический (догматический) метод, направленный на исследование внутреннего строения правовых норм, и герменевтические методы интерпретации (телеологического, контекстуального и исторического толкования) правовых текстов, обеспечивающие аутентичное понимание их содержания.

Научная новизна исследования детерминирована реализацией комплексного, полиметодологического подхода к анализу эволюции права частной собственности. Данный подход предполагает не изолированное, а интегративное применение исторического и компаративного инструментария, что позволяет не только проследить аутохтонное развитие института в национальных правовых системах, но и выявить системные закономерности и векторы его конвергентного развития в глобальном правовом пространстве, а также смоделировать потенциальные траектории его дальнейшей трансформации. Подобная методология сочетает историческую ретроспективу с синхронным сравнительным анализом современных право порядков. В результате исследования предлагается периодизация этапов эволюции данного института, а также формулируются выводы о конвергенции национальных моделей под влиянием наднационального регулирования и экономической интеграции.

Структура статьи обусловлена логикой исследования и включает разделы, последовательно раскрывающие теоретические основы, историческое развитие, сравнительный анализ современного состояния и перспективы права частной собственности.

Зарождение права частной собственности

Генезис права частной собственности восходит к эпохе античности, периоду формирования рабовладельческих общественных отношений. Как обоснованно указывает отечественный историк права О.А. Омельченко, система вещных прав дифференцируется на отдельные категории в соответствии с характером и объемом правомочий субъекта по отношению к индивидуализированному объекту. Центральное место в этой системе занимает право собственности, представляющее собой наиболее полное (из возможных в данном социуме) юридическое господство над вещью. Следует отметить, что сама категория собственности является абстрактной и приобретает конкретное содержание лишь в контексте определенной правовой культуры и исторически сложившейся юридической традиции¹.

Характерно то, что на всех этапах исторического развития, включая рабовладельческую формацию, центральное место принадлежало праву частной собственности на землю. Так, в контексте эволюции римского права с момента возникновения римской государственности наблюдалась концентрация земельных ресурсов в руках патрициев, в то время как плебейское сословие, занятое в аграрном секторе, испытывало острую нехватку земельных наделов. В этой связи социально-политический конфликт между плебеями и патрициями в значительной степени предопределялся борьбой за перераспределение земельной собственности (Mommsen, 1854).

Стоит отметить, что формирование института собственности в Древнем мире носило постепенный характер и коррелировало с процессом дезинтеграции родоплеменных отношений архаического общества. Вследствие данного обстоятельства термин *dominium* на протяжении продолжительного исторического периода использовался для обозначения любого господства над объектами, интегрированными в домашнее хозяйство (*familia*). Указанное понятие охватывало более широкий спектр правовых связей, нежели собственно право собственности, поскольку последнее еще не получило четкой дифференциации от владения (*possessio*), прав на чужие вещи (*iura in re aliena*) и отношений, вытекающих из семейного права (Singer, 2014).

Согласно общему мнению, сложившемуся в современной историко-правовой науке, начиная с III в. н.э. для обозначения объектов, очерченных правовым режимом, начинает применяться термин «собственники» (англ. *proprietas*). Его использование, утвердившееся с конца классического периода, стало маркировать право собственности как полноценное и абсолютное юридическое господство лица над вещью, обладающее верховенством по отношению к иным вещным правам.

Вместе с тем даже в эпоху античности право частной собственности не носило характера абсолютной и ничем не ограниченной свободы. В Древнем Риме, будучи одним из атрибутов господствующего класса, оно могло подвергаться ограничениям в фискальных интересах государства и общества, а также в пользу сервитутов, залогодержателей и иных субъектов, обладающих правами на чужие вещи, включая права соседей (Mitteis, 1949:176–177). Иллюстрацией подобных ограничений служат положения Институций Гая (160–162 гг. н.э.). Так, параграф 14 книги II провозглашает право на запрет возведения строений сверх установленной высоты, дабы не лишать света соседнее здание, а также регламентирует право отвода воды и право прокладки водопровода². Нормативная дефиниция, содержащаяся в параграфе 44

¹ Омельченко О.А. Римское право. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ТОН-Остожье, 2000. С. 77–78.

² Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с латинского, комментарии / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М.: Статут, 2020. С. 75.

релевантного источника, имплементирует имманентное ограничение в контексте функционирования института приобретательной давности (лат. *usucapio*). Легитимация данного нормативного предписания детерминирована комплексом политико-правовых целей. По сути, ключевым вектором аргументации здесь выступает императивная потребность в минимизации правовой неопределенности, связанной со стабильностью вещных правоотношений в диахроническом аспекте. Длительная персистенция неопределенности в статусе субъективного права собственности признается деструктивным фактором, дестабилизирующим гражданский оборот.

Можно сказать, что сопряженной и комплементарной целью установленного хронологического барьера является легальная фиксация релевантного и социально-обоснованного срока, в течение которого управомоченный субъект (титульный собственник) обладает правомочием на осуществление виндикационного притязания. По истечении данного срока у добросовестного владельца возникает право собственности, что направлено на достижение правовой завершенности и обеспечение принципа правового мира. Таким образом, анализируемая норма выполняет дуалистическую функцию: с одной стороны, она защищает интересы первоначального собственника, предоставляя ему разумный временной промежуток для защиты своих прав, а с другой, отдает приоритет стабильности оборота, освящая сложившееся состояние владения по прошествии значительного периода времени³.

Как отмечает В.Г. Графский, в более ранний период в Древней Месопотамии законы Хаммурапи наделяли крестьянина-общинника правомочиями, приближенными к праву собственности: он был уполномочен совершать отчуждение, мену, залог, аренду и наследование своего надела как особого вида недвижимости (ст. ст. 39–47, 60–65), без необходимости испрашивать санкцию правителя или общины. В результате имущественной дифференциации образовался значительный слой обедневшего населения, вынужденного закладывать землю и иное имущество по денежным или натуральным обязательствам, отдавать в залог членов семьи, прибегать к аренде чужих земель или наемному труду. В данных условиях купля-продажа стала наиболее распространенным производным способом приобретения права собственности⁴.

Небезынтересно, что в Древней Греции отсутствовало современное понимание частной собственности как абсолютного права. Так, центральное место в имущественных отношениях занимало владение. Последнее, ни что иное как фактическое обладание вещью, которое сопряжено с возможностью распоряжаться ею. С юридической точки зрения внешнее выражение собственности очерчивалось в двух основных ипостасях: совместной (государственные латифундии и прииски, храмовые имения, общественная земля фил и демов) и частной. Последнюю, в свою очередь, можно подразделять на видимую (земля, рабы, дома и т.д.) и невидимую, к которой относились движимые ценности, которые возможно сокрыть от налогообложения (деньги, предметы роскоши, драгоценные металлы и пр.). В свою очередь, легитимность владения подтверждалась ежегодным декларированием архонтами при вступлении в должность сохранения за гражданами принадлежащего им имущества. При этом распределение земельных участков (клеров), название которых восходит к жребью, обуславливало их условный характер. Здесь, на наш взгляд, важно то, что право

³ Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с латинского, комментарии / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М. : Статут, 2020. С. 83.

⁴ *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства. М. : Норма, 2007. С. 62–63.

собственности налагало на наиболее состоятельных граждан ряд публичных обязанностей (литургий), таких как финансирование празднеств или снаряжение военного корабля, а юридические обязательства подразделялись на вольные (возникающие из договоров) и невольные⁵.

Что касается генезиса государственности и права восточных славян, в историографии существуют различные точки зрения. Так, М.А. Исаев датирует его возникновение серединой V – концом VI в.⁶ В противоположность этому, другой ученый И.А. Исаев относит формирование древнерусской государственности и права к более позднему периоду – IX–XI столетиям, аргументируя это наличием значительного количества достоверных исторических свидетельств и памятников права⁷.

Стоит отметить, что к числу древнейших письменных источников русского права относятся тексты договоров Руси с Византией (911, 944 и 971 гг.). Данные документы содержат нормы византийского и русского права, регулирующие международные, торговые, процессуальные и уголовные отношения. Ссылки в договорах на «закон русский» свидетельствуют о существовании свода норм обычного права. В частности, статьи договоров касаются вопросов наследования (как по завещанию, так и для нисходящих и боковых родственников), а также института рабовладения, включая обязательства по возврату беглых рабов.

Принятие христианства в 988 г. способствовало расширению источников права за счет церковного законодательства. Здесь, по общему мнению историков, наибольшее влияние оказало византийское церковное право, интегрировавшее религиозные, нравственные и правовые нормы. Через Русскую церковь были реципированы два фундаментальных византийских кодекса: Свод законов патриарха Иоанна Схоластика (VI в.), систематизировавший правила церковных соборов и светские законы, касающиеся церкви, и Номоканон патриарха Фотия (конец IX в.), в котором церковные правила были соотнесены с статьями светского законодательства Юстиниана.

Таким образом, происходило объединение церковных и гражданских предписаний в единые источники права по принципу сходства содержания. На Руси в XI–XII вв. оба сборника получили название «Кормчая книга».

Развитие права частной собственности

В контексте историко-правовой ретроспективы эпоха феодализма характеризуется отсутствием радикальных новаций в регламентации правового статуса частной собственности, которая оставалась поглощенной сложной системой иерархических условных владений (феодов) и сеньориальных привилегий, что нивелировало ее автономный и абсолютный характер.

По сути, трансформация парадигмы произошла в эпоху модерна с становлением современного конституционного права, в рамках которого институт частной собственности подвергся фундаментальной реконцептуализации. Он эволюционировал в краеугольный принцип, обретая качественно новые основополагающие характеристики. При этом в демократических правопорядках он конституировался не просто как одно из множества субъективных прав, но как фундаментальное, базовое право индивида, во многом определяющее саму возможность существования автономной личности и гражданского общества. Более того, в ряде ключевых правовых актов

⁵ Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М. : Норма, 2007. С. 163.

⁶ Исаев М.А. История Российского государства и права. М. : Статут, 2012. С. 13–17.

⁷ Там же. С. 11–33.

того времени он занял приоритетную, авангардную позицию, будучи первым в системе конституционно-легитимированных правовых благ.

Иллюстрацией данной тенденции служат нормативные положения, закрепленные в основополагающих конституционных документах. Так, Пятая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки 1787 г. имплицитно содержит в себе гарантию неприкосновенности собственности, устанавливая императивный запрет на изъятие частной собственности для публичных нужд без предоставления соразмерной и справедливой компенсации (Kikot-Glukhodedova, 2011:91–89). Идентичная правовая конструкция обнаруживается в статье 17 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (Франция), которая не только провозглашает неприкосновенность, но и придает собственности сакральный, священный характер, тем самым возводя ее в ранг высшей социальной ценности, защищаемой от произвольного вмешательства со стороны публичной власти. Эти акты знаменуют собой институционализацию собственности как краеугольного камня личной свободы человека и сущности правового государства. Там же допускается отчуждение собственности сугубо в рамках законной процедуры при наличии общественной необходимости и обязательной компенсации, которая должна быть предварительной и справедливой. Данные принципы были впоследствии инкорпорированы в Конституцию Франции 1793 г. (ст. ст. 16, 17, 19)⁸.

Приведенные правовые источники опровергают распространенный в советский период тезис об абсолютном характере права частной собственности. Его неабсолютность демонстрируется следующими аспектами.

1. Допускалась возможность правомерного лишения данного права.
2. Основанием для такого лишения могли служить исключительно общественные, но не частные интересы.
3. Изъятие собственности могло осуществляться лишь в установленных законом случаях при обязательном условии предварительного и справедливого возмещения, размер которого подлежал судебному определению.

Таким образом, правовой статус частной собственности, сформированный в конституциях конца XVIII – начала XIX вв., в своих базовых принципах сохранил преемственность в современном зарубежном конституционном праве. Ключевое развитие, произошедшее после Первой мировой войны, заключается в дополнении традиционных гарантий положением о социальной функции собственности. К примеру, Конституция Веймарской республики 1919 г. легитимизировала экспроприацию для целей «социальной пользы» и «общего интереса». Небезынтересно то, что автор указанного основного закона Г. Пройс видел в Конституции не застывший нормативный акт, но документ, который можно дополнять, отталкиваясь от текущих реалий общественной жизни (Preuss, 1915:15). Возможно, в контексте его взглядов статьи 89, 90 и 97 Конституции Веймарской Германии предусматривали переход в собственность империи железных дорог и водных путей сообщения, что иллюстрирует подчинение права собственности более широкому публичным задачам.

В историко-правовом измерении послевоенный период ознаменовался кардинальной трансформацией парадигмы конституционно-правового регулирования института частной собственности. Данная трансформация носила системный характер и была детерминирована комплексом социально-экономических и политических

⁸ Декларация прав человека и гражданина, 26 августа 1789 г. // Тихоокеанский государственный университет. Сайт. Режим доступа: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio35/ (дата обращения: 26.08.2025).

факторов, связанных с необходимостью постконфликтного восстановления и построения более стабильных общественных моделей.

Ключевым детерминантом произошедших изменений выступила повсеместная легитимация и конституционная институционализация принципа социального государства. По сути, указанный принцип предполагал переход от пассивной роли государства к его активному функционированию в качестве арбитра и гаранта социального равновесия. В этой связи произошла существенная модификация классической либеральной доктрины собственности, которая перестала трактоваться как абсолютное и ничем не ограниченное право индивида.

Следствием утверждения новой парадигмы стало значительное усиление регулятивной и интервенционистской функции государства в экономической и социальной сферах. Можно сказать, что право частной собственности стало рассматриваться не только через призму индивидуальных интересов собственника, но и в контексте его социальной функции. Подобная схема нашла свое выражение в конституционных нормах, легитимирующих возможность установления более широких ограничений, публичный контроль над использованием собственности, а также расширение оснований для ее отчуждения в публичных интересах, что в совокупности редуцировало сферу частной автономии в пользу достижения целей социальной справедливости и общего благосостояния.

Ключевой новеллой стала институционализация национализации, что нашло отражение в основных законах ряда стран. Так, статья 43 Конституции Италии 1947 г. устанавливает возможность перехода в публичную собственность (при условии компенсации) предприятий, имеющих стратегическое или монопольное значение, в целях общей пользы (Shashkova, 2019:52).

Еще одной характерной чертой данного периода является интеграция международно-правовых источников в национальные правовые системы. Данный процесс способствовал не только экспансии территориальных пределов правового регулирования, но и его унификации, а также созданию механизмов международной защиты. Принципиальное значение в этом контексте имеет статья 17 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., гарантирующая право каждого владеть имуществом и запрещающая произвольное лишение собственности⁹.

Социальная функция частной собственности

Конституции, принятые в последние десятилетия, существенным образом расширили социальную функцию частной собственности, подчеркивая аспект юридических долженствований. Например, статья 30 Конституции Республики Македония 1991 г., гарантируя право собственности и наследования, прямо устанавливает, что собственность должна служить благу индивида и сообщества, а ее изъятие допускается лишь в установленных законом случаях при обязательном справедливом возмещении (Bondarenko, 2018:107).

Детальная регламентация отношений собственности представлена в статье 44 Конституции Румынии 2003 г. Ее положения охватывают широкий спектр вопросов: гарантии прав собственности, режим иностранной собственности на землю, условия экспроприации (исключительно по мотивам общественной пользы с предварительной и справедливой компенсацией), запрет дискриминационных изъятий, порядок

⁹ Всеобщая декларация прав человека // Социология власти. 2005. № 6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vseobschaya-deklaratsiya-prav-cheloveka-1> (дата обращения: 26.08.2025).

разрешения споров и, что особенно важно, экологические и добрососедские обязанности собственника¹⁰.

Аналогичным образом статьи 17 и 18 Конституции Греции 1975 г. содержат развернутое регулирование института экспроприации. В них детализированы процессуальные аспекты: порядок определения размера компенсации (с учетом стоимости на момент судебного разбирательства), сроки ее выплаты (во избежание автоматической отмены экспроприации), налоговый иммунитет компенсационных выплат, а также особые условия для изъятия земель для масштабных общественно значимых проектов¹¹.

В контексте генезиса правовых институтов в Российской империи первоначальная легитимация терминологической конструкции «частная собственность» хронологически соотносится с эпохой правления Екатерины II, приходящейся на заключительную треть XVIII столетия. Данный период ознаменовался активной рецепцией западноевропейских правовых идей и попытками систематизации законодательства.

Ключевым нормативно-правовым актом, сыгравшим роль катализатора в процессе институционализации данного понятия, выступил манифест «О свободе промыслов». Указанный документ обладает существенной историко-правовой значимостью, поскольку он не только номинально ввел в юридический оборот рассматриваемую категорию, но и осуществил экспликацию ее содержания, распространив правомочия частного собственника как на объекты, расположенные на поверхности земельного участка, так и на ресурсы, залегающие в его недрах¹². Это установление де-юре модифицировало существовавший ранее правовой режим, заложив основы для признания исключительности и универсальности вещных прав.

Несмотря на столь раннюю формальную легализацию, в дальнейшем развитии отечественной конституционно-правовой мысли не наблюдалось системного и репрезентативного анализа данной фундаментальной категории. Можно предположить, что ее доктринальное осмысление и место в системе публичного права не были подвергнуты всесторонней концептуализации, что обусловило известный теоретический вакуум и фрагментарность в понимании ее юридической природы в дореволюционный период. Таким образом, между фактом нормативного закрепления и уровнем его последующей научной рефлексии возникла значимая диспропорция.

Расширение хронологических рамок исследования демонстрирует, что упоминания об институте частной собственности присутствуют в правовых источниках с глубокой древности. При этом несмотря на универсальность базовых принципов его правового оформления в законодательстве различных государств наблюдаются существенные национальные особенности. Данные особенности детерминированы спецификой регионального, религиозного и исторического развития, что формирует уникальный правовой режим этого института в каждой стране.

Конституционно-правовое регулирование частной собственности

Несмотря на длительную историю существования института частной собственности, его законодательное регулирование в научной литературе освещено фрагментарно. При анализе публикаций можно сказать, что в своем большинстве научные

¹⁰ Конституция Румынии 2003 года // *Constiuția României*. Сайт. Режим доступа: <https://romaniapass.com/konstitutsiya-rumynii/> (дата обращения: 26.08.2025).

¹¹ Конституция Республики Греция от 9 июня 1975 года // Библиотекарь.Ру. Сайт. Режим доступа: <https://bibliotekar.ru/3-1-11-konstitucii/90.htm> (дата обращения: 26.08.2025).

¹² *Илларионова Т.И., Гонгало Б.М., Плетнев В.А.* Гражданское право. М. : Норма, 2008. 464 с.

исследования охватывают в основном лишь отдельные направления указанной проблемы. В частности, А.М. Осавелюк не выходит за рамки общих спецификаций и анализа эволюции всей системы прав и свобод¹³. В то же время В.Е. Чиркин, Б.С. Эбзеев, а также авторы учебника под редакцией Б.А. Страшуна исследуют развитие права частной собственности в общем контексте эволюции субъективных прав и свобод личности. В свою очередь, авторский коллектив учебника «Конституционное право России» под редакцией Б.С. Эбзеева и А.С. Прудникова заостряет внимание сугубо на правовом инструментарии обеспечения субъективных прав и свобод¹⁴ (Chirkin, 2015:25–36). Таким образом, комплексный анализ института частной собственности в существующих исследованиях отсутствует. Указанный пробел обусловил цель настоящей работы, которая заключается в сравнительном анализе эволюции права частной собственности в России и в зарубежных государствах.

Как было установлено, первоначальное конституционное закрепление права частной собственности, начавшееся с конца XVIII в., осуществлялось в качестве самостоятельного правового института, а не в качестве экономической основы, как это трактовалось в советский период. Кроме того, поскольку частная собственность являлась ключевым фундаментом материальной базы человека, основные законы закрепляли запрет на ее изъятие (в том числе для общественных нужд) без предварительного и справедливого возмещения.

Последующий фазис историко-правовой эволюции, хронологические рамки которого охватывают период с середины – второй половины XIX столетия вплоть до рубежа XX в., был ознаменован процессом существенной концептуальной конвергенции института права частной собственности с иными категориями экономических прав субъектов. Наиболее репрезентативным в данном контексте представляется его тесное взаимодействие и взаимовлияние с формирующимся правом на труд. Указанная тенденция отражала общую концептуальную трансформацию от классической либеральной модели абсолютного права собственности к модели, детерминированной принципом социальной функции.

Нормативной проекцией указанной коллаборации выступила интенсивная законодательная деятельность в конце XIX – начале XX столетий в ряде ведущих западных правопорядков, включая Германию, Великобританию, Францию и Соединенные Штаты Америки. В этот период был принят широкий спектр нормативных актов, целью которых выступало установление легальных ограничений для реализации собственнических правомочий в социально-экономической сфере. Данное регулирование, в частности, регламентировало пределы допустимой эксплуатации наемного труда (посредством установления продолжительности рабочего дня, норм охраны труда) и вводило лимиты на концентрацию земельной собственности, что знаменовало собой интервенцию публично-правовых начал в частнопровые отношения (Chirkin, 2015:33–34).

В контексте Российской империи рассматриваемый период также характеризуется наличием релевантных нормативных тенденций. Несмотря на специфику общественно-политического устройства, здесь можно фиксировать становление развитого для своего времени социально-трудового законодательства, а также реализацию масштабной аграрной реформы под руководством П.А. Столыпина. Целью

¹³ Осавелюк А.М. Конституционное право зарубежных стран. СПб. : Лань, 2019. С. 61, 65.

¹⁴ Эбзеев Б.С. Конституционное право России. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 198-205; Эбзеев Б.С. Конституционное право России. М. : Проспект, 2019. С. 393-396. <https://doi.org/10.31085/9785392292240-2019-768> EDN: SNIQHP.

последней являлось не только повышение эффективности аграрного сектора, но и целенаправленное преобразование структуры земельной собственности через стимулирование создания класса собственников-фермеров, что объективно вело к ограничению общинного землевладения и, следовательно, также отражало общемировую тенденцию активного государственного регулирования отношений собственности в публичных интересах (Belkharoev, 2009:32–33).

Третий этап (начало XX в. – середина 1970-х гг.) характеризуется методологической дивергенцией правового положения частных собственников. Важно то, что в демократических правовых порядках с рыночной экономикой нормативный акцент реализовал существенный дрейф с установления пределов размера собственности к провозглашению ее социальной направленности. Важно, на наш взгляд, то, что первичная легитимация рассмотренной выше парадигмы, связывающей право собственности с его социальной функцией, нашла свое первоначальное конституционное воплощение в нормативной структуре Веймарской конституции Германии 1919 г., которая выступила своеобразным правовым манифестом социального государства. В послевоенный период данная концепция приобрела универсальный характер, будучи инкорпорированной в основополагающие конституционные акты целого ряда государств, что свидетельствует о ее трансформации в общемировой конституционно-правовой стандарт. Релевантные положения, устанавливающие обязанности собственника и ограничения в публичных интересах, были эксплицитно закреплены в Основном законе ФРГ 1949 г. (статья 14), Конституции Греции 1975 г. (статья 17), а также в Конституции Индии 1949 г. (статьи 38, 39), демонстрируя тем самым свою адаптивность к различным правовым культурам и политическим системам.

Параллельно указанному вектору развития в рамках недемократических правовых порядков XX в. наблюдалась диаметрально противоположная тенденция, направленная на нормативную фиксацию не ограничения, но полной ликвидации либо радикального свертывания института частной собственности. Наиболее репрезентативным примером здесь выступает советская правовая модель. В Советской России последовательная аннигиляция данного института была инициирована такими актами, как Декрет о земле (1917 г.) и Декрет об отмене частной собственности в городах (1918 г.), а в дальнейшем получила тотальное конституционное закрепление в основных законах РСФСР 1918 г., СССР 1924, 1936 и 1977 гг.. Данный нормативный массив ознаменовал собой нуллификацию многовекового историко-правового опыта реформирования, связанного с частной собственностью, утвердив режим ее юридического ostracизма и тотального запрета (Timofeev, 2000:55).

Идеологический генезис столь радикального подхода непосредственно восходит к базовой доктринальной установке, сформулированной в классическом марксизме: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» (Marks & Ehngel's, 1976:12), впервые опубликованной в «Манифесте Коммунистической партии» 1848 г. В данном контексте представляется методологически важным акцентировать, что социализм в его советской интерпретации, как экономико-политическая система, базирующаяся на абсолютной монополии государственной собственности, однопартийной диктатуре и системном запрете частнособственнических отношений, представляет собой не что иное, как практическую реализацию данной фундаментальной доктринальной формулы, доведенной до уровня тотального правового императива. Данный подход обладает существенным методологическим изъяном: он предполагает, что исторический процесс в таких обществах детерминируется исключительно директивной волей, сформулированной в

учении. Это приводит к тавтологическому выводу, согласно которому сущность социалистической системы исчерпывается целями и достижениями правящей партии (Grossman, 1977; Grossman, 1983; Katsenelinboigen, 1977:65–66; Mars, 1983:551; Montias, 1981; Simis, 1982; Wiles, 1983:549–550).

В рамках сравнительно-правового анализа представляет интерес эволюция конституционного регулирования института собственности в социалистических государствах.

Так, Конституция СССР 1977 г. закрепляла три формы собственности: государственную, колхозно-кооперативную и личную. Согласно статье 10, основу экономической системы составляла социалистическая собственность на средства производства, существовавшая в государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной формах. Ее правовой режим характеризовался особой охраной со стороны государства, запретом извлечения нетрудовых доходов и недопустимостью использования в корыстных целях.

Правовой статус личной собственности граждан определялся статьей 13 Основного закона СССР. Ее основу составляли трудовые доходы, а в круг объектов входили предметы потребления, жилой дом и трудовые сбережения. Ключевой особенностью являлся сугубо потребительский характер: законодатель прямо запрещал использование данного имущества для извлечения нетрудовых доходов или в ущерб интересам общества¹⁵.

Здесь, на наш взгляд, важно то, что применение нормативного подхода к осмыслению сущности социалистических учений приводит исследователей (в частности, представителей экономической теории) к дефинитивному усложнению указанной проблематике. И действительно, в плоскости экономических учений сложно обосновать необходимость в постулировании трех базовых принципов (власть партии, запрет частной собственности и доминирование общественной собственности), ибо подобное явление может быть в полной мере детерминировано через один единственный ключевой атрибут – запрет права частной собственности.

В контексте предложенной методологической парадигмы политическую власть правомерно интерпретировать в качестве надстроечной правовой категории, выполняющей функцию ключевого инструментария для легитимации и консолидации определенного правового режима, который, в свою очередь, детерминирует статус и содержание права собственности. Историко-правовой анализ теории и практики тоталитарных режимов демонстрирует, что сущностное содержание диктатуры коммунистической партии редуцируется к последовательной и тотальной имплементации нормативного запрета на существование частной собственности.

Установление режима нормативного остракизма в отношении права частной собственности имплицитно влечет за собой трансформацию всего национального богатства в объект публично-правового регулирования, тем самым придавая ему характер универсальной публичной собственности. По сути, обнаруживается и наличие обратной детерминационной связи: нормативная актуализация запрета частной собственности объективно может быть осуществлена исключительно посредством механизмов политической диктатуры, обеспечивающих монополизацию властных полномочий. Интенсивность, масштаб и глубина купирования правомочий частного собственника находятся в прямой корреляционной зависимости от степени

¹⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Исторический факультет МГУ. Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 30.08.2025).

тотальности и эффективности функционирования указанной тоталитарной системы. Таким образом, сама дефиниция политической диктатуры находит свое непосредственное и логически необходимое отражение в содержании понятия запрета частного владения.

Исходя из вышеизложенного, первостепенная исследовательская задача заключается в проведении комплексного анализа конкретных механизмов и масштабов практической реализации доктринальной установки на запрет частной собственности в правовой системе советского государства. Можно сказать, что любой системный анализ социалистической доктрины должен базироваться не на экзегетике политических лозунгов, а на точной научной дефиниции непосредственного объекта запрета, каковым выступает собственно право собственности во всей полноте его содержания.

В общепринятом цивилистическом понимании собственность репрезентирует собой комплексное право, включающее правомочие и фактическую возможность свободного распоряжения экономическими благами. Однако в методологическом плане представляется важным проведение четкой демаркации между формальным юридическим правом, санкционированным нормами позитивного права, и реальной экономической возможностью его осуществления. Действительно, с догматической точки зрения институт владения как юридический титул не является тождественным фактической, экономически обусловленной возможности автономного распоряжения соответствующим благом, что особенно рельефно проявляется в условиях государственной экономики, где юридические конструкции зачастую маскируют реальное распределение экономической власти. С другой стороны, экономически релевантным выступает фактическое (натуральное) обладание благом, в то время как юридические нормы реализуют факультативную функцию, обеспечивая лишь легитимацию приобретения, сохранения и возврата указанного блага.

Иной подход демонстрирует Конституция КНР 1982 г. (в последующих редакциях). Несмотря на провозглашение священности и неприкосновенности социалистической общественной собственности (ст. 12), она в ограниченном объеме допускает частную собственность. Статья 11 признает необщественный сектор экономики важной составляющей социалистического рыночного хозяйства. При этом правовой режим дифференцирован: в то время как государственная и коллективная собственность охраняется безусловно (ст. 12), частная собственность граждан защищается в рамках закона, но может быть ограничена государством для общественных нужд при условии компенсации (ст. 13)¹⁶.

Следующим этапом эволюции правового регулирования частной собственности стала ее интернационализация во второй половине XX в. Данный процесс выразился в ратификации СССР ряда международных актов, таких как Международный пакт 1966 г. об экономических, социальных и культурных правах и Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Принципиальное значение приобрели положения статьи 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1952 г., которые закрепили право каждого на уважение своей собственности и установили, что лишение имущества возможно лишь в общественных интересах, на условиях, предусмотренных законом и международным правом.

¹⁶ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) // Окно в Китай. Сайт. Режим доступа: https://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 30.08.2025).

Несмотря на то, что Конституция РФ (ст. ст. 8, 35) прямо не закрепляет норму о социальной функции частной собственности¹⁷, данный пробел в правовом регулировании был частично восполнен посредством правовых позиций Конституционного Суда РФ и последующего законодательного развития, принятого во исполнение его постановлений. Как обоснованно отмечает в своих исследованиях Н.С. Бондарь, Конституционный Суд Российской Федерации в своей правоприменительной практике уделяет значительное внимание делам, возникающим в экономико-правовой сфере. Эмпирические данные свидетельствуют, что на рассмотрение вопросов, связанных с отношениями собственности, процессами приватизации, институтом банкротства, а также налогового, таможенного и валютного регулирования, приходится более трети от общего массива вынесенных Судом постановлений (Bondar, 2017:115), что подчеркивает центральную роль конституционной юстиции в формировании стабильного правопорядка в экономике.

Следует констатировать, что под конвергентным воздействием внутригосударственного конституционно-правового и международно-правового регулирования социальная функция права частной собственности приобрела унифицированное нормативное содержание, универсальные механизмы имплементации и эффективные средства обеспечения в рамках территориальной юрисдикции всех государств-участников, ратифицировавших соответствующие международно-правовые договоры. При этом в контексте разрешения правовых коллизий, данное правомочие, наряду с национальными организационно-юридическими гарантиями, обеспечивается комплексным международно-правовым инструментарием. Столь высокий уровень нормативной защиты детерминирован, прежде всего, фундаментальным социальным значением частной собственности, которая выступает краеугольным камнем материального благосостояния и стабильности физического существования индивида.

Думается, что наиболее важным аспектом представляется системная взаимосвязь права частной собственности с иными экономическими правами, где оно выполняет роль базовой институциональной предпосылки для реализации широкого спектра конституционных прав и свобод. К их числу относятся право на труд, на достойный уровень жизни, на свободу предпринимательской деятельности, право на жилище и другие (статьи 8, 34, 37, 40 Конституции РФ). Учитывая данную функциональную взаимозависимость, современная конституционно-правовая доктрина избегает рудиментарного провозглашения данного правомочия, детализируя его объектный и субъектный состав, устанавливая легальные пределы и основания для его ограничения, а также разрабатывая эффективные гарантии и механизмы судебной и внесудебной защиты. Таким образом, в текстах основных законов фиксируется не только само субъективное право частной собственности, но и его ключевые спецификации как комплексного института правового регулирования, включая соотношение с иными формами собственности и, что особенно значимо, его социальную направленность.

В подтверждение данного тезиса анализ нормативных предписаний статьи 60 Конституции Республики Армения 2015 г. позволяет сделать вывод о комплексном характере современного конституционного регулирования права частной собственности, которое интегрирует в себя как гарантии неприкосновенности, так и четко артикулированные общественные обязанности собственника, отражая тем

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.08.2025).

самым баланс частных и публичных интересов в рамках социального правового государства. Оно включает не только традиционные элементы – право владения, пользования и распоряжения имуществом, право наследования (ч. 1, 2), – но и устанавливает исчерпывающие правовые основания для его ограничения (ч. 3), гарантии судебной защиты (ч. 4) и правила принудительного отчуждения с обязательной компенсацией (ч. 5). Отдельно регламентированы специальные режимы для иностранцев (ч. 6), интеллектуальной собственности (ч. 7) и фискальные обязательства собственника (ч. 8)¹⁸.

Современный этап эволюции права частной собственности характеризуется не только его глубокой институционализацией на уровне национальных конституций и формированием системы международных гарантий, но и кристаллизацией устойчивых векторов его дальнейшего развития. В данном контексте вызывает научную дискуссию позиция Л. Р. Бухоновой, которая в качестве ключевых детерминант данного процесса выделяет усиление социальной функции, редукцию конституционных гарантий, вытеснение индивидуальной собственности корпоративными формами и экспансию круга ее объектов (Bukhonova, 2016:52–53). Представляется, что предложенная классификация требует критического осмысления и существенной корректировки.

Во-первых, авторский анализ феномена усиления социальной функции собственности не учитывает ее пространственного (трансграничного) измерения, обеспечиваемого через механизмы международно-правовой регуляции – как договорные, так и институциональные. Важно отметить, что Российская Федерация выступает активным субъектом в процессе выработки данных наднациональных стандартов.

Во-вторых, тезис об ослаблении конституционно-правовых гарантий частной собственности представляется не вполне релевантным современным правовым реалиям. Эмпирические данные свидетельствуют об обратном процессе – их последовательном юридическом и организационном укреплении. Эта тенденция детерминирована не только социальной природой отечественного правопорядка, закрепленной в статье 7 Конституции РФ, но и конституционными новеллами 2020 г., которые существенно расширили компетенцию публичной власти в сферах экономической, социальной и экологической политики (статьи 71, 72, 75, 75.1, 114 Конституции РФ). Указанная позиция находит свое подтверждение в устойчивой правоприменительной практике Конституционного Суда РФ, а также в действии системы международных гарантий.

В-третьих, постулируемая тенденция ослабления индивидуальной частной собственности на фоне роста корпоративных форм владения также выглядит дискуссионной. Рост значения корпоративной собственности далеко не всегда является следствием прямого вытеснения индивидуальной; он может быть обусловлен объективными факторами технологического прогресса, роста производительности труда и масштабной цифровой трансформации экономических отношений, порождающих новые, более сложные формы организации бизнеса.

Помимо этого, представляется методологически оправданным выделение самостоятельного тренда интернационализации регулирования права частной собственности. Думается, что его современное конституционное закрепление в национальных правопорядках осуществляется с активным учетом сравнительно-правового опыта, а в послевоенный период – и под прямым влиянием международного права.

¹⁸ Конституция Республики Армения 2015 года // Сайт Президента Республики Армения. Режим доступа: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 30.08.2025).

Отечественная практика государственно-правового строительства полностью соответствует данной глобальной тенденции, что находит свое прямое нормативное выражение в части 1 статьи 17 Конституции РФ, провозглашающей признание и гарантирование прав и свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Заключение

В заключение представляется необходимым констатировать, что, начиная с финальной трети XVIII столетия, ознаменовавшейся эпохой первых революций и становлением современного конституционализма, наблюдается фундаментальная институциональная трансформация сущности и правового режима частной собственности. Данный процесс носил перманентный и прогрессирующий характер, приведя к концептуальному сдвигу в ее социально-правовом восприятии. Если изначально в классической либеральной доктрине собственность трактовалась как сугубо индивидуальное, абсолютное и исключительное правомочие, являющееся основным источником автономного благосостояния индивида, то в процессе эволюции она в значительной степени приобрела характеристики коллективного правового блага.

Сущностная метаморфоза заключается в переходе от модели неограниченного господства к концепции собственности, обремененной социальной функцией. Это трансформировало ее в институт, опосредующий не только индивидуальные, но и общественные интересы, что объективно усилило социальную коммуникацию и консолидировало общество, создав новые правовые основания для солидарности и взаимодействия между различными социальными группами. Подобная эволюция в значительной степени детерминирована целенаправленной конституционно-правовой регуляцией и последовательной социально ориентированной политикой, реализуемой в рамках современных демократических правопорядков. Государство, выступая в роли гаранта социального равновесия, возлагает на собственников легальную обязанность по реализации социальной функции собственности, устанавливая правовые пределы ее использования в публичных интересах.

Важно подчеркнуть диалектический характер данной трансформации: параллельно с увеличением объема публичных обязательств, возлагаемых на собственника, наблюдается значительное усиление уровня защиты его субъективного права от произвольного вмешательства. Подобное является не ослаблением, а качественной модификацией гарантий, их адаптацией к новой социальной парадигме. Такой баланс обеспечивается, в частности, посредством эффективной деятельности органов конституционного правосудия, которые в своих решениях осуществляют взвешенную пропорциональную оценку соотношения частных и публичных интересов. Дополнительным кластером защиты выступают непосредственные положения национальных Основных Законов, закрепляющие принципы неприкосновенности собственности и правовые условия ее ограничения, а также развитая система международных гарантий, имплементированных в национальные правопорядки.

Как это наглядно предусмотрено, например, частью 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, современный правопорядок создает многоуровневый механизм охраны права собственности. Таким образом, институт частной собственности в XXI веке представляет собой сложный симбиоз индивидуального правомочия и социального института, динамичное развитие которого продолжает определять контуры современных экономических и правовых систем, обеспечивая как индивидуальную автономию, так и общественный прогресс.

References / Список литературы

- Belkharoev, H. U. (2009) The agrarian reform of P.A. Stolypin. *Problems of Economics and Legal Practice*. (5), 32–34. (In Russian). EDN: LMAQMX.
Белхароев Х. У. Аграрная реформа П. А. Столыпина // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 32–34. EDN: LMAQMX.
- Bondar, N. S. (2017) *Economic constitutionalism of Russia. Essays on theory and practice*. Moscow, Norma-Infra-M Publ. (In Russian).
Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М. : Норма-Инфра-М, 2017. 304 с.
- Bondarenko, N. L. (2018) Social function of property rights in the context of the constitutional principle of its inviolability. *Bulletin of Tomsk State University. Right*. (28), 106–116. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/22253513/28/10> EDN: UTOLDY.
Бондаренко Н.Л. Социальная функция права собственности в контексте конституционного принципа ее неприкосновенности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 28. С. 106–116. <https://doi.org/10.17223/22253513/28/10> EDN: UTOLDY.
- Bukhonova, L.F. (2016) Tendencies and perspectives of the development of the constitutional right to private property in the modern world. *Actual problems of Russian law*. (1 (62)), 50–57. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057> EDN: VUTNHP.
Бухонова Л.Ф. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 50–57. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057> EDN: VUTNHP.
- Chirkin, V.E. (2015) The right of private property. Constitutional evolution. *Journal of Russian Law*. (4), 25–36. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/10446> EDN: TQSVLJ.
Чиркин В. Е. Право частной собственности: конституционная эволюция // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 25–36. <https://doi.org/10.12737/10446> EDN: TQSVLJ.
- Garner, B. A. (1987) *A dictionary of modern legal usage*. New York, Oxford Publ.
- Grossman, G. (1977) The second Economy of the USSR. *Problems of Communism*. 26 (5), 25–40.
- Grossman, G. (1983) *The 'shadow economy' in the socialist sector of the USSR. The CMEA five year plans (1981–1985) in a new perspective*. Brussels, NATO, Economic and Information Directorates Publ.
- Katsenelinboigen, A. (1977) Coloured markets in the Soviet Union. *Europe-Asia Studies*. 29 (1), 62–85. <https://doi.org/10.1080/09668137708411106>
- Kikot-Glukhodedova, T.V. (2011) Features of the creation of the constitution in the USA. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (7), 88–91. (In Russian). EDN: OMBGER.
Кикоть-Глухodedова Т.В. Особенности создания конституции в США // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 88–91. EDN: OMBGER.
- Marks, K. & Ehngel's, F. (1976) *The Manifesto of the Communist Party*. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian).
Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Политиздат, 1976. 64 с.
- Mars, G. & Altman, Y. (1983) The cultural bases of Soviet Georgia's second economy. *Soviet Studies*. 35 (4), 546–560. <https://doi.org/10.1080/09668138308411503>
- Mommsen, T. (1854) *Römische Geschichte. Band 1: Bis zur Schlacht von Pydna [Roman history. Vol. 1: Until the Battle of Pydna]*. Berlin, Weidmann Publ. (In German).
- Montias, J.M. & Rose-Ackerman, S. (1981) Corruption in a Soviet-type economy: Theoretical considerations. In: Rosefield, S. (ed.) *Economic welfare and the economics of Soviet Socialism: essays in honor of Abraham Bergson*. New York, Cambridge University Press.
- Mitteis, H. (1949) *Deutsche Rechtsgeschichte [German legal History]*. München, Biederstein Publ. (In German).
- Preuss, H. (1915) *Das deutsche Volk und die Politik [The German people and politics]*. Berlin, Metropol Publ. (In German).
- Simis, K. (1982) *USSR: the corrupt society*. New York, Simon and Schuster Publ.

- Singer, J. W. (2014) *Property Law: Rules, Policies & Practices*. Aspen, Wolters Kluwer Law & Business Publ.
- Shashkova, A.V. (2019) Overview of the rights, freedoms and duties of the individual in Italy. *Law and the State: theory and practice*. (2 (170)), 51–53. (In Russian). EDN: STBBUP.
Шашикова А. В. Общий обзор прав, свобод и обязанностей личности в Италии // Право и государство: теория и практика. 2019. № 2 (170). С. 51–53. EDN: STBBUP.
- Timofeev, L.M. (2000) Property law in the USSR. Communist doctrine and shadow reality. *Russia and the modern world*. (4 (29)), 53–66. (In Russian). EDN: BBVYKH.
Тимофеев Л. М. Право собственности в СССР: коммунистическая доктрина и теневая реальность // Россия и современный мир. 2000. № 4 (29). С. 53–66. EDN: BBVYKH.
- Wiles, P. (1983) What we still don't know about the Soviet economy. *CMEA five year plans (1981–1985) in a new perspective*. Brussels (NATO). 35 (4), 546–560.

Сведения об авторах:

Саудаханов Марат Вильданович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры муниципального права, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1117-8117; SPIN-код: 1920-1554

e-mail: viento_del_norte@bk.ru

Чихладзе Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-8807-2572; SPIN-код: 9107-0406

e-mail: Levanbook@gmail.com

About the authors:

Marat V. Saudakhanov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Municipal Law, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya Str, Moscow 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1117-8117; SPIN-code: 1920-1554

e-mail: viento_del_norte@bk.ru

Levan T. Chikhladze – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of Municipal Law, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya Str, Moscow 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8807-2572; SPIN-code: 9107-0406

e-mail: Levanbook@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-175-191>
EDN: RRM CNF

Научная статья / Research Article

Целесообразность модернизации современного Российского семейного права в части легальной дефиниции алиментов

А.И. Ивенский

Самарский юридический институт ФСИИ России, г. Самара, Российская Федерация
 andrey.ivenkiy@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена фактическим отсутствием в современном семейном праве России адекватной дефиниции алиментов. Легальное определение алиментов, выводимое из статьи 80 Семейного кодекса РФ, неудовлетворительно в силу неточности и противоречия со статьями 89, 93–97 того же Кодекса. Доктринальные дефиниции также представляются не соответствующими содержанию данного понятия. Цель работы – формирование дефиниции алиментов путем решения задач уточнения круга вступающих в алиментные правоотношения лиц; оснований для взимания алиментов; способов уплаты *et cetera*¹. Материалами для исследования послужили нормы Семейного кодекса РФ и сопутствующих отраслей российского права: гражданского, нотариального, трудового, налогового, административного, уголовного *et cetera*. Синтезирован уточненный перечень субъектов алиментных правоотношений. Проанализированы дефиниции, предлагаемые в юридической литературе разными авторами, неточно отражающие существенные аспекты алиментов: не охватывающие полный круг атрибутивных признаков и лиц, вступающих в правоотношения, связанные с алиментами. Доказана необоснованность включения в дефиницию алиментов признаков несовершеннолетия, нетрудоспособности, нуждаемости, являющихся сопутствующими, но не всегда необходимыми для алиментных правоотношений. Методами, использованными для исследования, являются: формально-логический, системный анализ, сравнительно-правовой анализ, эмпирический, синтез. В работе уточняется полный состав: оснований для уплаты алиментов; алиментобязанных субъектов; лиц, имеющих право на получение алиментов; способов их оплаты; видов алиментных правоотношений. Рассмотрены формы оказания алиментной помощи, включая возможности уплаты алиментов предоставлением имущественных прав. Отмечено, что при заключении нотариального соглашения об уплате алиментов не в денежной форме необходима предварительная оценка их стоимостного эквивалента. Результатом работы является авторская дефиниция алиментов. В заключении сделаны предложения по модернизации Семейного кодекса РФ.

Ключевые слова: алиментные правоотношения, субъекты алиментных правоотношений, алиментобязанное лицо, лицо, имеющее право на получение алиментов, дефиниция алиментов, формы алиментов, выплата алиментов предоставлением имущественных прав

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ивенский А.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

¹ *Et cetera* (лат.) – и так далее.

Поступила в редакцию: 01 марта 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Ивенский А.И. Целесообразность модернизации современного Российского семейного права в части легальной дефиниции алиментов // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 1. С. 175–191. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-175-191> EDN: RRM CNF

Need to Clarify the Legal Definition of Alimony

Andrey I. Ivenskiy

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russian Federation

 andrey.ivenskiy@yandex.ru

Abstract. The study addresses the absence of an adequate legal definition of alimony in modern Russian family law. Article 80 of the Family Code provides an unsatisfactory definition due to its imprecision and contradiction with Articles 89, 93–97. Existing doctrinal definitions similarly fail to capture the concept's essential attributes. The research clarifies the scope of alimony legal relations, including entitled persons, payment grounds, methods, and forms. Drawing on the Family Code and related civil, notarial, labor, tax, administrative, and criminal law norms, the study employs formal-logical, systemic, comparative-legal, empirical, and synthetic methods. An updated list of subjects of alimony legal relations has been synthesized. Definitions proposed in legal literature by various authors that inaccurately reflect essential aspects of alimony, are analyzed: they fail to cover the full range of attributive features and persons entering alimony legal relations. The study proves the unreasonableness of including minor age, disability, and neediness in the alimony definition, as these are concomitant but not always necessary conditions for alimony legal relations. The study notes that notarial agreements for non-monetary alimony require preliminary cost equivalence assessment. The result is the author's definition of alimony. The work concludes with proposals to modernize the Family Code of the Russian Federation.

Key words: alimony legal relations, subjects of alimony legal relations, alimony-liable person, person entitled to receive alimony, definition of alimony, forms of alimony, payment of alimony by granting property rights

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 01st March 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Ivenskiy, A.I. (2026) Need to Clarify the Legal Definition of Alimony. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 175–191. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-175-191> EDN: RRM CNF

Введение. Неудовлетворительность легального определения алиментов

Получение материальной помощи в виде алиментов является одной из важнейших гарантий обеспечения нормальных условий жизни и развития личности. Алиментные правоотношения – один из видов семейных правоотношений; основные нормы, регулирующие их, содержатся в разделе V Семейного кодекса РФ, состоящем из пяти (13, 14, 15, 16 и 17) глав.

Постоянно используя слово «алименты», юристы, по всей видимости, подразумевают его содержание само собой разумеющимся, уподобляясь при этом Блаженному Августину, которому приписывается выражение, приведенное в эпитафии, поскольку ни универсального легального (имея в виду действующее отечественное законодательство), ни удовлетворительного доктринального определения понятия алиментов, общепринятого или по крайней мере используемого часто и постоянно, нам найти не удалось.

Отсутствие как в действующем семейном законодательстве России, так и в теории семейного права полной и непротиворечивой дефиниции алиментов является не просто важной, а основополагающей проблемой, до настоящего времени не получившей удовлетворительного разрешения и в юридической литературе.

Отсутствие всеобъемлющего или хотя бы общеприемлемого легального определения алиментов, к сожалению, традиционно для отечественного законодательства. Так, еще составители Кодекса законов о браке, семье и опеке от 19.11.1926 г. не сформулировали ни понятия алиментов, ни содержания декларируемых обязанностей: родителей либо отчима, мачехи «заботиться о несовершеннолетних детях», «доставлять содержание несовершеннолетним детям, а также нуждающимся нетрудоспособным детям» – ст. ст. 41, 42, 42.1 Кодекса, и т.д.

Заметим, что алиментные правоотношения между супругами (бывшими супругами) законодательством советского периода не устанавливались.

В Основах законодательства СССР и союзных республик о браке и семье от 27.06.1968 и КоБС РСФСР² от 30.07.1969 дефиниция алиментов также отсутствовала. Законодатель оперировал неразъясненными понятиями «алименты» и «алиментные обязательства» применительно к следующим правоотношениям (регламентированным также с известной долей декларативности): а) обязанности содержания родителями детей; б) заботой детей о родителях, содержание последних первыми; в) содержанием одних членов семьи другими (помимо отношений между родителями и детьми).

К сожалению, составители СК РФ продолжили эту традицию, возможно, подразумевая по неясным причинам содержание и смысл алиментов аксиоматичным, во всяком случае, оставив их без универсальной легальной дефиниции.

Вопросы исторического развития отечественного брачно-семейного законодательства вообще и правового регулирования алиментных правоотношений в частности заслуживает самостоятельного исследования, но не является темой настоящей работы. Мы видим перед собой следующие задачи: а) проанализировать современное нормативное регулирование алиментов; б) предложить их дефиницию, заслуживающую легализации путем внесения изменений в законодательство, в) предложить модернизацию СК РФ в этой части.

Авторы отечественных учебников семейного права³ традиционно оперируют легальной формулировкой «алиментные обязательства», помещенной в наименованиях Раздела V и входящих в него глав 13, 14, 15 СК РФ. Системный анализ норм ст. 4 СК РФ, ст. ст. 8, 307 Гражданского кодекса РФ показывает, что между алиментными обязательствами как видом семейных правоотношений действительно может

² Кодекс о браке и семье РСФСР.

³ Антокольская М.В. Семейное право: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Юристъ, 2002. 336 с.; Гонгало Б.М. Алиментные обязательства // Семейное право : учебник / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2008. С. 188–193.

быть проведена аналогия с обязательствами, вытекающими из гражданского оборота. Однако, по нашему мнению, безусловно взаимосвязанные понятия «алиментные обязательства» и «алименты» не эквивалентны, поскольку первое шире второго. Полагаем, по нашему мнению, что алиментами являются подлежащие передаче алиментополучателю материальные ценности, в то время как «алиментные обязательства» содержат также потенциальную возможность процесса получения такой помощи.

Обходят вниманием вопрос о дефиниции алиментов и другие авторы, сосредотачивающиеся на разнообразных процедурных аспектах оснований, определения размера, способов обеспечения, теории и практики принудительного взыскания алиментов, в том числе с военнослужащих, соглашения об алиментах, ответственности за неуплату, включая связанные с ними проблемы банкротства граждан, разрешения правовых споров в России и зарубежных странах и т.д. (Rybalka, 2021; Серкова & Bakhareva, 2018; Pruzhanskaya & Yushchenko, 2022; Кусык, 2020; Ayubova, 2021; Vojtovich, 2020; Bryakina, 2019; Korchemova, 2016; Eryomin, 2020; Astapova, 2022; Petina & Bobrova, 2020; Gerasimova, 2020; Antonov, 2022; Guz, 2021; Ivannikova, 2021; Kicheeva, 2021; Lastovskaya, 2020; Kazankova, Arkhireeva & Vukolova, 2022; Danilevich-Prokorym, 2016; Davydova & Pavlova, 2023; Chursina, 2023; Kholod, 2024; Baltabayeva, 2023; Modrzejewska, 2024; Zhu Yu, 2024), и ряд других. Однако попыток установить всеобъемлющее, основанное на современном состоянии отечественного законодательства содержание этого понятия не предпринималось.

Обсуждая связанные с алиментами многочисленные теоретические и практические проблемы, практически никто из авторов не уделяет внимания вопросу: что же включает в себя понятие алиментов вообще и в современном российском законодательстве в частности? Сосредотачиваясь на безусловно важных материально-правовых и процедурных аспектах оснований, определения размера и способов взыскания алиментов *et cetera*, большинство авторов обходят вопрос о дефиниции последних.

Цель исследования – выработка дефиниции алиментов, учитывающей все юридически значимые элементы данного правового института. Основными из них, по нашему мнению, являются субъекты, состоящие или вступающие в правоотношения, следствием которых является уплата и получение алиментов, виды правоприменительных актов, являющихся основанием для уплаты или взыскания алиментов; способы, которыми может производиться уплата либо взыскание алиментов.

Решая поставленную задачу, автор руководствуется следующими соображениями о признаках и элементах рассматриваемых правоотношений, подлежащих исследованию для включения в искомое определение:

- 1) принудительность и правоприменительные акты, являющиеся основанием уплаты алиментов;
- 2) лица, являющиеся субъектами алиментных правоотношений;
- 3) лица, имеющие право получения алиментов;
- 4) алиментобязанные субъекты;
- 5) атрибутивные признаки алиментных правоотношений;
- 6) формы (способы уплаты) алиментов.

Методика проведения исследования

Исследование основано на анализе соответствующих норм семейного и сопутствующего отечественного законодательства, а также доктринальных мнений по рассматриваемым вопросам и правоприменительной практики.

Так, из анализа абзаца второго части 1 ст. 80 СК РФ следует, что законодатель фактически приравнивает понятия «уплата алиментов» и «содержание своих несовершеннолетних детей». Помимо существенной неполноты последнее понятие не может быть признано дефиницией алиментов еще и потому, что включает динамический (протяженный во времени) аспект в том смысле, что охватывает как соответствующие средства на содержание детей, так и процесс их уплаты.

Часть вторая той же ст. 80 СК РФ содержит указание на аналогичность понятий «алименты» и «средства на содержание несовершеннолетних детей» (далее в настоящей работе мы рассматриваем последнюю формулировку в качестве легального определения алиментов). Однако данную дефиницию нельзя признать удовлетворительной по ряду причин, проистекающих как из доктринального понимания сущности алиментов, так и из системного анализа норм Семейного кодекса РФ и сопутствующих норм других отраслей отечественного права. Кроме того, указанная ч. 2 ст. 80 СК РФ, в которой алименты позиционируются как средства «на содержание несовершеннолетних детей», что есть уже понятие статическое, то есть не включающее в себя процесс передачи этих средств, вследствие исключения упомянутой процедуры находится во фрагментарной contradикции с динамическим содержанием ч. 1 ст. 80 СК. Более того, указанные положения ст. 80 СК РФ явно не согласуются как с частью 2 ст. 89 СК РФ, поскольку материальная поддержка супругами друг друга имеет основаниями совершенно иные отношения, связанные с совместными детьми лишь в части, предусмотренной абзацем третьим ч. 2 ст. 89 СК РФ (что не имеет отношения к алиментам, предусмотренным ст. 80 СК, но и не исключает одновременной уплаты обоих этих видов содержания), так и со статьями 93–97 СК РФ, в которых основаниями уплаты алиментов также признаются отношения, не вытекающие из отношений между родителями и их детьми.

Как упомянуто нами выше, действующий СК РФ, к сожалению, так же, как и его аналоги советского периода, не содержит ни статей, регламентирующих используемые в нем основные понятия (как, *exempli gratia*⁴, ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ 18.12.2001 № 174-ФЗ или статья 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»), ни даже статей, определяющих хотя бы участников и объекты регулируемых правоотношений (по образцу статей 5 и 6 Земельного кодекса РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ или статей 5, 6 и 7 Водного кодекса РФ от 03.06.2006 № 74-ФЗ). Полагаем, это является существенным недостатком СК РФ, подлежащим исправлению.

Возвращаясь к теме настоящего исследования, заметим, что действовавшие около двух лет методические рекомендации ФССП России от 10.03.2006 содержали определение алиментов как денежных средств «на содержание несовершеннолетних детей или совершеннолетних нетрудоспособных членов семьи»⁵. Л.Е. Чичерова критикует его вследствие того, что: а) не предусматривается взыскание алиментов на бывшего супруга (супругу), б) отсутствуют указания на периоды взыскания таких денежных средств (Chicherova, 2004).

С данной точкой зрения можно согласиться в части неполноты перечня субъектов, обязанных уплачивать алименты, как указано нами выше и подробно

⁴ *Exempli gratia* (лат.) – например.

⁵ Методические рекомендации ФССП РФ от 10 марта 2006 г. № 12/01-2115-НВ (не применяются) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции РФ, 2006, № 4.

рассматривается далее. Однако предложенное Л.Е. Чичеровой включение в дефиницию периодов взыскания алиментов является весьма дискуссионным.

Со своей стороны полагаем необходимым указание на акт, являющийся основанием взыскания алиментов. Такое указание имеет двойное значение: 1) как правовая основа, обеспечивающая при необходимости принудительное взыскание алиментов, 2) как юридический факт, периодом существования (действия) которого определяется начало, продолжительность и окончание периода их уплаты. Добровольные выплаты содержания независимо от их наличия и размера *de jure*⁶ алиментами не являются, становясь таковыми только после принятия одного из актов, виды которых рассматриваются далее. Однако, полемизируя с Л.Е. Чичеровой, полагаем, что полный период взыскания алиментов включению в их дефиницию не подлежит именно в силу указания акта, узаконивающего алименты. Поскольку речь, естественно, может идти только о действующих актах, этим по умолчанию определяется период взыскания алиментов, поскольку на основании недействующего (не вступившего в силу либо прекратившего действие) акта принудительное взимание не производится.

А.А. Бесперстова определяет алименты как обязательные периодические выражаемые в денежной форме платежи, которые уплачиваются нуждающимся членом семьи, уплачиваемые на основании решения суда, либо по нотариально заверенному соглашению (Besperstova, 2020). Данная (также неполная) дефиниция верно расширена указанием на правоприменительные акты, обеспечивающее принудительное взыскание алиментов в случае отказа от их добровольной уплаты, однако также имеет вышеупомянутый недостаток в виде указания только членов семьи, что существенно ограничивает перечень субъектов получения алиментов по сравнению с легальным. Неполнота предлагаемого А.А. Бесперстовой определения в том, что: а) отсутствуют указания на алиментобязанных лиц; б) отсутствует дифференциация судебных решений; в) не учитывается, что алименты могут выражаться не только в денежной форме, как рассматривается далее (аналогичный недостаток также в позиции Л.Е. Чичеровой).

Принудительность алиментов и правоприменительные акты, являющиеся основанием уплаты алиментов

Как указано выше, исходя из норм ст. ст. 80 и 81 СК РФ, легальной дефиницией следует, видимо, считать следующую: «алименты – это содержание детей». Однако из системного анализа норм Раздела V очевидно, что СК РФ различает понятия «содержание детей» (а также содержание других лиц, перечень которых существенно шире понятия «дети» и рассматривается нами далее) и «алименты». Представляется, что отличия «содержания» от «алиментов» состоит в следующих ключевых аспектах:

а) содержание предоставляется обязанным лицом как добровольно, так и принудительно; последнее осуществляется путем взыскания алиментов. Поэтому алименты являются частным случаем содержания, т. е. соотносятся с содержанием как часть и целое;

б) размер содержания также устанавливается обязанным лицом добровольно; размер алиментов определяется правоприменительным актом;

⁶ De jure (лат.) – «юридически», «по (согласно) праву», здесь – с юридической точки зрения.

в) из предыдущего пункта вытекает, что между содержащим и лицом, которому (либо на которое) предоставляется содержание, отсутствуют внешние ограничения минимального размера последнего, устанавливаемого судебным актом (решением, приказом) или соглашением об алиментах.

Последнее, хотя и заключается на диспозитивной основе и добровольно, после нотариального удостоверения получает силу исполнительного документа и может исполняться принудительно.

Отметим, что принудительность уплаты алиментов может выражаться как в фактически реализуемой форме, так и *in potentia*⁷, если алиментобязанное лицо уплачивает алименты по собственной воле. При неисполнении данного обязательства в добровольном порядке оно может обеспечиваться мерами государственного принуждения.

Принудительное взыскание алиментов осуществляется в соответствии со ст. 102 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Государственное принуждение выражается также в различного рода мерах юридической ответственности, которые могут быть применены к алиментобязанному лицу за нарушения порядка уплаты алиментов.

Гражданско-правовая ответственность включает принудительное взыскание вместе с недоимками также индексации сумм алиментов (ст. 117 СК РФ) и за просрочку их уплаты, расцениваемую как неосновательное обогащение (ст. ст. 395, 1102 Гражданского кодекса РФ). Дополнительно могут быть взысканы все причиненные просрочкой алиментов обязательства убытки в части, не покрытой неустойкой.

Административно-правовая ответственность предусмотрена ст. 5.35.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Ответственность уголовно-правовая наступает на основании ст. 157 Уголовного кодекса РФ.

Необходимо отметить, что весьма значительная доля дел об алиментах отнесены к подсудности мировых судей, которые выносят по ним решения в виде судебных приказов в упрощенном порядке, предусмотренном главой 11 ГПК РФ. Следовательно, в выводимом нами определении алиментов в перечень актов-оснований помимо указания на решение суда (принимаемое в порядке искового производства) и нотариально удостоверенное соглашение следует включить судебный приказ. Полагаем, что при формировании дефиниции алиментов следует включить в нее полный перечень обязывающих актов, на основании которых могут взыскиваться алименты: 1) судебный приказ, вынесенный в упрощенном порядке, предусмотренном главой 11 ГПК РФ; 2) решение суда, постановленное в порядке искового производства (главы 12–16 ГПК РФ); 3) нотариально удостоверенное соглашение.

Ergo⁸, полагаем необходимым включить в определение алиментов указание на принудительный характер их уплаты, а также указать все виды актов-оснований их взыскания.

Субъектный состав алиментных правоотношений

Как отмечено выше, критикуемое легальное определение не может быть применено ко многим правоотношениям, регламентируемым разделом V СК РФ. Так,

⁷ *In potentia* (лат.) – потенциально.

⁸ *Ergo* (лат.) – следовательно.

нельзя признать выплачиваемыми «на содержание несовершеннолетних детей» средства, подлежащие выплате одним супругом (супругой) или бывшим супругом (супругой) другому – глава 14 СК РФ, а также обязательства иных лиц, являющихся членами семьи или близкими лицами, между которыми закон устанавливает сходные алиментные правоотношения: братьев, сестер, дедушек, бабушек, внуков, пасынков, падчериц, мачехи, отчима (глава 15 СК РФ).

Кроме того, законом предусмотрены обязательства оказания материальной помощи:

а) отца и матери – совершеннолетним детям (при некоторых условиях – ст. 85 СК),

б) достигших совершеннолетия трудоспособных детей – нетрудоспособным и нуждающимся в помощи родителям (ст. 87 СК),

в) воспитанников – фактическим воспитателям (ст. 96 СК).

В юридической литературе справедливо отмечается, что субъектами алиментного обязательства являются плательщик алиментов и получатель алиментов (Lenkovskaya & Shilovskaya, 2017).

Ergo, определение алиментов должно быть существенно расширено как за счет более широкого перечня видов правоотношений, из которых они проистекают, так и с учетом более просторного субъектного состава алиментобязанных лиц и алиментополучателей. В то же время, поскольку полный перечень субъектов с точки зрения законодательной техники чрезмерно перегрузит дефиницию, полагаем достаточным указание в общем виде на две категории участников, то есть плательщик и получатель алиментов.

Атрибутивные признаки лица, имеющего право на получение алиментов

Критическому анализу подлежит общепринятое и даже, на наш взгляд, стереотипическое мнение о том, что право на получение алиментов лица получают вследствие присущих им признаков несовершеннолетия, нетрудоспособности или нуждаемости (недостаточности средств к существованию).

Однако *de jure* и *de facto*⁹ данные признаки (по отдельности или в любом сочетании) в качестве причин (оснований) признания права на алименты нельзя считать необходимыми (хотя следует признать достаточными).

Критикуемый стереотип подлежит коррекции с учетом того, что ни несовершеннолетие ребенка, ни нуждаемость, ни нетрудоспособность иных лиц, имеющих право на получение алиментов, несмотря на упоминание этих признаков в законе, не являются атрибутивными критериями права на получение алиментов от соответствующего алиментобязанного лица.

Считаем, что при определении алиментов, подлежащих выплате детям, в дефиницию не должны включаться признаки возраста (несовершеннолетия) ребенка, а равно нетрудоспособности и нуждаемости его и иных лиц, поскольку:

а) ст. 63 Трудового кодекса РФ допускает заключение трудовых договоров и, следовательно, получение самостоятельного заработка даже для лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Несовершеннолетние и даже малолетние дети могут иметь и другие виды дохода, причем этот доход может быть весьма значительным, как видим на примерах несовершеннолетних блогеров¹⁰;

⁹ *De facto* (лат.) — «на деле», «фактически».

¹⁰ Брюханов И. Почему дети-блогеры так много зарабатывают. Режим доступа: <https://baza.io/posts/480de287-bec8-49d8-aaed-bf97a07ce0aa> (дата обращения: 10.11.2024).

б) как указано выше, статьи 85, 86 СК РФ предусматривают возлагают на родителей бремя предоставления материального содержания детям, достигшим совершеннолетия (при условиях их нетрудоспособности и нуждаемости);

в) ребенок может проживать с хорошо обеспеченным родителем, доходы которого гарантируют все потребности ребенка, однако это не освобождает второго родителя от обязанности уплачивать алименты.

Отметим, что предпринятая в ст. 86 СК РФ терминологическая дифференциация основной суммы алиментов от оплачиваемых сверх нее дополнительных расходов фактически не отменяет их сходного сущностного содержания. Общее расположение указанной статьи в главе 13 СК РФ и аналогичная правовая природа – безусловные основания для признания этих принудительно взимаемых дополнительных выплат (расходов) разновидностью алиментов.

Считаем также, что указание на возраст лица, на содержание которого выплачиваются алименты, вообще не подлежит включению в дефиницию алиментов. Получателем алиментов является либо само лицо, для помощи которому уплачиваются алименты (*exempli gratia*¹¹, нетрудоспособный родитель), либо его законный представитель (*exempli gratia*, родитель несовершеннолетнего ребенка, с которым последний совместно проживает). Первый пример иллюстрирует один из случаев уплаты алиментов явно совершеннолетнему. Кроме того, нетрудоспособность как основание для взыскания алиментов не обязательно связана с возрастом и может наступить, например, в связи с заболеванием или травмой.

Аналогично, ни нуждаемость, ни нетрудоспособность не являются критериями, которые законодатель считает атрибутивными юридическими основаниями получения алиментов от супруга (бывшего супруга – после расторжения брака). Так, независимо от алиментов на совместных детей, супруга (бывшая супруга) имеет право на принудительное взыскание с (бывшего) супруга материальной помощи в свою пользу в период беременности, а также в период до трех лет со дня рождения общего ребенка. Отсутствие корреляции права на алименты с трудоспособностью и (или) нуждаемостью (бывшей) супруги отмечает также Н.Ш. Ибрагимова (Ibragimova, 2013).

Фактически ни беременность, ни трехлетний отпуск по уходу за ребенком сами по себе не означают, что все это время женщина нетрудоспособна. Как минимум первоначальную часть периода беременности трудоустроенные женщины работают до начала дородового отпуска, который является оплачиваемым наравне с заработной платой по месту основного трудоустройства. После предоставления многие совмещают часть этого оплачиваемого отпуска с подработками (помимо места заключения трудового договора) иногда вплоть до родов. Обычное и распространенное явление также и выход женщины на работу ранее истечения трехлетнего периода после рождения ребенка. Женщины-предприниматели, а также самозанятые и работающие дистанционно вообще могут быть не привязаны к месту наемной работы, то есть имеют возможность получения дохода «не отходя от ребенка».

*Ex supra*¹², считаем, что ни несовершеннолетие ребенка, ни признак нуждаемости получателя алиментов, ни признак его нетрудоспособности не подлежат включению в дефиницию алиментов.

¹¹ *Exempli gratia* (лат.) – например.

¹² *Ex supra* (лат.) – исходя из (выше)изложенного.

Алиментобязанные субъекты

Определяя субъектов, несущих обязанность уплаты алиментов, отметим, что перечень, состоящий из родственников и членов семьи, не является удовлетворительным, поскольку понятия «родственники» и «члены семьи» ни по отдельности, ни совокупно не охватывают всех вариантов отношений между лицами, связанными алиментными обязательствами.

Напомним, что ст. 2 СК РФ признает членами семьи супругов, родителей и детей, либо усыновителей и усыновленных. Некоторое расширение юридического состава родственников и членов семьи, предусмотренное другими нормативными актами (например, освобождение от налогообложения доходов одаряемых при заключении договоров дарения между близкими людьми – абз. 2 п. 18.1 ст. 217 НК РФ, признания членами семей погибших (умерших) военнослужащих как основания права на пенсию по случаю потери кормильца – ч. 1.1. ст. 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ, и т.д.), не распространяется на алиментные правоотношения. В то же время СК РФ предусматривает возможность алиментных обязательств между лицами, не являющимися родственниками и не состоящими в семейных отношениях.

Проиллюстрируем недостаточность (а, следовательно, неточность) указанных перечней «родственников» и «членов семьи».

Так, мачеха и отчим обычно не являются родственниками падчерице и пасынку; усыновители далеко не всегда родственно связаны с усыновленными. В то же время бабушки и дедушки, а равно прабабушки и прадедушки, являясь родственниками соответственно внукам и правнукам, юридически не входят в состав их семей.

Супруги – члены семьи, однако ст. 14 СК РФ запрещает браки между близкими родственниками. Бывшие супруги и не родственники, и не члены одной семьи.

Родители и дети юридически признаются родственниками, однако нельзя сказать, что ребенок принадлежит к семье родителя, если: а) ребенок внебрачный, то есть родители на момент рождения не состояли в браке, а также не вступили в брак позднее; б) родители расторгли брак, затем один или оба вступили в новый брак. При этом ни одно из указанных обстоятельств не отменяет алиментобязанности таких родителей¹³.

Список лиц, связанных алиментными правоотношениями, согласно ст. 96 СК РФ дополняется такими субъектами, как воспитатели и воспитуемые, между которыми по общему правилу может не существовать ни брачных, ни семейных отношений в смысле ст. 2 СК РФ.

Частным выводом из указанных обстоятельств является явное несоответствие названия раздела V СК РФ его же содержанию в силу того, что:

а) необходимости сущностной дифференциации понятий «родственников» и «членов семьи»;

б) рассмотрения в разделе V спектра правоотношений более широкого, чем алиментные коннекции между родственниками и членами семьи,

в) содержащееся в наименовании указание на членов семьи существенно сужает установленный главами 13, 14 и 15 СК РФ круг участников алиментных правоотношений.

¹³ В рамках рассматриваемой темы мы сознательно ограничиваемся юридическими аспектами, не рассматривая распространенные случаи отсутствия биологической связи между отцом и ребенком, выявляемые, например, генетическими исследованиями.

Исходя из этого, полагаем, что в целях соответствия названия раздела V СК РФ собственному содержанию слова «членов семьи» должны быть из заголовка раздела изъяты.

Отметим, что, как отмечалось нами ранее, прямое полное перечисление участников алиментных правоотношений, которое к тому же необходимо делать попарно: родители по отношению к детям, супруг по отношению к другому супругу и т.д., делает дефиницию алиментов недопустимо громоздкой.

Ergo, полагаем, что в целях полного перечисления и одновременного соблюдения законодательной техники обозначение членов алиментных правоотношений следует произвести бланкетно и собирательно путем общего указания на правоотношения, из которых проистекает алиментнообязанность одних участников и право на получение алиментов других.

Атрибутивные признаки алиментных правоотношений

Формулируя понятие алиментов, отметим, что обязательными признаками их получения являются следующие факторы:

А) предусмотренная законом обязанность одного лица оказывать материальную помощь другому лицу;

Б) волеизъявление лица, направленное на получение содержания алиментнообязанного лица на основании обязательного к исполнению акта, то есть путем заключения нотариально заверенного соглашения об алиментах либо путем принятия судебного приказа или судебного решения об уплате алиментов;

В) реализация права на алименты принятием соответствующего акта, без которого получение содержания алиментами не является.

Выводом является отмеченная выше необходимость указания в дефиниции на реализацию законного права на алименты посредством принятия одного из соответствующих правоприменительных актов.

Варианты исполнения алиментных обязательств

Преследуя цель формирования всеобъемлющего понятия алиментов, проанализируем предусмотренные законодательством (точнее, не противоречащие последнему) формы передачи материальной помощи, а также частные способы оказания таковой. Основных форм три.

1. Преимущественная форма – оплата в денежном эквиваленте:

а) в фиксированной денежной сумме;

б) в долях от дохода алиментнообязанного лица;

в) в комбинированной из первых двух форме.

Отметим, что основная форма алиментов может быть установлена как судебными решениями, так и соглашением. Прочие разновидности согласно ч. 2 ст. 104 СК РФ могут устанавливаться только на консенсуальной основе нотариально удостоверенным соглашением сторон.

2. Предоставление имущества. По справедливой оценке Б.М. Гонгалло, данная форма лишена четкого юридического смысла¹⁴. Ergo, условия выплаты алиментов могут определяться вариативно:

¹⁴ Семейное право: учебник / под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2022. 320 с.

1) передачей (отчуждением) имущества получателю алиментов, которое может быть осуществлено двумя путями:

а) единомоментная передача, если его стоимость равна или сопоставима с суммой алиментов за весь период их уплаты;

б) регулярное предоставление права собственности на обусловленное имущество: периодические передачи продуктов питания, одежды, внесение денег за обучение, коммунальные платежи *et cetera*;

2) передачей в распоряжение получателя алиментов имущества без его отчуждения:

а) на бесплатной основе, при этом безвозмездное пользование и составляет материальную выгоду алиментополучателя;

б) на льготных условиях, например, с частичной компенсацией; при этом разница между полной и льготной стоимостью пользования имуществом и является алиментами, *et cetera*.

3. Допустимы и другие не противоречащие закону варианты уплаты, например: предоставление путевки на курортное лечение, сами систематические услуги:

а) ремонт жилого помещения, б) предоставление права пользования движимым или недвижимым имуществом *et cetera*. При этом данные услуги и материальные блага могут предоставляться за счет средства как плательщика, так и получателя алиментов – любые способы содержания или материальной помощи, в которых нуждается получатель алиментов и которые имеет возможность и согласно предоставить алиментобязанное лицо, о чем указанные стороны добровольно договорились.

В литературе также справедливо указывается, что при невозможности взыскания алиментные платежи могут быть заменены имуществом, принадлежащим алиментобязанному лицу, что прямо предусмотрено ст. 104 СК РФ (Levshin & Ivanova, 2019). При заключении соглашения об алиментах стороны могут включить в него условия получения части алиментов не в денежном выражении, а путем предоставления иных вещных прав, которые получатель алиментов считает соответствующим собственным интересам. Примером таких вещных прав может быть предоставление права пользования или распоряжения объектами интеллектуальной собственности плательщика.

Заметим, что даже при передаче имущества речь не обязательно идет об его отчуждении, т.е. имущество может быть как передано в собственность получателя алиментов, так и предоставлено ему на основании иного вещного права. Алиментобязанное лицо по соглашению сторон может в качестве алиментов предоставить, например, право проживания в жилом помещении, право пользования движимым и недвижимым имуществом (автомобилем, дачей и т. д.). Добавим также, что согласно ч. 1 ст. 307 ГК РФ условия соглашения могут также предусматривать возможность уплаты алиментов путем воздержания от определенных действий (например, не истребовать свое имущество из пользования алиментополучателя, не предпринимать мер по выселению его из жилого помещения, принадлежащего плательщику алиментов, *et cetera*), что также является способом предоставления вещных прав.

Вместе с тем мы уверены, что при включении в соглашение об уплате алиментов пунктов об уплате части алиментов путем предоставления имущественных прав стороны должны предварительно определить их стоимостной эквивалент, указав его в тексте соглашения. Такая оценка необходима, в частности, потому, что в случае невыполнения плательщиком алиментов такой обязанности (вне зависимости от

причин) недополученные алименты могут быть принудительно взысканы в денежной форме. Оценка может быть установлена соглашением сторон, при недостижении которого они могут обратиться к независимому специалисту или эксперту в области оценки.

Основаниями уплаты алиментов в неденежной форме являются: а) особенности имущественного положения алиментобязанного лица (наличие соответствующего имущества, возможность оказания соответствующих услуг *et cetera*); б) потребность лица в получении материальной помощи в таком виде; в) согласие обеих сторон на уплату алиментов в такой форме с обязательным указанием их стоимостного эквивалента; г) отсутствие законодательных запретов на такую материальную помощь (что может быть связано, *exempli gratia*, с ограничений оборота отдельных видов имущества: огнестрельное оружие и т. д.).

Ergo, считаем, что в определении алиментов надлежит предусмотреть все возможные формы их уплаты.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования автором сформулирована дефиниция: «Алименты – обусловленная существующими или ранее существовавшими родственными или семейными отношениями или иными отношениями периодически оказываемая на основании судебного приказа или решения суда или соглашения об алиментах материальная помощь, выражаемая в денежной форме либо в иных формах в соответствии с условиями соглашения об алиментах и (или) с особенностями имущественного положения участников алиментных правоотношений».

Считаем, что данное определение учитывает все предусмотренные действующим законодательством виды алиментных правоотношений и их участников, создает предпосылки для правильного и законного правоприменения, в том числе для рассмотрения судами дел об алиментах, а также для добровольной их уплаты и принудительного взыскания.

Заключение

Принятый 29.12.1995 Семейный кодекс РФ, обеспечивая в целом удовлетворительное регулирование как родственных и внутрисемейных, так и проистекающих из них правоотношений, нуждается, однако, в модернизации. В частности, с точки зрения современной законодательной техники считаем необходимым дополнить главу 1 СК РФ статьей 6.1, в которой бы разъяснялись применяемые в Кодексе базовые понятия, в состав которой интегрировать легальные определения брака, детей, родственных отношений, родителей, семьи и т.д., включая предлагаемую нами дефиницию алиментов.

В качестве варианта усовершенствования возможно включение данной дефиниции в раздел V в качестве части 2.1 статьи 80 СК РФ. Однако данный вариант представляется менее соответствующим законодательной технике, поскольку статья 80 включена в главу 13 СК РФ, регламентирующую только один из видов алиментных правоотношений. Поскольку входящие в раздел V СК РФ главы 13–17 регламентируют различные виды алиментных обязательств и особенности их взыскания, инкорпорирование определения алиментов в контекст одной из них не будет в достаточной степени корреспондировать их содержанию в силу: а) более широкого содержания предлагаемой дефиниции, нежели содержание главы; б) с точки зрения

законодательной техники, поскольку уже статья 80, с которой начинается глава 13 СК РФ, оперирует термином «алименты». Ergo, дефиниция алиментов должна располагаться ранее по тексту, как предложено в первом варианте.

Поскольку алиментные правоотношения существуют не только между членами семьи, предлагаем также изменить название раздела V Семейного кодекса Российской Федерации, изъяв из него слова «членов семьи».

References / Список литературы

- Antonov, V.A. (2022) Declaring contracts about alimony void in process of bankruptcy of alimony payer. In: Trofimova, M.S. (ed.). *Current problems of protection of the rights of minors. Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Veliky Novgorod, Yaroslav the Wise Novgorod State University Publ., pp. 6–12. (In Russian). <https://doi.org/10.34680/978-5-89896-785-7/2022.right.01> EDN: QQGARV.
Антонов В.А. Оспаривание соглашений об уплате алиментов в банкротстве плательщика алиментов // Актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних : материалы Междунар. науч.–практ. конф. / под ред. М.С. Трофимовой. Великий Новгород : Новгородский гос. ун-тет имени Ярослава Мудрого, 2022. С. 6–12. <https://doi.org/10.34680/978-5-89896-785-7/2022.right.01> EDN: QQGARV.
- Astapova, T.Yu. (2022) Violation of requirements to the size of minor children support payments as a ground for the acknowledgement of alimony agreement invalid. *Notary*. (2), 16–19. (In Russian). EDN: NXXRRQ.
Астапова Т.Ю. Нарушение требований размера алиментов на несовершеннолетних детей как основание признания соглашения об уплате алиментов недействительным // Нотариус. 2022. № 2. С. 16–19. EDN: NXXRRQ.
- Ayubova, A.N.K. (2021) Child support recovery as a way to protect family rights: legal problems and practical significance. *Legal Fact*. (150), 11–14. EDN: CVFJFH. (In Russian).
Аюбова А.Н.К. Взыскание алиментов на содержание детей как способ защиты семейных прав: правовые проблемы и практическая значимость // Юридический факт. 2021. № 150. С. 11–14. EDN: CVFJFH.
- Baltabayeva, Zh. (2023) Improving the alimony recovery system in Kazakhstan: Problems and prospects. *Legal Sciences Review*. 7 (4), 85–93. <https://doi.org/10.51788/tsul.rols.2023.7.4./bait3989> EDN: RFJQWM.
- Besperstova, A.A. (2020) The emergence of alimony obligations in Russia. *Derzhavinskiy Forum*. 4 (13), 17–23. (In Russian). EDN: WDAGTT.
Бесперстова А.А. Возникновение алиментных обязательств в России // Державинский форум. 2020. Т. 4. № 13. С. 17–23. EDN: WDAGTT.
- Bryakina, A.V. (2019) On the issue of legal regulation of alimony payments: Control over targeted alimony payments – issues of judicial practice. In: *Science, Education and Innovation in the Modern World (NOI–2019). Proceedings of the National Scientific Conference of the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I*. Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I Publ., pp. 248–254. EDN: DGNEBT (in Russian).
Брякина А.В. К вопросу о правовом регулировании выплаты алиментов: контроль за целевой выплатой алиментов – вопросы судебной практики // Наука, образование и инновации в современном мире (НОИ–2019) : материалы Нац. науч. конф. Воронежского гос. аграрного ун-та им. императора Петра I. Воронеж : Воронежский гос. аграрный ун-тет им. императора Петра I, 2019. С. 248–254. EDN: DGNEBT.
- Sepkova, T.M. & Bakhareva, O.A. (2018) Some problems that arise during the enforcement of alimony claims. In: Kornilova, N.V. (ed.) *Civil law, civil and administrative proceedings: Current issues of theory and practice. Materials of the III All–Russian scientific and practical conference*. Khabarovsk, Pacific National University Publ, pp. 117–121. (In Russian). EDN: XPGUPJ.

- Ценкова Т.М., Бахарева О.А.* Некоторые проблемы, возникающие в ходе принудительного исполнения требований о взыскании алиментов // *Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики : материалы III Всеросс. науч.-практич. конф. / под ред. Н.В. Корниловой.* Хабаровск : Тихоокеанский гос. ун-тет, 2018. С. 117–121. EDN: XPGUPJ.
- Chicherova, L.E. (2004) Responsibility in alimony obligations. *Lawyer*. (6), 42–44. (In Russian). EDN: OITAMB.
- Чичерова Л.Е.* Ответственность в алиментных обязательствах // *Юрист*. 2004. № 6. С. 42–44. EDN: OITAMB.
- Chursina, A.S. (2023) Some types of alimony under the legislation of the Republic of Kazakhstan. In: *Scientific revolutions: Essence and role in the development of science and technology. Collection of articles based on the results of International Scientific and Practical Conference.* Kazan, Agency for International Research Publ., pp. 146–148. EDN: BHUFVL.
- Danilevich-Prokorym, V. (2016) The legal framework and the actual alimony claims of adult children towards their parents. In: Martynenko, I.E. (ed.) *Problems of Civil Law and Process.* Grodno, Yanka Kupala Grodno State University Publ., pp. 141–145. EDN: XVVBBJ.
- Davydova, I.V. & Pavlova, V.G. (2023) Problematic issues of alimony obligations of other family members and relatives. *Scientific Notes of the Tavriya National University named after V.I. Vernadsky. Series: Legal Sciences.* (2), 37–41. <https://doi.org/10.32782/tnu-2707-0581/2023.2/06> EDN: HGLOUP.
- Eryomin, O.L. (2020) Controversial issues of the alimony payment agreement. *Epomen*. (46), 135–154. (In Russian). EDN: DLZZKF.
- Еремин О.Л.* Дискуссионные вопросы соглашения об уплате алиментов // *Эпомен*. 2020. № 46. С. 135–154. EDN: DLZZKF.
- Gerasimova, O.A. (2020) Challenging the alimony payment agreement in the bankruptcy case of a citizen. *Arbitration and Civil Procedure*. (5), 48–51. (In Russian). EDN: XFTYES.
- Герасимова О.А.* Оспаривание соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве гражданина // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 5. С. 48–51. EDN: XFTYES.
- Guz, K.O. (2021) The practice of collecting alimony and alimony obligations. *Student's*. (9–2 (137)), 33–37. (In Russian). EDN: HMTDUR.
- Гузь К.О.* Практика взыскания алиментов и задолженности по алиментным обязательствам // *Студенческий*. 2021. № 9–2 (137). С. 33–37. EDN: HMTDUR.
- Ibragimova, N.Sh. (2013). Features of legal regulation of the institution of alimony obligations in family law of the Russian Federation. *Leningrad Law Journal*. (2 (32)), 125–131. (In Russian). EDN: QAVBQZ.
- Ибрагимова Н.Ш.* Особенности правового регулирования института алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации // *Ленинградский юридический журнал*. 2013. № 2 (32). С. 125–131. EDN: QAVBQZ.
- Ivannikova, V.N. (2021) Problems of alimony recovery in enforcement proceedings. *Young Scientist*. (18 (360)), 403–405. (In Russian). EDN: GITZFM.
- Иванникова В.Н.* Проблемы взыскания алиментов в исполнительном производстве // *Молодой ученый*. 2021. № 18 (360). С. 403–405. EDN: GITZFM.
- Kazankova, T.N., Arkhireeva, D.A., & Vukolova, A.I. (2022) Comparative characteristics of the problems of legal regulation of alimony recovery disputes in Russia and foreign countries. *Journal of Economics and Law*. (163), 13–16. (In Russian). EDN: QNZOSQ.
- Казанкова Т.Н., Архиреева Д.А., Вуколова А.И.* Сравнительная характеристика проблем правового регулирования споров по взысканию алиментов в России и зарубежных странах // *Вопросы экономики и права*. 2022. № 163. С. 13–16. EDN: QNZOSQ.
- Kholod, V.S. (2024) Collection of alimony from military personnel: Problems, solutions and judicial practice. *Legal Scientific Electronic Journal*. (8), 136–139. EDN: QHEQWE.
- Kicheeva, O.A. (2021) The role of the prosecutor in the recovery of alimony by bailiffs for minor children. In: *Problems of the formation of civil society. Collection of articles of the*

IX International Scientific Student Conference. Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” Publ., pp. 221–225. (In Russian). EDN: PLPGDF.

Кичеева О.А. Роль прокурора при взыскании приставами-исполнителями алиментов на несовершеннолетних детей // Проблемы становления гражданского общества : сб. статей IX Междунар. науч. студенч. конф. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2021. С. 221–225. EDN: PLPGDF.

Korchemova, O.Yu. (2016) Changing the amount of alimony and cancellation of alimony for minor children. *Bulletin of Scientific Conferences*. (12–2 (16)), 51–53. (In Russian). EDN: XRFHDT.
Корчемова О.Ю. Изменение размера алиментов и отмена алиментов на несовершеннолетних детей // Вестник научных конференций. 2016. № 12–2 (16). С. 51–53. EDN: XRFHDT.

Кучук, Т.В. (2020) Alimony for minor children: Recovery of alimony from non-working payers. *Crimean Academic Bulletin*. (13), 82–86. (In Russian). EDN: MIKDKA.
Куцук Т.В. Алименты на несовершеннолетних детей: взыскание алиментов с неработающих плательщиков // Крымский академический вестник. 2020. № 13. С. 82–86. EDN: MIKDKA.

Lastovskaya, O.A. (2020) Prenuptial agreement, agreement on children, agreement on the payment of alimony: Topical issues of the subject structure. In: *Legal science, legislation and law enforcement practice: Patterns and development trends. Collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference, in 2 parts*. Yanka Kupala Grodno State University Publ., 196–199. (In Russian). EDN: QQYEWС.

Ластовская О.А. Брачный договор, соглашение о детях, соглашение об уплате алиментов: актуальные вопросы субъектного состава // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 частях. Гродно : Гродненский гос. ун-тет им. Янки Купалы, 2020. С. 196–199. EDN: QQYEWС.

Lenkovskaya, R.R., & Shilovskaya, A.L. (2017) Subjects of alimony obligations. *Economic Problems and Legal Practice*. (2), 123–125. (In Russian). EDN: YMFOXV.

Ленковская Р.Р., Шиловская А.Л. Субъекты алиментных обязательств // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2. С. 123–125. EDN: YMFOXV.

Levshin Eh.M. & Ivanova, L.N. (2019) Norms of morality and law in the collection of alimony for the maintenance of children: Features of family-legal dialectics in Russia. *Family and Housing law*. (3), 8–11. (In Russian). EDN: SSVNQE.

Левшин Э.М., Иванова Л.Н. Нормы морали и права при взыскании алиментов на содержание детей: особенности семейно-правовой диалектики в России // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 8–11. EDN: SSVNQE.

Modrzejewska, K.K. (2024) Ochrona interesów małoletnich w prawie rodzinnym na przykładzie obowiązku alimentacyjnego. *Ars Iuridica*. 23 (2), 129–140. (In Polish). <https://doi.org/10.17951/szn.2023.23.2.129-140> EDN: SQSYQP.

Petina, D.K. & Bobrova, G.S. (2020) The responsibility of the alimony payer for non-fulfillment of the alimony payment agreement. In: *Legal science in the 21st century: Current problems and prospects for their solutions. Collection of scientific articles based on the results of the sixth round table with National and international participation*. Don State Technical University. Shakhty, Convert Publ., pp. 68–71. (In Russian). EDN: UHAEDZ.

Петина Д.К., Боброва Г.С. Ответственность плательщика алиментов за неисполнение соглашения об уплате алиментов // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений : сб. науч. ст. по итогам работы шестого круглого стола со Всеросс. и междунар. участием. Донской гос. технический ун-тет. Шахты : Конверт, 2020. С. 68–71. EDN: UHAEDZ.

- Pruzhanskaya, M.G., & Yushchenko, N.V. (2022) Relevant problems of alimony recovery in favor of minor children: Problems and solutions. *Innovation. Science. Education*. (52), 172–176. (In Russian). EDN: DZSEZU.
Пружанская М.Г., Ющенко Н.В. Актуальные проблемы взыскания алиментов в пользу несовершеннолетних детей: проблемы и пути их решения // *Инновации. Наука. Образование*. 2022. № 52. С. 172–176. EDN: DZSEZU.
- Rybalka, E.A. (2021) Payment and recovery of alimony: Problems of legal regulation. *Yurist-Pravoved*. (1 (96)), 7–10. (In Russian). EDN: QLQFMV.
Рыбалка Е.А. Уплата и взыскание алиментов: проблемы правового регулирования // *Юристы–Правоведь*. 2021. № 1 (96). С. 7–10. EDN: QLQFMV.
- Vojtovich, L.V. (2020) Problematic issues of recovery of alimony for the maintenance of minor children in the claim proceedings of the civil process. *Russian Justice*. (3), 14–20. (In Russian). EDN: TVZSFZ.
Войтович Л.В. Проблемные вопросы взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей в исковом производстве гражданского процесса // *Российское правосудие*. 2020. № 3. С. 14–20. EDN: TVZSFZ.
- Zhu, Yu. (2024) Empirical study on the difficulty of enforcing minor children’s alimony after divorce. *International Journal of Social Sciences and Public Administration*. 4 (2), 93–104. <https://doi.org/10.62051/ijsspa.v4n2.13> EDN: YETVHE.

Сведения об авторе:

Ивенский Андрей Иванович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России; 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская 24 «в»

ORCID: 0000-0002-9805-540X; SPIN-код: 2998-5839

e-mail: andrey.ivenkiy@yandex.ru

About the author:

Andrey I. Ivenskiy – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 24 Rylskaya str., Samara, Russian Federation, 443022

ORCID: 0000-0002-9805-540X; SPIN-code: 2998-5839

e-mail: andrey.ivenkiy@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-192-200>

EDN: RROKQY

Информационная статья / Information Article

**Рецензия на монографию:
Атабеков А.Р., Ястребов О.А. Стратегическое позиционирование
искусственного интеллекта в сфере государственного
управления и практика правового регулирования.
Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 447 с.**

Е.В. Алферова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
(ИНИОН РАН), г. Москва, Российская Федерация
 ealf@list.ru

Поступила в редакцию: 29 ноября 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Алферова Е.В. Рецензия на монографию: *Атабеков А.Р., Ястребов О.А.* Стратегическое позиционирование искусственного интеллекта в сфере государственного управления и практика правового регулирования. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 447 с. // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 1. С. 192–200. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-192-200>
EDN: RROKQY

**Review of the monograph:
Atabekov, A.R., Yastrebov, O.A. (2024) Strategic positioning
of artificial intelligence in public administration and legal regulation
practice. Moscow, UNITY-DANA Publ.**

Elena V. Alferova

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAS), Moscow, Russian Federation
 ealf@list.ru

Received: 29th November 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Alferova, E.V. (2026) Review of the monograph: Atabekov, A.R., Yastrebov, O.A. (2024) Strategic positioning of artificial intelligence in public administration and legal regulation practice. Moscow, UNITY-DANA Publ. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 192–200. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-192-200> EDN: RROKQY

В Фундаментальную библиотеку ИНИОН РАН ежедневно приходят сотни книг по разным направлениям социальных и гуманитарных наук, и среди этого потока новой литературы сотрудники отдела правоведения профессионально выделяют те, которые заслуживают особого внимания в силу актуальности их тематики, жанра, содержания и авторского состава. Ряд лет приоритетными направлениями исследования в отделе является тема правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) и, соответственно, анализ зарубежного и российского опыта применения цифровых технологий, в том числе ИИ, в юриспруденции¹. Поэтому, когда среди многочисленных новых юридических книг в октябре 2025 года была представлена для ознакомления читателям монография *А.Р. Атабекова*, д-ра юрид. наук, канд. экон. наук, доцента Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), и *О.А. Ястребова*, д-ра юрид. наук, д-ра экон. наук, профессора, ректора РУДН, она сразу привлекла наше внимание прежде всего основательностью своего названия – «Стратегическое позиционирование искусственного интеллекта...». Такое название явно обязывало авторов не выбирать легкого пути в исследовании темы, а ориентироваться на многоаспектный и комплексный научный правовой анализ не только точек зрения ученых, но и содержания многочисленных нормативных правовых актов и различных моделей регулирования ИИ в сфере публичного управления в зарубежных странах и России. И это у них получилось: важным достоинством данной монографии является то, что по научно-исследовательским целям и задачам, перечисленным авторами во введении (с. 11–12), она выходит далеко

¹ См.: Государство и право в новой цифровой реальности: монография / под общ. ред. проф. Д.А. Ловцова и проф. И.А. Умновой-Конюховой. М. : ИНИОН РАН, 2020. 259 с.; Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. ред. Е.В. Алферова. М. : ИНИОН РАН, 2021. 267 с.; Научное технологическое развитие, цифровизация, искусственный интеллект и право (тема номера) // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4 : Государство и право. 2024. № 4. С 3-97; Правовое регулирование безопасного и надежного искусственного интеллекта (тема номера) // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4 : Государство и право. 2025. № 3. 209 с., и др.

за пределы тематики и позволяет узнать не только конкретное законодательство, регулирующее использование ИИ в публичной сфере, и правоприменительную практику многих стран, но погрузиться в концептуальные подходы к пониманию категории «искусственный интеллект» с позиций различных правовых систем и представителей научного юридического сообщества и рассмотреть ключевые теоретико-правовые проблемы в области интеграции ИИ и философско-этические вопросы развития ИИ в правовом поле. Этим многоаспектным вопросам авторы отвели главу 1. В следующих, ключевых главах 2 и 3 их внимание сосредоточено на правовом регулировании применения ИИ в публичном секторе государств, относящихся в различным правовым системам – романо-германской, англосаксонской, а также социалистической, религиозной и традиционной системах права, а также на сущности и содержательной характеристике правового регулирования применения ИИ в публичной сфере. Речь идет об административном регулировании ИИ как объекта правоотношений в области стандартизации, сертификации и саморегулирования и через конструкцию юридического, физического лица или агента, о правосубъектности ИИ, его использовании в судебной деятельности. В главе 4 рассматриваются базовые подходы (краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды) к интеграции ИИ в сферу публичных отношений в России. Интерес здесь может привлечь также сравнительно-правовая оценка действующих и предлагаемых учеными подходов к регулированию ИИ.

Ценно то, что во всех главах авторы опираются на многочисленные научные источники и, анализируя их, выделяют наиболее перспективные или проблемные подходы исследования ИИ для целей правового регулирования данной технологии. Так, при рассмотрении вопроса этико-философской сущности ИИ в главе 1, *А.Р. Атабеков* и *О.А. Ястребов* концентрируются на трех блоках дискуссионных вопросов, связанных: во-первых, с реально существующими и используемыми технологиями ИИ в человеческом обществе; во-вторых, с тем, как люди представляют себе эти технологии; в-третьих, с будущим технологий ИИ (с. 64). Обсуждается проблема этических опасений, возникающих в связи со сбором данных о людях без их ведома. Среди этих опасений – опасения по поводу неприкосновенности частной жизни и опасения, что крупные технологические компании могут манипулировать этой информацией. Данные, собранные в Интернете, например о пользователях социальных сетей, могут стать угрозой личной автономии на индивидуальном уровне. Автоматизированные системы поддержки принятия решений используют данные, содержащие «человеческие предубеждения», а системы ИИ их воспроизводят, иногда даже усиливают негативные человеческие предубеждения, связанные с полом, расовой идентичностью и сексуальной ориентацией. Другая проблема, которую видят авторы, связана с системами ИИ, принимающими автоматизированное решение или дающими рекомендации. Она проистекает из непрозрачности ИИ. В связи с этим научное сообщество неоднозначно подходит к решению этой проблемы. Одни ученые предлагают закрепить в законе обязанность объяснять решения ИИ, другие – сомневаются в необходимости предоставления человеку объяснений, если технология дает эффективный результат для администратора или пользователя системы (с. 64–67).

Еще одна сложная проблема, на которую обращают внимание авторы, – взаимодействие человека с роботом. Суть ее авторы видят в том, что робот, предназначенный для выполнения социальных функций (медицина, здравоохранение,

образование и др.), может породить угрозу человеческому достоинству, ввести в заблуждение. В связи с этим возникает вопрос: могут ли роботы символизировать морально значимые свойства или способности, стать социальными партнерами и хорошими друзьями? Другой важный вопрос, рассматриваемый авторами, – отношение системы к человеку-контролеру. Обусловлен он тем, что чем быстрее развивается ИИ, чем больше он становится автономным и расширяет свою роль в процедурах принятия решений в различных областях, тем более важной становится необходимость контроля со стороны человека из-за непредсказуемости высокоинтеллектуальных систем. В связи с этим авторы пытаются ответить на следующие философские вопросы: какое именно вмешательство человека должно быть гарантировано; осуществимо ли это технологически; должен ли человеческий контроль присутствовать на всех этапах эволюции ИИ; каковы цели человеческого присутствия в ИИ-системах? (с. 59–69).

Исходя из прочитанного в главе 1 книги, можно заключить, что *А.Р. Атабеков* и *О.А. Ястребов* дали всесторонний обзор отечественных и зарубежных подходов к определению ИИ, его существенных характеристик, преимуществ и недостатков в контексте административного права и философско-этических воззрений, и согласиться с ними в том, что природа ИИ в контексте готовности его к внедрению в публичную сферу изучается недостаточно системно, поскольку восприятие ИИ на уровне доктринальной и философско-юридической мысли еще формируется и активно развивается (с. 70). И это действительно так: только в конце 2024 и в 2025 гг. вышли в свет ряд интересных книг². Однако, правы авторы также в том, что многие вопросы правового регулирования применения ИИ и условий его существования остаются нерешенными. Причиной этого, по их мнению, является отставание теории права от научно-технического прогресса, в том числе отсутствие правовой регламентации сферы человеческого взаимодействия с ИИ, проблемы безопасности, морали и ответственности (с. 73).

Значительное место в книге (гл. 2) уделено выявлению причин такого упущения и исследованию направлений развития законодательства о внедрении ИИ в различных сферах государственного управления, а также сравнительному анализу моделей правового регулирования использования ИИ в публичном секторе государств, относящихся к различным правовым системам. Показательно то, что для проведения такого анализа авторами были выбраны страны с наиболее высоким рейтингом Глобального индекса конкурентоспособности талантов (GTCI), каждая из которых относится к определенной правовой системе. Среди стран романо-германской правовой семьи авторами выбраны для исследования Япония, Германия, Франция, Нидерланды, Россия и Эстония. В области англосаксонской системы права – США,

² См.: Kumar, S., Verma, A.K. & Mirza, A. (2024) *Digital Transformation, Artificial Intelligence and Society: Opportunities and Challenges* (Frontiers of Artificial Intelligence, Ethics and Multidisciplinary Applications). 218 pp.; *Artificial Intelligence in Application. Legal Aspects, Application Potentials and Use Scenarios* (2024) / eds. T. Barton, Ch. Müller. 197 pp.; *Digital Governance: Confronting the Challenges Posed by Artificial Intelligence* (2024) / ed. K. Prifti, E. Demir, J. Krämer, K. Heine, E. Stamhuis. 310 pp.; Marwala T. (2024) *The Balancing Problem in the Governance of Artificial Intelligence*. 251 pp.; Burgess P. (2024) *AI and the Rule of Law. The Necessary Evolution of a Concept*. 200 pp.; *Legal Aspects of Autonomous Systems: A Comparative Approach* (2024) / ed. by Dário Moura Vicente, Rui Soares Pereira, Ana Alves Leal. 382 pp.; *AI and Law: How Automation Is Changing the Law* (2025) / eds. Aurelia TamòLarriex, Clement Guitton, Simon Mayer. 195 pp.; *The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence* (2025) / ed. by Nathalie A. Smuha. 472 pp., and others.

Великобритания, Новая Зеландия, Канада, Сингапур. В области религиозной правовой системы – Израиль, ОАЭ и Саудовская Аравия. Социалистическая система права представлена Китаем, традиционная – ЮАР. И такое страноведческое правовое обозрение зарубежного опыта регулирования ИИ предпринимается впервые в российском правоведении А.Р. Атабековым и О.А. Ястребовым.

При этом важно подчеркнуть: авторы рассматривают не только имеющиеся подходы к правовому регулированию в сфере ИИ в разных странах, но прежде всего концентрируют внимание на национальных стратегиях на перспективу. Отмечается, что на сегодняшний день, в мировом сообществе существует два основных подхода к правовому регулированию ИИ: *легалистский*, суть которого заключается в использовании уже разработанной правовой системы в качестве основы и формировании списка проблемных вопросов, связанных с эксплуатацией роботов, с конфиденциальностью и ответственностью, и *технологический*, предусматривающий «движение» от технологических изменений: появление беспилотников, роботов – личных помощников и т.д. Приверженцы технологического подхода считают, что право вторично. Выделяется также и комбинированный подход, который разделяет этику применения ИИ и робототехники (с. 76–77).

Исходя из этих подходов, А.Р. Атабеков и О.А. Ястребов исследовали понятийно-правовое содержание ИИ в аспекте его регулирования в публичной сфере в вышеуказанных странах, а также провели сравнительно-функциональное сравнение субъектов правотворчества, регулирующих ИИ в изучаемой сфере, и объектов правоприменения. В результате глубокого и комплексного анализа были выявлены как общие тенденции, практики, перспективы, а также особенности подходов правового регулирования ИИ в публичной сфере разных стран относящихся к разным правовым системам. Обзор концептуальных подходов к определению статуса ИИ в странах различных правовых семей, позволил авторам сделать вывод, что на сегодняшний день в разных государствах отсутствует единый подход к определению правосубъектности ИИ как смешанном типе субъекта и объекта права. Некоторые эксперты из этих стран судят о статусе ИИ как о смешанном типе субъекта и объекта права, другие заявляют о потребности формирования особой концепции электронного лица для ИИ, также есть сторонники мнения, что невозможно присвоить ИИ статус правового объекта (с. 181).

Весьма интересной представляется позиция авторов по вопросу формирования конструкции и понятия электронного лица публичного права, учитывающих такие характеристики ИИ, как ее многокомпонентную техническую природу, охватывающую большой спектр правоотношений и условия порядка применения ИИ, ответственность различных субъектов правоотношений; высокую скорость обработки данных и возможную автономность ИИ, создающую риски для общества, и др. *Электронное лицо* определяется учеными как технология ИИ, созданная человеком, под которой понимается система, использующая когнитивные функции человека (или иные функции, превышающие возможности человеческого интеллекта, и предоставляющая результат, сопоставимый с результатом, реализуемым человеческим мозгом в необходимые пользователю технологии ИИ сроки. Под результатом понимаются рекомендации, прогнозы или решения, а также действия, выполняемые ИИ как агентом воли пользователя, которые не противоречат базовым конституционным правам человека и безопасности пользователя или адресата действия, выполняемые ИИ автономно (с. 183).

После детального анализа доктринальных и правовых (на опыте стран, относящихся к разным правовым семьям) авторы переходят к изучению сложных вопросов стандартизации и сертификации ИИ с учетом обеспечения надежности и безопасности для общества технологий ИИ, а также адаптации правовых подходов к осуществлению указанных процедур в отношении ИИ.

Примечательно то, что рассмотрение проблем административного регулирования ИИ как объекта правоотношений в области стандартизации, сертификации и саморегулирования начинается с обзора наднациональных и национальных стандартов ИИ и описания структуры деятельности международных организаций в области стандартизации и их рабочих групп. Так, анализируя такой документ, разработанный Международной организацией по стандартизации (ISO), как «Информационные технологии» (ISO/IEC 38507:2022), в котором прописаны базовые принципы использования ИИ, авторы подчеркивают, что указанный стандарт обязует организацию иметь представление об используемом ИИ в контексте его выгоды для организации и понимание соотношения потенциальных рисков причинения вреда заинтересованным сторонам, динамичности изменения рисков, связанных с ИИ, и необходимости их оперативного устранения. Кроме того, принципиально важно, что в своем исследовании А.Р. Атабеков и О.А. Ястребов не ограничиваются констатацией этого положения указанного документа ISO, а отмечают потенциальные негативные последствия от использования ИИ:

- потенциальный риск монополизации рынков за счет устранения конкурентов, не использующих ИИ;
- принятие результатов обработки ИИ без должной верификации и, как следствие, потенциальная предвзятость в суждениях, ошибки и сопутствующий вред организации или государству;
- несоответствие скорости обучения ИИ и «ручного» контроля со стороны человека;
- влияние ИИ на человеческий капитал, потенциальная дискриминация фундаментальных прав работников, диспропорция кадровых ресурсов ввиду увольнения или переквалификации;
- репутационные издержки в случае неконтролируемой деятельности (с. 191–192).

По мнению авторов, с учетом непредсказуемых положительных и отрицательных эффектов от применения ИИ необходимо зафиксировать влияющие на трансграничное состояние самой технологии сложности определения границ для стандартизации ИИ. Речь идет здесь, во-первых, о многокомпонентности и взаимосвязанности систем ИИ, затрудняющей мониторинг такого количества элементов и, как следствие, формирование доказательственной базы в случае выявления потенциальных нарушений закона; во-вторых, о непредсказуемых результатах, которые могут возникнуть со временем, из-за непрерывного развития и адаптации систем ИИ; в-третьих, об автономности в принятии решений и непрозрачности алгоритма. Именно эти факторы, на взгляд ученых, влияют на оценку деятельности ИИ (с.193).

В связи с этим А.Р. Атабеков и О.А. Ястребов сосредоточиваются на ключевых задачах, которые необходимо решить организациям, занимающимся разработкой стандартов в области ИИ. Среди них: определение критичности риска влияния ИИ на человека (в том числе на его права и свободы); формирование единого подхода к

проведению испытаний и определение конкретного контура для технологий с элементами ИИ; разработка специальных стандартов, отражающих предметные особенности конкретной системы ИИ и требующих единого понимания для всех участников процесса стандартизации и минимизации факторов дублирования и разночтений (там же). В качестве положительных примеров правового решения вопроса стандартизации авторы внимательно анализируют Регламент (Закон ЕС об ИИ), устанавливающий согласованные правила в отношении ИИ 2021 г., Белую книгу в области стандартизации ИИ для Китая и Программу по стандартизации по направлению «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 гг., разработанную Росстандартом совместно с Минэкономразвития России (с. 193–200).

Интерес представляют выводы авторов об особенностях стандартизации в разных странах и на международном уровне: 1) в целом стандартизация (в ряде случаев сертификация) деятельности, связанной с технологиями ИИ, является приоритетной задачей для большинства стран мира. Соответствующий приоритет представлен как на национальном, так и наднациональном уровне; 2) сам механизм стандартизации ИИ нуждается в создании единых правил использования технологий ИИ (с. 200–201).

Но этим авторы не ограничиваются и вносят значимые предложения относительно содержательных подходов к ИИ в различных сферах публичных отношений: в целях системного регулирования ИИ учитывать стадийность разработки технологии и уровень ее готовности. Стадийность регулирования предлагается закреплять на горизонте краткосрочного (1–3 года), среднесрочного (3–5 лет) и долгосрочного (5–10 лет) планирования на различные комплексы и подходы в регулировании ИИ в различных отраслях права и специализированной направленности применения ИИ, а также скорости развития самой технологии ИИ и готовности органов власти (с. 269).

И далее в монографии в привязке к этим стадиям регулирования ИИ А.Р. Атабеков и О.А. Ястребов фокусируются на базовых подходах к интеграции ИИ в сферу публичных отношений в России на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды и формулируют креативные предложения. Их много и выделить наиболее востребованные на каждом этапе планирования сложно. Перечислим некоторые. На этапе *краткосрочного регулирования ИИ* предлагается:

1) для выполнения текущих задач в публичной сфере сформировать различные уровни допуска к информации и зафиксировать их в соответствующих нормативных правовых актах;

2) внести изменения в АПК и КАС РФ (гл. 29 и 33 соответственно) в порядок участия ИИ в упрощенном рассмотрении споров сторон и предусмотреть возможности формирования особых сегментов правоотношений в сфере административного судебного процесса;

3) в контексте участия технологии ИИ в гражданском, административном и ином процессе в части правосубъектности и базовых правовых условий для ее формирования рекомендуется: разработчиков, пользователей, продавцов и иных лиц, участвующих в функционировании и применении ИИ, именовать «электронное лицо»; профильным органам власти разработать (в рамках поручения Правительства РФ) требования к уставному капиталу указанного лица в разрезе сегментов рынка и учредителя; создание профильной саморегулируемой организации (СРО), которая

объединит разносторонние направленные технологии и компании в целях формирования соответствующих инициатив по рынку и др. (с. 297–300).

Кроме того, на этом этапе предлагается законодательно закрепить, возможно в отдельном законе/кодексе, идентифицирующий признак лиц, задействованных в разработке ИИ, обозначив их лицами, использующими технологию ИИ как систему, использующую когнитивные функции человека созданную человека (с. 369).

На этапе *среднесрочного* планирования регулирования ИИ в целях формирования позитивного облика технологий ИИ для общества рекомендуется в рамках открытой базы данных предусмотреть использование принципов социального рейтинга; создание единых систем стандартизации ИИ; определить дальнейшие подходы к устойчивости правовой конструкции по регулированию ИИ в публичной сфере; разработать индексов: надежности технологии ИИ, их защищенности; удовлетворенности технологией ИИ и оценки ИИ (с. 301–306). На основании собранных данных рекомендуется законодательно зафиксировать три индекса: индекс ИИ-зрелости органа власти; индекс эффективности обработки обращений ИИ органом власти; индекса технической устойчивости (с. 305–306, 309–310).

В рамках среднесрочного регулирования ИИ для лиц, выступающих разработчиками, пользователями, продавцами и иными лицами, участвующими в применении ИИ, предлагается:

– законодательное закрепление ведения закрытого реестра в отношении указанных лиц за профильным органом власти (Минцифра России), наделив это Министерство следующими возможностями: вести реестр лучших практик по применению ИИ; рекомендовать разработчиков ИИ в процедуре отбора поставщиков, и др. (с. 323);

– дополнить нормы АПК и КАС РФ правилами отвода ИИ от использования в судебных процедурах;

– разработать систему сертификации для ИИ, провести аудит более 200 стандартов и др. (с. 324–325).

На этапе *долгосрочного* планирования интеграции ИИ в сферу публичных отношений в России авторы предлагают: 1) выделить три категории лиц с учетом готовности технологии ИИ и ее целевого назначения (узкоспециализированный ИИ, базовый ИИ и искусственный сверхинтеллект). Соответственно этим целевым назначениям, в Законе о регулировании ИИ определить лиц, выступающих разработчиками, пользователями, продавцами и иными лицами, участвующими в функционировании и применении ИИ в сфере публично управления (с. 327); 2) применять предиктивные методы для пресечения административных правонарушений. Например, в контексте контрольно-надзорной функции органов государственного управления провести эксперимент и изучить правонарушения, связанные с ДТП, в сфере финансовых рынков и налогообложения, общественного порядка и соблюдения порядка управления (с. 331–332). С учетом формирования полностью автономных систем принятия решений в контексте представления публичных услуг и выполнения контрольно-надзорных мероприятий авторы считают целесообразным дополнить законодательство и наделить дополнительными функциями контроля использования ИИ ФСБ России, ФСО России, Минобороны России и Минцифры России (с. 345); 3) создать алгометрический суд, функционирующий под контролем человека и предусмотреть в АПК и КАС РФ возможности потенциального истца выбирать порядок рассмотре-

ния дела коллегиальным составом суда, где один из судей представлен ИИ, или присяжными заседателями при участии ИИ (с. 373); 4) закрепить за ограниченным кругом участников рынка ИИ – системообразующими компаниями и профильными ведомствами в сфере безопасности и обороноспособности страны – ответственность за подготовку редакции стандарта деятельности сверх ИИ, провести сертификацию базового ИИ в целях выделения его отдельной правосубъектностью и др. (с. 374).

Таким образом, проведенный А.Р. Атабековым и О.А. Ястребовым комплексное исследование стратегического позиционирования ИИ в сфере публичного управления в России и зарубежных странах, заслуживает самой высокой оценки с научно-теоретической и практической точек зрения. Рецензируемая монография обогащает правовую науку, государствоведение и управление, практических юристов и правоведов, специалистов в области ИИ-технологий новыми знаниями о внедрении технологий ИИ в различные сферы публичных отношений.

Сведения об авторе:

Алферова Елена Васильевна – кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

ORCID: 0000-0003-1630-1070; SPIN-код: 8179-7888

About the author:

Elena V. Alferova – Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Jurisprudence, Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences; 51/21 Nahimovskij avenue, Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1630-1070; SPIN-code: 8179-7888

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-201-207>
EDN: RRRPWE

Информационная статья / Information Article

Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: обзор Международного научного юридического форума памяти профессора В.К. Пучинского, 17 октября 2025 г.

Е.П. Русакова , Е.Е. Фролова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Российская Федерация
 rusakova-ep@rudn.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Русакова Е.П. – основная часть, выводы; Фролова Е.Е. – общая концепция статьи, общая редакция статьи. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01022, <https://rscf.ru/project/24-28-01022/>

Поступила в редакцию: 12 декабря 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: обзор Международного научного юридического форума памяти профессора В.К. Пучинского, 17 октября 2025 г. // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 1. С. 201–207. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-201-207> EDN: RRRPWE

Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world: Review of the International Scientific Legal Forum in memory of professor V.K. Puchinsky, October 17, 2025

Ekaterina P. Rusakova , Evgenia E. Frolova

RUDN University, Moscow, Russian Federation
Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation
 rusakova-ep@rudn.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Rusakova E.P. – main body of the article and conclusions; Frolova E.E. – general concept of the article and overall editing.

Funding. The study was financed by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01022, <https://rscf.ru/project/24-28-01022/>

Received: 12th December 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Rusakova, E.P., Frolova, E.E. (2026) Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world: Review of the International Scientific Legal Forum in memory of professor V.K. Puchinsky, October 17, 2025. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 201–207. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-201-207> EDN: RRPRWE

17 октября 2025 г. состоялся Международный научный юридический форум памяти Заслуженного деятеля науки РФ, профессора, выдающегося советского и российского компаративиста, специалиста в области гражданского процессуального права РФ и зарубежных стран В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», организованный кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. В работе форума приняли участие более 100 ученых и специалистов-практиков, из которых 28 зарубежных участников, 26 региональных участников, представляющие ведущие образовательные учреждения и научные организации Российской Федерации и зарубежных стран.

Участниками и организаторами форума стали известные ученые, представители ведущих научных школ страны и зарубежья, среди которых: *Клеандров Михаил Иванович* (Член-корреспондент РАН, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук), *Абашидзе Аслан Хусейнович* (Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, д-р юрид. наук, профессор, директор юридического института РУДН), *Кудрявцева Елена Васильевна* (д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова); *Борисова Елена Александровна* (д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова); *Синицын Сергей Андреевич* (д-р юрид. наук, профессор РАН, заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ); *Кузнецов Михаил Николаевич* (Почетный работник высшего

образования РФ, д-р юрид. наук, профессор, профессор-консультант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов); *Бегичев Александр Валерьевич* (д-р юрид. наук, профессор кафедры адвокатуры и нотариата МГЮА имени О. Е. Кутафина); *Кожокарь Игорь Петрович* (д-р юрид. наук, ведущий научный сотрудник сектора философии и права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН); *Шидловский Андрей Викторович* (канд. юрид. наук, доцент, декан юридического факультета Белорусского государственного университета); *Мещанова Мария Валентиновна* (д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Белорусского государственного университета); *Петрук Галина Владимировна* (канд. пед. наук, директор департамента научно-исследовательской работы Владивостокского государственного университета); *Трезубов Егор Сергеевич* (канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического института Кемеровского государственного университета, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О. Е. Кутафина).

Научное мероприятие было открыто приветственными словами: д-ром юрид. наук, Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, Заслуженным юристом Российской Федерации, профессором, заведующей кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы *Евгенией Евгеньевной Фроловой*, д-ром юрид. наук, профессором кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова *Еленой Васильевной Кудрявцевой*, д-ром юрид. наук, Почетным работником высшего профессионального образования РФ, профессором-консультантом кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы *Михаилом Николаевичем Кузнецовым*, в которых подчеркивалась важность проведения данного ежегодного мероприятия для всего научного сообщества, а также сохранения творческого наследия и преемственности научных взглядов учеников профессора В.К. Пучинского в их научных докладах, посвященных как различным институтам российского гражданского процесса, так и зарубежного гражданского процесса.

Модераторами форума, Е.Е. Фроловой и Е.П. Русаковой, была отмечена важность и значение научных работ В.К. Пучинского, среди которых монографии, комментарии к законам, обобщения судебной практики, в том числе переведенные на иностранные языки и изданные за рубежом, основные идеи которых находят отражение в научных работах нынешнего поколения ученых – компаративистов.

На пленарном заседании были представлены доклады, с которыми выступили:

Заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права *Е.Е. Фролова*, посвятившая доклад вкладу ученых, осуществляющих многоплановые исследования в рамках научной школы «Компаративистика частного права и цивилистического процесса», объединяющей ученых и молодых исследователей юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Коллективом научной школы за 2025 год были реализованы несколько направлений исследований, посвященных разработке теоретических моделей и методов разрешения споров сквозь призму цифровизации в странах Африки, в рамках которого были представлены авторские теоретические модели и методы разрешения

споров под воздействием интеллектуальных технологий, роботизированных систем, Больших Данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, а также моделирование ключевых проблем, возникающих в процессе внедрения и эксплуатации сквозных цифровых технологий на африканском континенте; сформулированы конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства и юридической техники в странах Африки; разработана теоретическая модель разрешения споров под воздействием глобальной цифровизации жизнедеятельности общества. Данная модель позволит решить ряд проблем, связанных с конвергенцией и гармонизацией социально-культурных и цифровых трендов развития общества на примере некоторых стран Африки для обеспечения адекватного ответа на мировые вызовы; проанализирован зарубежный опыт трансформации способов разрешения споров посредством внедрения сквозных цифровых технологий, а также законодательство стран Африки с высоким уровнем развития IT-технологий, а также расширению действия процессуальных механизмов пресечения нарушений авторских и смежных прав в сети Интернет как способу повышения эффективности трансграничной охраны интеллектуальной собственности цифровых экономик, в процессе исследования разработан новый концептуальный подход в регулировании использования фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии; проведен комплексный анализ существующих способов защиты прав и законных интересов в отношении указанных объектов защиты с целью выработки новых механизмов, максимально обеспечивающих баланс интересов как правообладателей, так и пользователей сети Интернет, выявлены эффективные стратегии и методы, используемые для предотвращения и пресечения нарушений авторских прав в цифровой среде.

Участниками научного коллектива гранта РФФИ № 24-28-01022 «Разработка теоретических моделей и методов разрешения споров сквозь призму цифровизации в странах Африки» под руководством д-ра юрид. наук, доцента, профессора кафедры гражданского права и процесса и международного частного права *Е.П. Русаковой* были представлены научные итоги реализации фундаментального научного исследования. В частности, *Е.П. Русакова* в своем докладе «Эволюция арбитражного разрешения споров в странах Африки» отметила положительный опыт принятия специальных руководящих принципов применения технологий искусственного интеллекта в арбитраже в некоторых странах Африки, что является мировой тенденцией в регулировании использования ИИ в арбитраже. *Е.П. Русакова* обратила внимание на проблему так называемого «черного ящика», когда внутренние процессы работы моделей ИИ остаются непрозрачными и труднообъяснимыми, а также на риски и угрозы, связанные с ненадлежащим использованием ИИ, связанные с конфиденциальностью и безопасностью данных, полученных в ходе арбитража. Руководящие принципы устанавливают правила для арбитражного трибунала в решении вопроса об использовании технологий ИИ в арбитраже: оценить необходимость использования технологий искусственного интеллекта, сопоставив преимущества его эффективности с рисками; рассмотреть вопрос о безопасности данных и точности используемого алгоритма искусственного интеллекта; изучить соответствующие положения законодательства места арбитража, процедуры арбитража, и возможности сторон в части использования технологий искусственного интеллекта.

Б.И. Башилов, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, в своем выступлении «Альтернативное

разрешение споров в ЮАР» уделил внимание феномену цифровизации альтернативных способов разрешения споров в ЮАР. Пришел к выводу, что процесс трансформации арбитража, медиации, посредничества и других форм защиты прав является более гибким, чем в судебном способе в ЮАР.

Т.А. Чернышева, стажер-исследователь кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, в своем докладе «ИИ-оценка доказательств: этические риски в контексте африканского обычного права» сделала акцент на законодательство Объединенной Республики Танзания, в судебной системе которой на протяжении многих лет сохранялась проблема ограниченного доступа к правосудию, порождённая комплексом объективных факторов: значительной территориальной удалённостью судебных учреждений от мест проживания участников процесса, существенными материальными затратами, сопряжёнными с ведением дел, а также иными организационными сложностями. В попытке преодолеть обозначенные препятствия в 2021 году были приняты «Правила судопроизводства и применения законов» (№ 631), внедряющие институты дистанционного судопроизводства и электронного документооборота, что ознаменовало собой важный этап трансформации национальной судебной системы.

Особую проблематику порождает внедрение в судопроизводство доказательств, генерируемых системами искусственного интеллекта. Несмотря на то, что ТЕА (в редакции 2022 года) и ЕТА закрепляют юридическую силу электронных записей (раздел 3 ТЕА), а также предъявляют требования к их целостности, подлинности и возможности электронной подписи (разделы 5 и 11 ТЕА), данные нормы не содержат специализированных положений, регламентирующих оценку ИИ-генерируемых материалов. Для их признания допустимыми суду необходимо установить: во-первых, прозрачность и воспроизводимость алгоритмов, использованных при формировании доказательств; во-вторых, надёжность механизмов аутентификации (в том числе посредством электронных подписей); в-третьих, непосредственную релевантность и достоверность сведений в контексте рассматриваемого дела.

И.А. Гроник, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права в своем выступлении «Наследственные правоотношения в современной Индии» обратила внимание на развитие институтов наследственного права в Индии, положительный опыт регулирования которых следует имплементировать в российское законодательство.

Е.В. Купчина, канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права в своем докладе «Правовое регулирование произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта: опыт Китая», выявила ряд теоретических и практических проблем правового регулирования произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта в Китае, от решения которых напрямую зависит защита прав авторов произведений.

А.В. Бегичев, д-р юрид. наук, профессор кафедры нотариата Московского государственного юридического Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в своем докладе «Реализация современных функций нотариата для эффективного взаимодействия государства и бизнеса» рассмотрел роль современного нотариата как института доверия, обеспечивающего юридическую безопасность граждан, бизнеса и государства, особое внимание уделив ключевым функциям нотариата, включая укрепление доверия в обществе, внедрение цифровых решений, содействие взаимодействию государства и бизнеса, а также влияние нотариальной деятельности

на экономическое развитие России, определил основные направления развития нотариата, такие как цифровизация, обеспечение доказательств, медиативные соглашения, использование электронной подписи и реестров, а также проанализировал статистические данные, подтверждающие рост доверия к нотариату со стороны бизнеса и граждан.

Е.С. Трезубов, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического института Кемеровского государственного университета; доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) в своем выступлении «Проблемы применения предварительных обеспечительных мер в цивилистическом процессе» обратил внимание на нагрузку судов в части принятия обеспечительных мер по доменным спорам.

Б.М. Кличева (Республика Узбекистан), преподаватель кафедры гражданского и бизнес-права Каракалпакского государственного университета им. Бердаха в своем докладе «Влияние мусульманского права на регулирование имущественных отношений супругов в Узбекистане» пришла к выводу, что в мусульманском праве, которое выступало источником права с VIII века, на территории Средней Азии семейно-имущественные отношения не выделялись в самостоятельный институт, поскольку регулировались общими религиозно-этическими нормами шариата.

Ху Найсинь, канд. юрид. наук, доцент Шаньдунского университета, *Хуан Цинъюй*, д-р юрид. наук, профессор Шаньдунского университета, *Ян Жуйхэ*, д-р юрид. наук, профессор Шаньдунского университета, *Ли Рруоци*, канд. юрид. наук, доцент Шаньдунского университета, подготовили совместный доклад, посвященный правовому регулированию новых объектов гражданского права Китайской Народной Республики.

Международный юридический научный форум памяти профессора В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» завершился словами благодарности председателя оргкомитета *Е.Е. Фроловой* и секретаря оргкомитета *Е.П. Русаковой* всем участникам и персонально д-ру юрид. наук, профессору *Е.В. Кудрявцевой* за многолетнее научное сотрудничество и участие в ежегодном проведении мероприятия, а также приглашением принять участие 16 октября 2026 года в следующем ежегодном Международном юридическом научном форуме памяти профессора В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире».

Сведения об авторах:

Русакова Екатерина Петровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; г.н.с., Владивостокский государственный университет; 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ORCID: 0000-0001-6488-0754; SPIN-код: 5995-0005; Scopus Author ID: 57192093101
e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Фролова Евгения Евгеньевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; в.н.с., Владивостокский государственный университет; 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ORCID: 0000-0002-1852-0085; SPIN-код: 5471-0740; Scopus Author ID: 56439998700
e-mail: frolova-ee@rudn.ru

About the authors:

Ekaterina P. Rusakova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation; Chief Researcher, Vladivostok State University; 41 Gogolya str., Vladivostok, Primorsky Territory, Far Eastern Federal District, 690014, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6488-0754; SPIN-code: 5995-0005; Scopus Author ID: 57192093101
e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Evgenia E. Frolova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Leading Researcher, Vladivostok State University; 41 Gogolya str., Vladivostok, Primorsky Territory, Far Eastern Federal District, 690014, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1852-0085; SPIN-code: 5471-0740; Scopus Author ID: 56439998700
e-mail: frolova-ee@rudn.ru